

НАША ЗАДАЧА

СОДЕРЖАНІЕ:

П. МАСЛОВЪ. Дорогъ-ли рабочій трудъ въ Россіи?

П. Б. АКСЕЛЬРОДЪ. На очередныя темы. (Объ организаціи раб. издательства).

Л. СЪДОВЪ. Отклики: Борьба съ „ликвидаторами“, ленинцы и избир. кампанія.

А. МИХАЙЛОВЪ. Къ характеристикѣ соврем. рабоч. движенія въ Россіи. (О послѣднемъ забастов. движеніи).

Л. МАРТОВЪ. Предвыборныя замѣтки. (Умѣренность въ любви и умѣренность въ ненависти).

Иностранное обозрѣніе.

П. Б. АКСЕЛЬРОДЪ. Викторъ Адлеръ.
В. ЛЕВИЦКІЙ. Политическое движеніе въ Венгріи.

ВИКТОРЪ МАНДЕЛЬБЕРГЪ. (Бывш. чл. 2-й Гос. Думы). Новый избирательный законъ въ Италіи (Письмо изъ Италіи).

ДЖЕМСЪ. Злостное покушеніе на лучшія традиціи америк. народа.

Политическое обозрѣніе.

Н. ЧЕРЕВАНИНЪ. Конецъ октябризма.

АНТ. САВИНЪ. Какъ относятся с.-р. къ выборамъ въ 4-ю Гос. Думу. (Письмо въ Ред.).

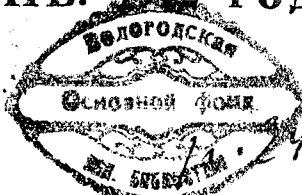
III-й годъ изданія.

НАША ЗАРЯ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ журналъ.

№ 6.

СПБ. 1912 годъ.

Контора журнала проситъ полугодовыхъ подписчиковъ
поторопиться взносомъ подписныхъ денегъ.

Типографія И. Лурье и К^о, СПБ. Гороховая 48.

Жс 16791

Отъ редакціи.

За статью «Предвыборныя настроенія» въ 4-мъ №-рѣ «Нашей Зари» наложенъ штрафъ въ 300 руб. Нашему журналу, вѣдущему борьбу за свое существованіе вотъ уже 2¹/₂ года, не разъ приходилось переживать тяжелыя времена.

Въ началѣ 1911 года журналъ «по независящимъ обстоятельствамъ» лишился цѣлаго ряда сотрудниковъ. Въ концѣ того-же года, и почти подрядъ, на три книжки журнала былъ наложенъ арестъ, а редакторъ О. В. Федорченко привлеченъ по 129 ст. Въ началѣ текущаго года въ квартирахъ цѣлаго ряда сотрудниковъ, открыто участвующихъ въ журналѣ, были произведены обыски; обыскана была типографія и контора журнала; изъяты денежные счета, взяты и не возвращены рукописи и иные редакціонныя матерьялы. Больше того. Одинъ изъ сотрудниковъ журнала А. Н. Потресовъ былъ арестованъ, съ предъявленіемъ ему обвиненія по 102 ст. за участіе въ журналѣ, готя журналъ и обязанъ своимъ двухлѣтнимъ существованіемъ исключительно частной инициативѣ. Наконецъ, мѣсяца три тому назадъ, на ряду съ редакторомъ, уже привлеченнымъ по 129 ст. по той-же статьѣ привлеченъ (за №7—8-й 1911 г., гдѣ была помѣщена ст. Мартова «Избирательная платформа») и издатель журнала А. Э. Дюбуа.

Органу типа «Нашей Зари», выступившему въ 1910 г. почти безъ всякихъ средствъ и выступившему въ періодъ почти еще полнаго общественнаго затишья, само собой разумѣется, и безъ этихъ независящихъ обстоятельствъ нуженъ былъ не годъ и не два для того, чтобы твердо и прочно встать на свои собственныя ноги. Даже научному органу германской соц.-демократіи „Neue-Zeit“, имѣющему за собой организованную поддержку германской с.-д. партіи, понадобилось чуть не два десятилѣтія, чтобы свести, наконецъ, свой бюджетъ безъ дефицита. Что-же сказать о такомъ органѣ, какъ «Наша Заря», не связанномъ ни съ какой организаціей? И, однако, даже въ условіяхъ русской жизни, какъ показываетъ почти 3-лѣтній нашъ опытъ, можно было-бы смѣло питать надежду на значительно болѣе короткій въ этомъ отношеніи срокъ. Мы сказали: «Можно было-бы»... Единственное условіе для такой возможности: постоянное содѣйствіе сочувствующаго журналу читателя.

Въ настоящее время все говоритъ за то, что журналъ нашъ вступаетъ въ полосу жизни, еще болѣе тяжелую, чѣмъ раньше. Ясно: чтобы пережить и ее, чтобы преодолѣть все и асяческія на своемъ пути препятствія, для него больше, чѣмъ когда-либо, необходимо то постоянное содѣйствіе сочувствующаго читателя, которое мы назвали выше.

Дорогъ ли рабочій трудъ въ Россіи?

I.

Въ послѣдніе два года экономическая борьба рабочихъ и предпринимателей обостряется. Въ періодъ 1907—10 годовъ рабочіе были такъ придавлены промышленной репрессіей и реакціей, что, не смотря на вздорожаніе жизни, не рѣшались бороться. Теперь, когда дороговизна еще болѣе возрасла, когда нѣкоторое промышленное оживленіе стало давать надежду на успѣхъ въ экономической борьбѣ, рабочіе снова поднимаютъ голову и пытаются путемъ стачекъ повысить заработную плату и улучшить свое положеніе.

Раньше предприниматели угнетали рабочихъ не прибѣгая къ аргументамъ, а прибѣгая къ помощи полиціи. Но теперь они начинаютъ придавать значеніе и общественному мнѣнію и такъ или иначе стараются склонить его въ свою пользу путемъ услуживающей имъ печати.

Обыкновенно предприниматели просто вопятъ объ убыточности для нихъ болѣе высокой заработной платы, о невозможности вести предпріятія въ случаѣ ея повышенія. Но такіе вопли никого не вводятъ въ заблужденіе и не убѣждаютъ, такъ какъ всѣ знаютъ, какъ низка въ Россіи заработная плата сравнительно съ заработной платой европейскихъ и американскихъ рабочихъ. Трудно повѣрить, что русскій предприниматель, уплачивая въ четыре раза болѣе низкую заработную плату, чѣмъ американскій, будетъ терпѣть убытокъ вслѣдствіе нѣкотораго ея повышенія.

Чтобы „обработать“ общественное мнѣніе недостаточно изливаться въ жалобахъ, которымъ никто не повѣритъ. Нужно „доказать“, что общераспространенное мнѣніе о дешевизнѣ рабочихъ рукъ неправильно, что въ дѣйствительности рабочія руки русскимъ предпринимателямъ стоятъ очень дорого, что повышеніе заработной платы отразится губительно на русской промышленности.

Въ органѣ совѣта съѣздовъ представителей промышленности и торговли „Промышленность и торговля“ статистически доказывається, что „малый заработокъ рабочаго не есть признакъ дешевизны рабочихъ рукъ“.

Вопросу о дороговизнѣ труда русскихъ рабочихъ въ одномъ номерѣ (№ 10, 1912 года) посвящено сразу двѣ статьи, чрезвычайно убѣдительныхъ для.. предпринимателей и профановъ въ экономической наукѣ. Впрочемъ, не только для профановъ. Въ политической экономіи въ настоящее время господствуетъ теорія заработной платы, подтверждающая аргументы печальниковъ предпринимательскаго гора.

Среди экономистов-академиковъ наибольшей популярностью пользуется теорія заработной платы, по которой высота заработной платы опредѣляется производительностью труда рабочаго. Одни экономисты опредѣляющимъ факторомъ считаютъ производительность труда „последняго“, наименѣе производительнаго рабочаго, другіе, какъ проф. М. И. Туганъ-Барановскій, считаютъ, что производительность труда просто опредѣляетъ высоту заработной платы: выше производительность труда,—выше и заработная плата.

Если принять эту теорію, то окажется, что рабочій всегда получаетъ „справедливое“ вознагражденіе. Если русскій рабочій и получаетъ низкую заработную плату, то только потому, что производительность его труда ниже. Слѣдовательно и имѣть претензію на одинаковую заработную плату съ европейскими рабочими онъ не можетъ, такъ какъ даже его низко оплаченный трудъ „стоитъ“ предпринимателямъ очень дорого.

Эту „истину“ и стараются доказать авторы статей въ „Промышленности и торговлѣ“, опираясь на статистическія данныя.

Въ статьѣ „Дорого стоящая дешевизна“ г. Гливиць сравниваетъ размѣры заработной платы и прибыли Американской стальной корпораціи (U. S. Steel Corporation) съ одной стороны и Южнорусскаго Днѣпровскаго металлическаго общества—съ другой. Сопоставляя данныя за рядъ лѣтъ авторъ находитъ, что въ Америкѣ на 1.386.263.225 долл. заработной платы, выданной стальнымъ трестомъ рабочимъ за 10 лѣтъ, получено прибыли 1.221.732.388 долл. или 88% по отношенію къ заработной платѣ, а въ Южно-русск. мет. обществѣ за 8-лѣтіе 1903—1911 гг. выдано заработной платы 48.587.920 руб. и получено прибыли 16.697.762 руб. или 34%. Между тѣмъ заработная плата американскихъ металлургическихъ рабочихъ выше въ четыре раза заработной платы русскихъ рабочихъ. Повидимому жалобы предпринимателей и ученыхъ защитниковъ ихъ интересовъ справедливы: русскій трудъ стоитъ очень „дорого“.

Въ другой статьѣ другой авторъ доказываетъ, что и сравнительно съ Германіей въ Россіи оплата труда стоитъ предпринимателямъ дороже. Доказательства тѣ же. Въ Германіи, какъ и въ Соединенныхъ Штатахъ производительность каждаго рабочаго выше, чѣмъ въ Россіи. Каждый рабочій въ Германіи и въ Соединенныхъ Штатахъ, получая болѣе высокую заработную плату, производитъ продуктовъ значительно больше, чѣмъ русскій рабочій. Поэтому, не смотря на болѣе высокую оплату труда германскій, какъ и американскій предприниматель, получаетъ не меньшую прибыль, чѣмъ русскій предприниматель.

Эти выводы, подкрѣпленные теоріей политико-экономовъ, кажутся очень убѣдительными. Повидимому, рабочимъ приходится мириться со своей участью, а для увеличенія своего заработка прибѣгать къ единственному средству,—увеличить свою „производительность“, усерднѣе работать, удлинить рабочій день и т. д.

Всѣ указанія на малую производительность труда русскихъ рабочихъ совершенно правильны. Тѣмъ не менѣе нѣкоторое недоумѣніе вызываетъ слѣдующее явленіе. Рабочій день въ Россіи продолжительнѣе, чѣмъ въ Германіи, а въ Германіи продолжительнѣе, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Очевидно въ Россіи рабочей эксплуатируется сильнѣе, чѣмъ на Западѣ. Чѣмъ же объясняется низкая производительность труда русскаго рабочаго, если его эксплуатируютъ сильнѣе?

Авторы, плакавшіеся на „дороговизну“ русскихъ рабочихъ, считаютъ прибыль не по отношенію ко всему основному капиталу, а по отношенію къ суммѣ заработныхъ платъ. Защищая интересы своихъ хозяевъ, вышеназванные авторы почему-то ни словомъ не обмолвились о размѣрахъ капитала затрачиваемаго въ производство, хотя, какъ извѣстно, хозяева всегда считаютъ прибыль по отношенію къ затраченному капиталу, а не по отношенію къ заработной платѣ. Но въ данномъ случаѣ слуги капитала почему то превратились въ социалистовъ-марксистовъ и считаютъ норму эксплуатации рабочаго, а не норму прибыли.

Сдѣлано это для того, чтобы скрыть неправильность расчетовъ, чтобы скрыть, что норма прибыли, такъ же какъ и производительность труда зависитъ не столько отъ разницы въ усердіи рабочаго, сколько отъ строенія капитала, затраченнаго въ производствѣ.

Если мы возьмемъ наилучше оборудованное южно-русское днѣпр. мет. общество и сравнимъ съ Германскимъ обществомъ Гильзенкирхенъ, то увидимъ слѣдующую разницу. Въ русскомъ предпріятіи на 14—15 тыс. рабочихъ затраченъ основной капиталъ въ 13 милліоновъ рублей,—менѣе 1 тысячи рублей на рабочаго.

Въ Германіи на 46 тыс. рабочихъ и служащихъ общества Гильзенкирхенъ имѣется основной и облигаціонный капиталъ въ 226 милл. марокъ или около 2.500 руб. на рабочаго, т. е. болѣе, чѣмъ въ 2 $\frac{1}{2}$ раза больше, чѣмъ въ Россіи *).

Величина основного капитала, затрачиваемаго на машины и прочія орудія производства имѣетъ первостепенное значеніе для производительности труда. Чѣмъ больше основной капиталъ по отношенію къ заработной платѣ или переменному капиталу, тѣмъ трудъ производительнѣе. Такимъ образомъ меньшая производительность русскаго рабочаго зависитъ не отъ его лѣности, некультурности и прочихъ грѣховъ, приписываемыхъ русскому рабочему предпринимателями, а отъ нежеланія русскихъ предпринимателей затрачивать основной капиталъ въ такихъ же размѣрахъ, какъ въ Германіи или въ Соединенныхъ Штатахъ.

Но и нежеланіе русскихъ предпринимателей дѣлать большія затраты на основной капиталъ вызывается вовсе не ихъ невѣ-

*) Если принять во вниманіе, что оборудованіе фабрикъ вслѣдствіе таможенныхъ пошлинъ въ Россіи стоитъ дороже, чѣмъ въ Германіи и Соединенныхъ Штатахъ, то нужно признать, что техническое оборудованіе заводовъ въ Россіи не въ 2 $\frac{1}{2}$ раза, а въ три раза ниже, чѣмъ въ Германіи.

жествомъ. Иностранцы (бельгійцы, французы, нѣмцы) въ русскихъ предпріятіяхъ такъ же скупаются на затраты въ основной капиталъ, какъ и доморощенные русскіе предприниматели. Разумѣется и въ Россіи въ крупныхъ предпріятіяхъ вводятся всѣ лучшія усовершенствованія, поскольку они сокращаютъ издержки производства. Тѣмъ не менѣе въ Россіи, особенно при различныхъ вспомогательныхъ работахъ, никогда не вводится такихъ орудій производства, экономящихъ трудъ, какъ въ Западной Европѣ и, тѣмъ болѣе, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

IV.

Итакъ причину меньшей производительности труда въ Россіи не трудно нати: она заключается въ меньшихъ затратахъ на русскія производства, т. е. зависитъ отъ предпринимателей.

Почему же русскіе предприниматели не желаютъ имѣть болѣе производительный трудъ? Потому, что этотъ трудъ дешевъ. Когда заработная плата высока, предпринимателю выгодно введеніе даже дорого стоящей машины, потому что при увеличеніи производительности труда издержки на заработную плату относительно падаютъ. Напротивъ при низкой заработной платѣ введеніе машинъ невыгодно, такъ какъ процентъ на затраченный въ машину капиталъ и текущія издержки превышаютъ заработную плату.

Въ нѣкоторыхъ производствахъ можно точно учесть, при какой высотѣ заработной платы выгодно введеніе машинъ.

Въ Германіи въ сельскомъ хозяйствѣ жатвенныя машины употребляются только въ годы съ высокой заработной платой за жнитво.

Въ годы же съ низкой заработной платой машины просто стоятъ въ сараяхъ, такъ какъ выгоднѣе менѣе производительный, но дешевый ручной трудъ.

Нѣкоторыя машины совершенно не употребляются въ Россіи, потому что трудъ рабочихъ слишкомъ дешевъ. Въ Россіи не колютъ машинами дрова, не дробятъ камни. Даже тяжести на постройкахъ домовъ или зданій того же дѣлдровскаго завода поднимаются дешевыми рабочими руками, а не машинами, хотя эти машины очень несложны. Благодаря низкой оплатѣ труда домашніе ткачи на ручныхъ станкахъ, кустари конкурируютъ съ фабричнымъ машиннымъ ткачествомъ и т. д. и т. д.

Повыситъ производительность своего труда рабочіе могутъ только однимъ путемъ,—добившись болѣе высокой заработной платы, лучшей оплаты своего труда. Только при этомъ условіи предприниматели постараются сдѣлать трудъ рабочихъ такъ же производительнымъ, какъ и въ Западной Европѣ. Трудъ германскихъ рабочихъ производительнѣе потому, что тамъ рабочіе добились болѣе высокой оплаты своего труда и этимъ вынуждаютъ предпринимателей увеличивать производительность труда большими затратами основного капитала. Въ Соединенныхъ Штатахъ заработная плата еще выше и это побуждаетъ предпринимателей къ еще большимъ затратамъ на машины и всяческія техническія усовершенствованія.

V.

Мы пришли къ выводамъ противоположнымъ тѣмъ, которые дѣлаются политико-экономами. Не высота производительности труда опредѣляетъ высоту заработной платы въ процессѣ экономической жизни, а наоборотъ, — высота заработной платы вліяетъ на производительность труда.

Изъ изложенныхъ соображеній ясно, что плакальщицы изъ „Промышленности и торговли“, жалуясь на малую производительность труда русскихъ рабочихъ и „дороговизну“, благодаря этому, ихъ труда, сваливаютъ съ больной головы на здоровую. Въмѣсто того, чтобы вопить противъ русскихъ рабочихъ, которые своей борьбой за повышеніе заработной платы даютъ толчекъ техническому прогрессу и увеличенію производительности труда, почтенные „экономисты“, если ужъ такъ желаютъ техническаго прогресса, могутъ рекомендовать предпринимателямъ повысить заработную плату, чтобы сдѣлать выгодными большія затраты на основной капиталъ.

Экономисты-академики не служатъ по найму у предпринимателей, но, несомнѣнно, находятъ подъ вліяніемъ идей, исходящихъ отъ предпринимателей. Объясненіе высоты заработной платы рабочихъ производительностью ихъ труда, является одной изъ такихъ идей, хотя для cadaго должно быть очевидно, что производительность труда зависитъ отъ орудій производства, а, слѣдовательно, отъ предпринимателя, что повышеніе заработной платы является средствомъ, вынуждающимъ предпринимателя повышать производительность труда увеличеніемъ основного капитала.

Усиливавшееся забастовочное движеніе вызвало вопли органа предпринимателей о дороговизнѣ дешеваго труда русскихъ рабочихъ. Рабочіе могутъ на это отвѣтить требованіемъ повысить заработную плату и совѣтомъ увеличить основной капиталъ, чтобы повысить производительность труда.

Экономическая жизнь капиталистическаго общества полна противорѣчій. Однимъ изъ такихъ противорѣчій является констатированное нами явленіе, усердно игнорируемое буржуазными экономистами. Господами экономического строительства являются предприниматели. У нихъ и деньги и власть. Тѣмъ не менѣе творцомъ экономического прогресса, силой, вынуждающей предпринимателей вопреки ихъ волѣ вводить экономическія усовершенствованія, увеличивать производительность труда, является рабочій классъ.

Разумѣется, рабочіе, требуя и добиваясь повышенія заработной платы, не заботятся о техническомъ прогрессѣ. Тѣмъ не менѣе именно они, добиваясь повышенія заработной платы, дѣлаютъ выгодными новыя затраты на увеличеніе основного капитала для повышенія производительности труда. Напротивъ, предприниматели, болтающіе при всякомъ случаѣ объ интересахъ промышленности, употребляютъ всѣ усилія, чтобы препятствовать повышенію заработной платы и вызываемому этимъ повышеніемъ техническому прогрессу. Только скрѣпя сердце, когда повышеніе заработной платы является фактомъ, предпринимателямъ приходится увеличеніемъ основного капитала повышать производительность труда, потому что это становится выгоднымъ.

П. Масловъ.

На очередныя темы *).

(Изъ писемъ П. Б. Аксельрода къ друзьямъ).

...Вы и русскіе друзья доставили мнѣ огромную радость описаніемъ, хотя и чрезчуръ краткимъ и общимъ, рабочаго собранія, созваннаго инициаторами проектируемаго рабочаго издательства.

Для меня главный смыслъ и значеніе, какъ этого собранія, такъ и организаціи рабочаго издательства, по поводу котораго оно было создано, отнюдь не исчерпывается мыслью объ изданіи и редактированіи самими рабочими своей, особой газеты. Мысль эта, въ той конкретной формѣ, въ какой она выразилась, тѣмъ путемъ, какимъ хотятъ инициаторы ее осуществить, быть можетъ, окажется даже еще и неосуществимой въ данную минуту—все равно по какимъ причинамъ. И все-таки многолюдное рабочее собраніе, такъ горячо откликнувшееся на призывъ и предложеніе его инициаторовъ, представляетъ собою въ высшей степени знаменательное явленіе въ развитіи русскаго рабочаго движенія. Оно свидѣтельствуетъ о все болѣе и болѣе растущей потребности передовыхъ рабочихъ стать организаціонно и политически на собственныя ноги, объ ихъ интенсивномъ стремленіи взять дѣло политическаго воспитанія и организаціоннаго сплоченія своего класса въ свои руки. Въ попыткѣ, направленной на организацію самостоятельнаго рабочаго издательства, это стремленіе проявилось особенно ярко. И потому я такъ горячо привѣтствую ее, хотя отнюдь не увѣренъ въ ея непосредственномъ успѣхѣ. Разъ социалистически-сознательные элементы пролетаріата вышли изъ періода политическаго дѣтства, когда они нуждались въ посторонней опекѣ и лишены были всякой самостоятельности; разъ они почувствовали себя умственно и политически взрослыми и стремятся выступить въ роли самостоятельныхъ руководителей освободительнаго движенія пролетарскихъ массъ,—стремленіе это будетъ съ неудержимой силой проявляться въ разныхъ формахъ, по разнымъ поводамъ и въ разнообразныхъ организаціонныхъ усиліяхъ и попыткахъ.

Далеко не всюду первые самостоятельные шаги рабочей интеллигенціи, въ роли организатора и политическаго вождя рабочаго класса, ознаменовывались или совпадали непосредственно съ созданіемъ своей собственной прессы,—собственной въ томъ смыслѣ, что рабочая организація сама брала на себя инициативу въ дѣлѣ изданія и редактированія своихъ органовъ. Въ Германіи первая классовая политическая организація пролетаріата существовала сначала—при Лассалѣ и нѣкоторое время послѣ его смерти—совѣмъ безъ своего органа, т. е., вообще—не имѣя къ своимъ услугамъ періодической прессы, которая цѣликомъ стояла бы на почвѣ программы Общереманскаго Рабочаго Союза и выступала бы подъ его знаменемъ. Но и газета „Соціалдемократъ“, начавшая выходить въ свѣтъ какъ органъ этого Союза въ концѣ 1864 г. (два года съ лишнимъ послѣ первыхъ шаговъ передоваго отряда германскихъ рабочихъ на пути къ организаціонному сплоченію въ самостоятельную политическую силу и 1½ года спустя послѣ учредительнаго рабочаго конгресса (съѣзда), положившаго начало этому сплоченію), была основана отдѣльными лицами—„интеллигентами“—Швейцеромъ

*.) Мы помѣщаемъ интересныя письма П. Б. Аксельрода, полагая, что значеніе ихъ далеко выходитъ за предѣлы того повода, которымъ они были вызваны. Какова бы ни была судьба того „рабочаго издательства“, основанію котораго посвящено было упоминаемое въ письмѣ П. Б. Аксельрода собраніе петербургскихъ рабочихъ, но вопросы, поднимаемые въ письмахъ Аксельрода, сохраняютъ во всякомъ случаѣ всю свою актуальность. *Ред.*

и давшимъ на ея изданіе средства Гофштеттеномъ, которые и оставались нѣскольکو лѣтъ ея собственниками, издателями и редакторами. Но это не мѣшало ей фактически быть органомъ рабочей партіи, выразителемъ ея стремленій и цѣлей, орудіемъ для распространенія ея вліянія на массы и знаменосцемъ въ борьбѣ съ господствующими классами и партіями. Поскольку Общегерманскій Рабочій Союзъ объединялъ въ своихъ рядахъ дѣйствительно политически сознательные и самостоятельные элементы пролетаріата, поскольку эти элементы являлись хозяевами въ своей партіи, способными управлять ею и вліять на ея тактику и общее направленіе, постольку партія могла контролировать газету „Соціалдемократъ“ и вліять на нее, т. е., пользоваться ею, какъ своимъ органомъ, хотя она издавалась на частныя средства, частными лицами и даже редактировалась не рабочими.

И въ исторіи такъ называемой эйзенхаской фракціи *) социаль-демократической партіи Германіи литературно-издательская инициатива рабочихъ скорѣе явилась слѣдствіемъ и проявленіемъ роста и силы ихъ самостоятельной политической организаціи, чѣмъ исходнымъ пунктомъ или средствомъ для образованія такой организаціи. Характерно также, что редакторами центрального органа эйзенхаской фракціи с.-д. партіи—„Народное Государство“ („Volkstaat“) были интеллигенты Гепшнеръ и Либкнехтъ, зато главными ея организаторами являлись даровитые рабочіе Ауеръ, Йоркъ, Вальтейхъ и другіе, съ знаменитымъ, тогда еще юнымъ, Вебелемъ во главѣ. Отъ этого, однако, ни на іоту не уменьшалось подчиненіе этого органа, какъ и другихъ социаль-демократическихъ изданій, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ (соціалдемократамъ), контролю партіи, т. е., политической организаціи передовыхъ элементовъ рабочего класса. Они не только считали себя хозяевами органовъ, выступавшихъ отъ ихъ имени, но и фактически осуществляли свое хозяйское право—на конгрессахъ и другими путями.

Но у насъ, въ противоположность Германіи и нѣкоторымъ другимъ странамъ Запада, социалдемократическая пресса вообще появилась на свѣтъ и приобрѣла крупное значеніе гораздо раньше, чѣмъ передовые рабочіе начали выступать или даже только стремиться выступать на историческую арену, какъ самостоятельная организованная сила для политическаго руководства своимъ классомъ. Это—слѣдствіе того факта, что у насъ социалдемократія сложилась въ партію въ ту эпоху, когда главной сознательной носительницей социалистическихъ идей являлась передовая интеллигенція, а рабочіе, даже и, сравнительно, интеллигентные, за рѣдкими исключеніями, не имѣли возможности стать самостоятельными пропагандистами, агитаторами и организаторами, а могли только служить помощниками для революціонной интеллигенціи, руководимыми и опекаемыми ею. Социалдемократическая партія являлась организаціей, не политически самостоятельныхъ и самоуправляющихся социалистическихъ элементовъ рабочего класса, а, наоборотъ, силой, стоящей надъ ними, преданной имъ, покровительствующей имъ, но все же силой посторонней, независимой отъ нихъ и державшей ихъ въ большемъ или меньшемъ подчиненіи. Это отношеніе передовыхъ рабочихъ къ партіи отражалось и—какъ пережитокъ—отражается и теперь еще въ ихъ отношеніи къ соц.-дем. прессѣ. И оно радикально измѣнится только послѣ того, какъ окончательно ликвидированы будутъ остатки, или организаціонные, тактичeskіе и психологическіе пережитки эпохи развитія с.-д. партіи, какъ интеллигентскаго коллектива, опирающагося на стихійныя массы пролетаріата и опекающаго его социалистически-сознательныхъ представителей.

*) Представлявшей собой нѣчто въ родѣ нашей меньшевистской фракціи, но съ той существенной разницей, что такъ же, какъ и лассальянскій союзъ, эйзенхаская фракція зародилась въ нѣдрахъ самого пролетаріата и являлась съ самаго начала организаціей части его передовыхъ элементовъ.

Только этимъ своеобразнымъ прошлымъ партійнаго развитія и объясняется то, на первый взглядъ, странное явленіе, что имѣя къ услугамъ своимъ социал-демократическую прессу, упорно и самоотверженно отстаивающую классовые интересы пролетаріата, его передовые элементы, вѣроятно даже самые передовые, испытываютъ такую интенсивную потребность въ созданіи своей, особой, газеты, организуютъ особое „издательское товарищество“ и ставятъ передъ рабочими на первомъ планѣ, какъ лозунгъ дня: изданіе своего собственнаго „нефракціоннаго“ органа.

Когда германскіе социалдемократическіе рабочіе начали сами издавать свои органы, они не мотивировали это соображеніями о томъ, что они хотѣтъ имѣть газету не-„фракціонную“, а внѣ-или сверхъ-фракціонную. Отчего? — Да прежде всего, конечно, потому, что обѣ фракціи, на которыя распалася германская социалдемократія до середины 70-хъ годовъ прошлаго вѣка, зародились, развились и окрѣпли среди самаго пролетаріата, внутри его собственнаго и политическаго авангарда. Борьба этихъ фракцій была борьбой между двумя лагерями самихъ социалистическихъ пролетаріевъ изъ-за организаціонныхъ, тактическихъ и политическихъ разногласій, реальный смыслъ и важное значеніе которыхъ они, конечно, понимали. Затѣмъ—и это не менѣе существенно—германская социалдемократія распалася въ первомъ, такъ сказать, отроческомъ періодѣ своего развитія, не на многочисленныя группки и кружки—по капризу тѣхъ или другихъ вліятельныхъ вожаковъ,—а на двѣ большія, организаціонно-самостоятельныя, дѣйствительныя фракціи, и ихъ взаимная борьба не помѣшала имъ—каждой порознь—плодотворно работать надъ развитіемъ классового сознанія широкихъ массъ пролетаріата, все болѣе и болѣе сплачивать ихъ и стягивать подъ знамя социализма. И когда насталъ благопріятный моментъ для ихъ объединенія, когда почва для этого была подготовлена, обѣ фракціи представляли собой крупныя центры передовыхъ слоевъ рабочаго класса приблизительно равной силы и крѣпости. Этимъ онѣ, вѣроятно, въ не малой мѣрѣ обязаны были, между прочимъ, и тому, что, создавая свою прессу, соц.-дем. авангардъ рабочихъ не ставилъ себѣ непосредственной цѣлью фракціонно, т. е., идейно и политически обезцвѣчивать ее, и наоборотъ, стремился, при ея помощи, доставить торжество той фракціи, къ которой организаторы и хозяева ея принадлежали. Зато, когда дѣло дошло до объединенія, то уже не было рѣчи объ отмежеваніяхъ, выбрасываніи тѣхъ или другихъ частей партій.

Русскимъ рабочимъ придется особенно рѣзко и настойчиво подчеркивать нефракціонный характеръ органа, изданіе котораго они проектируютъ, прежде всего потому, что они считаютъ наши „исторически сложившіяся фракціи“ насльдіемъ прошлаго, въ созданіи котораго они не участвовали и по отношенію къ которому они чувствуютъ себя какъ-бы посторонними, чужими. А затѣмъ, фракціи эти, поскольку онѣ вообще успѣли опредѣлить свои фізіономіи или характеръ, въ значительной мѣрѣ уже разложились, а вмѣсто нихъ—у насъ существуютъ разныя группы и такъ называемыя „теченія“. Вмѣсто идейной борьбы въ партіи царитъ хаосъ, обезсиливающий и дискредитирующий ее.

Психологически понятно, поэтому, стремленіе какъ-разъ наиболѣе сознательныхъ и передовыхъ социалдемократическихъ рабочихъ подальше уйти отъ внутрипартійной „склоки“ и начать свой выходъ на самостоятельную дорогу съ организаціи своего особаго издательства и съ изданія органа, лишеннаго какой-нибудь фракціонной окраски.

Но осуществимо-ли это намѣреніе и... безупречно ли оно вполне, по существу, въ принципиальномъ отношеніи? Я безъ колебаній отвѣчаю на этотъ вопросъ: „нѣтъ!“ Мысль о „нефракціонномъ“ социалдемократическомъ (дѣйствительно социалдемократическомъ, безъ кавычекъ) органѣ является въ настоящее время—утопіей, и притомъ утопіей, объективно идущей въ разрѣзъ съ интересами пар-

тѣсно-политическаго развитія и организаціоннаго объединенія пролетаріата подъ знаменемъ соціалдемократіи: „Гони природу въ дверь“, она влетитъ въ окно и черезъ щели. Стихію можно покорить и заставить даже служить намъ, когда мы знаемъ ея природу и средства для подчиненія ея себѣ; но нельзя просто отдѣлаться отъ нея или совѣстѣмъ игнорировать ее. И наши межфракціонные и кружковые раздоры—своего рода стихія, отъ которой нельзя избавиться, гибельнаго вліянія которой никакъ не устранить, повернувшись къ ней спиной или объявивъ, что мы ее знать не хотимъ, что она для насъ не существуетъ. Нападки со стороны „Звѣзды“ и ея сторонниковъ на проектъ изданія вполне самостоятельной рабочей газеты даютъ уже нѣкоторое предчувствіе того, какъ хранители традицій старой кружковщины и завѣтовъ эпохи сектантства и опеканія рабочихъ будутъ отговариваться съ рабочему органу и къ тѣмъ, кто будетъ стоять во главѣ его. Вѣдь изданіе самостоятельнаго, рабочаго с.-д. органа организованнымъ коллективомъ рабочихъ, какъ и самое функционированіе такого коллектива—въ такой же мѣрѣ идутъ въ разрѣзъ съ организаціонными тенденціями, съ сектантско-кружковымъ образомъ мыслей и психологіей нѣкоторыхъ партійныхъ круговъ, въ какой всякое проявленіе общественной самодѣятельности демократическихъ и идеологическихъ слоевъ народа идетъ въ разрѣзъ съ интересами и привычками воспитанной въ самовласти бюрократіи и воспитанныхъ на господствѣ надъ безправными народными массами представителей дворянства и плутократіи. Эпоха умственного и политическаго младенчества русскаго пролетаріата, когда любой гимназистъ, не говоримъ уже студентъ, могъ, въ качествѣ „комитетчика“ играть роль „вожда“ по отношенію къ передовымъ рабочимъ, когда наличныя общественно-политическія условія лишали пролетаріатъ и его интеллигентныхъ представителей возможности сплачивать свои силы и открыто выступать на общественной аренѣ, эта эпоха оставила глубокій слѣдъ въ умахъ и привычкахъ нѣкоторой, быть можетъ, даже еще значительной части русскихъ соціалдемократовъ и притомъ не только интеллигентовъ, но и рабочихъ. И чѣмъ болѣе эти отсталые элементы партіи чувствуютъ свою неспособность итти въ уровень съ возросшими и усложнившимися потребностями, запросами и задачами рабочаго движенія, чѣмъ живѣе они чувствуютъ, что царству сектантской кружковщины наступаетъ конецъ и что близится эпоха вполне самостоятельнаго рабочаго движенія съ дѣйствительно пролетарской политической организаціей во главѣ, тѣмъ отчаяннѣе они борются съ сознательными сторонниками и представителями этого движенія, тѣмъ подозрительнѣе и враждебнѣе они относятся ко всякимъ проявленіямъ организаціонной и политической самодѣятельности самостоятельно мыслящихъ рабочихъ, тѣмъ ожесточеннѣе они нападаютъ на тѣхъ, кто сознательно стремится всячески способствовать повышенію и расширенію этой самодѣятельности пролетаріата, съ цѣлью приблизить подготовляющуюся новую эпоху въ его исторической жизни, эпоху его полнаго умственного и политическаго совершенствія.

А такъ какъ самостоятельное „издательское товарищество“ рабочихъ и его газета въ случаѣ успѣха явятся живымъ воплощеніемъ духа этой нарождающейся или приближающейся эпохи и однимъ изъ наиболѣе серьезныхъ факторовъ въ процессѣ ея подготовленія, то они неизбежно очутятся лицомъ къ лицу, какъ съ непримиримыми врагами, съ тѣми самыми партійными кругами, которые ведутъ такую ожесточенную войну со всѣми искренними сторонниками превращенія партіи въ современную, подлинно пролетарскую организацію европейскаго типа. Новая рабочая организація и ея органъ подвергнутся жестокой травлѣ и будутъ обвиняемы не только въ сочувствіи „ликвидаторамъ“ или въ нѣкоторомъ родствѣ съ ними, а прямо таки въ архиликвидаторскомъ образѣ мыслей. И волевымъ „издательскому товариществу“ и его газетѣ придется вступить въ борьбу съ реакціонными элементами партіи—по имя тѣхъ же принциповъ и цѣлей, которыми руководятся прогрессивные ея представители. Можно ли будетъ тогда

серьезно утверждать, не обманывая себя и не пытаясь обмануть другихъ, что рабочая газета— „нефракціонна“?

Но мысль о такомъ органѣ, при настоящихъ внутри-партийныхъ отношеніяхъ, заключаетъ въ себѣ и прямо вредную, чтобы не сказать, реакціонную, тенденцію. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можно себѣ представить практическое осуществленіе этой мысли, или вѣрнѣе, утопическую попытку ея осуществленія? У насъ организационно-оформленныхъ фракцій, можно сказать, нѣтъ; вмѣсто нихъ имѣются разные кружки и группки, изъ которыхъ однѣ придерживаются болѣе или менѣе опредѣленныхъ политическихъ, тактическихъ и организационныхъ взглядовъ, а другіе шатаются въ разныя стороны, путаясь между ногъ у первыхъ. И можно себѣ представить изданіе, которое формально не примыкало бы ни къ одному изъ существующихъ кружковъ, которое объявило бы себя вполне независимымъ по отношенію ко всѣмъ нимъ. Если инициаторы рабочаго издательскаго товарищества понимаютъ въ этомъ смыслѣ „нефракціонность“ проектируемой газеты, то объ этомъ спорить съ ними не приходится.

Я не сомнѣваюсь, что, если не всѣ, то большинство ихъ такъ и смотритъ на затѣваемое ими дѣло. Но вѣдъ центральнымъ пунктомъ и главнымъ источникомъ внутрипартийныхъ раздоровъ является, съ одной стороны, различное отношеніе разныхъ партийныхъ круговъ къ новому, открытому, социалдемократическому и рабочему движенію, а съ другой—существенныя разногласія въ области ближайшихъ политическихъ задачъ и въ политической тактикѣ русской социалдемократіи. Запросы той и другой категоріи неразрывно связанные между собою, становятся именно теперь, когда начинается новое общественно-политическое движеніе, особенно глужими, злободневными, въ буквальномъ смыслѣ слова. И по нимъ то русская социалдемократія расколота на два главныхъ лагеря. Изъ нихъ одинъ обнимаетъ элементы отсталые, психологически сросшіеся съ практикой и тенденціями дореволюціонной эпохи, эпохи примитивной политической борьбы и опеканія передовыхъ рабочихъ революціонной интеллигенціей, а другой—обнимаетъ элементы, хотя и расходящіеся между собою въ тѣхъ или другихъ второстепенныхъ вопросахъ, но солидарные въ своей прогрессивной тенденціи приспособить практику социалдемократической работы къ современному, значительно поднявшемуся уровню умственнаго, культурнаго и политическаго развитія широкихъ слоевъ нашего пролетаріата и къ усложнившимся условіямъ и задачамъ политической борьбы въ Россіи.

Спрашивается, сможетъ ли проектируемый рабочій органъ занять нейтральную позицію между этими двумя противоположными лагерями и допустима ли въ принципѣ такая позиція? Очевидно, нѣтъ, потому то игнорированіе глужихъ вопросовъ и разногласій, раздѣляющихъ русскую социалдемократію на два главныхъ лагеря, равносильно было бы игнорированію самой русской социалдемократіи, выбрасыванію за бортъ всего ея идейнаго наслѣдія, фактически полному разрыву съ ней самой; другими словами: это было бы подлинное, дѣйствительное ликвидаторство, безъ всякихъ казычекъ. Само собою разумѣется, что инициаторы „издательскаго товарищества“ были безконечно далеки отъ подобнаго отношенія къ социалдемократіи какъ-разъ въ тотъ періодъ ея развитія, когда она готовится стать непосредственной организацией политически активныхъ слоевъ пролетаріата и когда ихъ передовые элементы умственно и политически уже достаточно выросли, чтобы стать ея полными хозяевами. Но я говорю не о сознательныхъ стремленіяхъ, не о намѣреніяхъ и желаніяхъ инициаторовъ, а объ объективныхъ отрицательныхъ тенденціяхъ погони за „нефракціонностью“, о вѣроятныхъ, для самыхъ инициаторовъ новаго шага въ нашемъ движеніи нежелательныхъ послѣдствіяхъ слѣпнаго увлеченія этой утопіей при организаци и осуществленіи ихъ попытки взять въ свои руки прессу, предназначаемую для рабочихъ.

Представимъ себѣ, что „Товарищество“ образовалось изъ рабочихъ, рѣшившихъ совершенно не касаться въ своемъ изданіи тѣхъ жгучихъ вопросовъ и острыхъ разногласій, которые волнуютъ круги социалдемократіи и питають ихъ взаимную вражду и раздоры. Но вотъ они начинаютъ готовить первый номеръ своей газеты, въ которомъ, конечно, нужно будетъ кратко изложить ея программу, объяснить для кого и для чего издается новый органъ, указать его цѣли и задачи. Общее направленіе его заранее опредѣлено:—онъ долженъ быть марксистскимъ. Но въдъ марксистскія то ученія придется конкретизировать, примѣнять къ конкретнымъ явлениямъ русской жизни и къ рѣшенію злободневныхъ вопросовъ „текущаго момента“, вопросовъ, поставленныхъ на очередь этой самой жизни. Оставить въ сторонѣ эти вопросы и ограничиться азбучно-популярнымъ изложениемъ нѣкоторыхъ общихъ положеній научнаго социализма—въдъ времени и пространства—и сообщеніями о наиболее яркихъ и бросающихся въ глаза проявленіяхъ бюрократическаго произвола и хозяйскаго гнета, сузить и упростить содержаніе газеты такой элементарной задачей—нельзя будетъ. Это будетъ психологически трудно, даже прямо невозможно для редакторовъ и сотрудниковъ—въ современной социально-политической обстановкѣ. Это окажется невозможнымъ и вслѣдствіе повышенныхъ запросовъ и требованій отъ періодической печати со стороны тѣхъ круговъ читателей пролетаріевъ, для которыхъ „марксистскій“ органъ, хотя бы и „популярный“ предназначается. При теперешнемъ уровнѣ развитія рабочихъ, интересующихся явлениями общественной жизни и читающихъ газеты, политически бездѣятная газета не удовлетворитъ ихъ и они гораздо охотнѣе будутъ читать такіе ярко-политическіе органы, какъ „Живое Дѣло“ или „Звѣзда“, чѣмъ органъ, хотя бы и издаваемый рабочимъ товариществомъ, но лишенный опредѣленной физиономіи, политически блѣдный и безкровный. И волей-неволей издателямъ и литературному персоналу придется придать новому органу опредѣленную политическую окраску и именно социалдемократическую, потому что дѣйствительно-марксистское освѣщеніе фактовъ и явленій общественно-политической жизни есть ничто иное, какъ социалдемократическое. А какъ только издательская и литературная рабочая группа станетъ или попытается стать на эту почву, какъ только она рѣшится выступить съ опредѣленной программой дѣйствія, занять опредѣленную позицію въ вопросахъ, хотя бы, напр., связанныхъ съ избирательной кампаніей, ставить передъ рабочими тѣ или другія задачи и лозунги въ этой кампаніи и высказываться за ту или другую тактику по отношенію къ разнымъ политическимъ партіямъ, какъ только, говорю я, издательское товарищество захочетъ придать своему изданію характеръ принципиально пролетарскаго политическаго органа, оно очутится лицомъ къ лицу съ тѣми самыми большими вопросами и разногласіями, которые волнуютъ и раздражаютъ на части русскую социалдемократію. И тогда можетъ случиться, что само это товарищество станетъ новымъ очагомъ такихъ же раздоровъ—если члены его заранее не сговорятся и не придутъ ко взаимному соглашенію по этимъ вопросамъ.

Вѣдъ они духовныя дѣти и воспитанники русской социалдемократіи, и не менѣе интеллигентовъ пропитаны тѣми же взглядами и предрасудками, какими проникнуты борющіяся въ ней группы, кружки, „фракці“. Если же въ ихъ средѣ оказались бы люди, идейно и психологически свободные отъ вліянія социалдемократіи и совершенно равнодушные къ ея жизненнымъ интересамъ, то новая рабочая организація, быстро распавшись, дала бы еще толчекъ образованію и оформленію прямо антисоциалдемократическаго или даже нѣсколькихъ антисоциалдемократическихъ теченій въ рабочемъ авангардѣ. Передовые рабочіе живутъ въ умственной атмосферѣ, созданной вѣковой исторической работой разныхъ элементовъ интеллигенціи, подъ непосредственнымъ вліяніемъ умственнаго и политическаго движенія передовыхъ странъ Запада, и нѣтъ у нихъ и быть не можетъ

другихъ идейныхъ источниковъ, кромѣ тѣхъ, которыми духовно живутъ и питаются всѣ образованные слои общества. И имъ остается только выбирать между той духовной пищей, которую накопила и оставляетъ въ наслѣдство новой эпохѣ нашего рабочаго движенія социалдемократическая интеллигенція, съ одной стороны, и разными полу- и совсѣмъ буржуазными учениями другихъ элементовъ интеллигенціи.

Инициаторы „издательскаго товарищества“ стоятъ на идейной почвѣ социалдемократіи, для нихъ лично вопросъ объ этомъ выборѣ заранѣе предрѣшенъ. Но дѣло въ томъ, что въ наслѣдіи отъ партійнаго прошлаго имѣются и плевелы, отъ которыхъ необходимо его очистить. И работа по производству этой очистки естественно падаетъ на плечи не только интеллигентовъ, проникнутыхъ сознаниемъ ея необходимости, но и на передовыхъ рабочихъ, поскольку они сознательно стремятся ускорить вступленіе русскаго пролетаріата въ эпоху его полной самостоятельности. Всякій мало мальски серьезный шагъ на пути организационной и политической самостоятельности его передовыхъ слоевъ, предпринимаемый съ полнымъ сознаниемъ его значенія и „конечной дѣли“, тѣснѣйшимъ образомъ, можно сказать, неразрывно связанъ съ указанной критической работой и съ отпоромъ тѣмъ отсталымъ социалдемократическимъ кругамъ, которые выступаютъ яркими противниками новаго, самостоятельнаго рабочаго движенія и всякими способами тормозятъ его развитіе. И предпринимаемые инициаторами проекта организациі издательскаго рабочаго товарищества шаги для его осуществленія окажутся ровно постольку плодотворными, поскольку эти инициаторы сумѣютъ сами сплотиться и сплотить поддерживающихъ ихъ товарищей въ группу единомышленниковъ, солидарныхъ по основнымъ вопросамъ, связаннымъ съ современными потребностями и задачами рабочаго движенія, и, стѣдовательно, и съ обязанностями и задачами с.-д. партіи. Такая, внутренне солидарная группа, можетъ стать центромъ притяженія какъ для рабочихъ, такъ и для интеллигентовъ,— съ какими бы кружками они личными симпатіями и традиціями не связаны были—искренно и горячо жаждущихъ возрожденія и организационнаго упроченія русской социалдемократіи, какъ партійно-политическаго коллектива самоуправляющихся социалистическихъ элементовъ пролетаріата. Но это на практикѣ и сведется къ тому, что какъ подготовительная работа по организациі рабочаго издательскаго товарищества, такъ и само оно и его органъ будутъ носить фракціонный характеръ, потому что до тѣхъ поръ, пока въ русской социалдемократіи будутъ сильны элементы, враждебные развитію ея въ указанномъ направленіи и систематически натравливающіе болѣе отсталые, мало сознательные или плохо освѣдомленные соц.-дем. круги на сознательныхъ представителей этого развитія, группировка этихъ послѣднихъ для колл. активныхъ дѣйствій необходимо будетъ и должна имѣть опредѣленную „фракціонную“ окраску. Мало того: идейное и организационное объединеніе прогрессивныхъ элементовъ, разсыянныхъ теперь въ разныхъ кружкахъ и потому самому распыленныхъ и безсильныхъ противъ демагогической и дезорганизаторской „дѣятельности“ вдохновителей и вожаковъ отсталыхъ элементовъ русской социалдемократіи, въ самостоятельную фракцію является, при наличномъ положеніи вещей, ихъ прямой обязанностью, неотложной задачей. Клинь клиномъ выбиваютъ. По отношенію къ внутривнутрипартійному хаосу, въ которомъ такъ легко дышится охранителямъ старой кружковщины и провокаторамъ расколовъ и раздоровъ, роль такого клина можетъ сыграть именно „фракція“, объединяющая передовые элементы социалдемократіи для дружной работы во имя общихъ задачъ и лозунговъ, методами и приемами, приспособленными къ новымъ условіямъ существованія партіи и развитія рабочаго движенія. Старая „фракционность“, стоящая на пути къ объединенію партіи и ея приспособленію къ современнымъ потребностямъ и задачамъ этого движенія, скорѣе всего будетъ преодолена фракціонностью же, только не нашей, самобытной или первобытной,

а настоящей, европейской, т. е., соединенными усилиями передовых социалдемократовъ, солидарныхъ по своимъ взглядамъ на современныя задачи и практику партій, и организационно сплотившихся для выполнения этихъ задачъ и на почвѣ ихъ выполнения.

Необходимость пройти черезъ эту, такъ сказать, новую фазу фракціонной борьбы обуславливается переходнымъ характеромъ переживаемаго русской социалдемократіей и передовыми слоями русскаго пролетаріата историческаго момента. Старые партійные устои:—преобладаніе стихійности въ русскомъ рабочемъ движеніи, умственная и политическая примитивность большинства соц.-дем. рабочихъ, монополія интеллигенціи (какъ цѣлаго слоя) въ управленіи дѣлами партіи, въ ея организационномъ строителствѣ, въ опредѣленіи ея практическихъ задачъ и тактики, наконецъ, отсутствіе легальной центральной арены въ видѣ парламента для борьбы партій между собою и правительствомъ—всѣ эти устои партійнаго строя въ дореволюціонную эпоху въ большей или меньшей мѣрѣ рухнули. Эта эпоха отошла въ вѣчность. Но отъ нея уцѣлѣли разныя организационныя обломки, психологическія навыки, традиціи и элементы еще достаточно сильныя, чтобы тормозить и всякими средствами до крайности затруднять работу по подготовкѣ и организациіи элементовъ рабочаго класса, исторически призванныхъ руководить имъ при вступленіи въ новую, приближающуюся эпоху его самостоятельнаго развитія и развитія социалдемократіи.

Контръ-революціонный режимъ съ своей стороны, сильно замедлилъ и затруднилъ процессъ выработки и организационнаго сплоченія этихъ элементовъ. Тотъ же режимъ въ связи съ такимъ же въ своемъ родѣ, варварскимъ внутрипартійнымъ режимомъ официальныхъ охранителей отжившаго партійнаго строя, оставленнымъ въ наслѣдство дореволюціонной и революціонной эпохой, мѣшали партійному и организационному объединенію и самихъ инициаторовъ и руководителей той подготовительной исторической работы, о которой здѣсь идетъ рѣчь. Работа эта приняла, поэтому, раздробленный, партійно и организационно не-оформленный характеръ, и тѣ элементы, которые ее выполняли, остались въ распыленномъ состояніи, въ лучшемъ случаѣ, разбѣянными маленькими разрозненными другъ отъ друга кружками. А въ результатѣ всей совокупности этихъ условій зарожденія и развитія новой фазы социалдемократическаго движенія получилось то, что авангардъ внутрипартійной реакціи значительно лучше вооруженъ въ организационномъ отношеніи и матеріальными средствами для борьбы съ реформаторскими и революціонными элементами партіи, чѣмъ эти послѣдніе—для солидарнаго и организованнаго отпора имъ.

И кружокъ, стоящій во главѣ партійныхъ реакціонеровъ, пользуется этими средствами для борьбы на жизнь и смерть съ пионерами новаго соц. дем. движенія, и со всѣми элементами, проявляющими оппозицію этому кружку или даже только заподозрѣнныхъ въ склонности къ ней.

Толковать при такомъ положеніи дѣлъ въ партіи о „нефракціонности“, какъ о единоспасающемъ средствѣ, значить уподобляться страусу, зарывающему голову въ песокъ при приближеніи опасности, значить обманывать себя и другихъ на счетъ дѣйствительнаго положенія вещей въ социалдемократіи и поступать въ смыслѣ, какъ-разъ противоположномъ тому требованію, которое предъявлялъ серьезнымъ политическимъ дѣятелямъ Лассаль: „Всякое политическое дѣло состоитъ въ заявленіи того, что есть, и съ этого начинается. Мелочность, ничтожество въ политикѣ состоитъ въ умолчаніи объ истинномъ положеніи дѣлъ, въ скрываніи его“.

Соблюденіе этого правила особенно обязательно для сознательныхъ представителей прогрессивныхъ тенденцій въ русской социалдемократіи въ переживаемый ею переходный періодъ, когда русскій пролетаріатъ еще только стоитъ у порога эпохи своей самостоятельной жизни и разнузданности центрального руководя-

шаго кружка отсталыхъ элементовъ партіи достигла крайнихъ предѣловъ и грозитъ ей опасностью не только самой дойти до полнаго одичанія и внутренняго разложенія, но и передать то и другое, какъ наслѣдство, слѣдующему фазису рабочаго и соц.-дем. движенія. Своими нечаевскими способами внутри-партійной борьбы *) этотъ кружокъ въ самомъ корнѣ подрываетъ возможность избавленія русской социалдемократіи отъ царящаго въ ней организационнаго и идейнаго хаоса и мѣшаетъ ей сосредоточить всѣ свои силы на планомѣрномъ выполненіи ея своей очередной задачи.

Мы, быть можетъ, живемъ уже наканунѣ новыхъ общественно-политическихъ бурь; теперешнее демонстраціонное и стачечное движеніе и избирательная кампанія послужатъ, быть можетъ, прологомъ къ нимъ. Казалось бы, по крайней мѣрѣ, соглашеніе на почвѣ и для веденія этой вагнаніи соединенными силами является священной обязанностью, долгомъ всѣхъ русскихъ социалдемократовъ и прежде всего, конечно, тѣхъ изъ нихъ, которые занимаютъ — формально или фактически — отвѣтственное положеніе въ партіи.

Дѣло идетъ объ организаціи всѣхъ прогрессивныхъ общественныхъ силъ, всѣхъ элементовъ демократической и пролетарской оппозиціи для возможно болѣе внушительной и успѣшной борьбы съ дворянско-плутократической реакціей и опирающимся на нее политическимъ режимомъ. А между тѣмъ, руководители и вдохновители отсталыхъ круговъ русской социалдемократіи дѣлаютъ все зависящее отъ нихъ, чтобы помѣшать сплоченію наличныхъ силъ даже внутри ея самой для избирательной борьбы. Они произвели новый государственный переворотъ въ Р. С. Д. Р. П., провозгласили ее исключительной собственностью своего кружка и тѣхъ заскоружныхъ и трусливыхъ элементовъ ея, которые — одни за совѣсть, а другіе за страхъ — слѣдуютъ за ними; они объявили внѣ партіи какъ разъ тѣхъ, кто съ такимъ упорствомъ и настойчивостью выполнялъ ея главную историческую работу въ самые тяжелые годы реакціи. Захвативъ въ свои руки нечаевскими способами партійныя деньги, они тратятъ ихъ на организацію бонапартистскихъ переворотовъ въ партіи и на изданіе газетъ и журналовъ отравляющихъ умы у широкихъ с. д.-скихъ круговъ; они вносятъ идейную путаницу и хаосъ въ ряды русской социалдемократіи и распространяютъ ложныя представленія о положеніи дѣлъ въ ней среди западныхъ товарищей, съ цѣлью совершенно изолировать передовые элементы ея въ Интернаціоналѣ, а себѣ обезпечить моральную и матеріальную поддержку съ его стороны для приобрѣтенія диктатуры надъ партіей. И до сихъ поръ неслышно, чтобы этотъ образъ дѣйствій партійныхъ узурпаторовъ и демагоговъ вызывалъ протесты и отпоръ со стороны с.-д. элементовъ въ Россіи. Мало того, нѣкоторые изъ нихъ прямо стали слѣпыми орудіями Ленина и его сподвижниковъ въ работѣ по дезорганизаціи русской социалдемократіи. Но вѣдь и тѣ вліятельные соц.-демократы, которые терпимо относятся къ черносотенной необузданности и бонапартистскимъ методамъ внутри-партійной борьбы, или боязливо уклоняются отъ открытаго

*) Нечаевъ, какъ извѣстно, не останавливался передъ такими средствами расправы съ несогласномыслящими товарищами, какъ физическое истребленіе ихъ (убійство Иванова), выкрадываніе у нихъ писемъ, угроза имъ доносами въ полицію и т. п. Наши нечаевцы не дошли до такой смѣлости, чтобы пускаться въ ходъ столь опаснаго для нихъ самихъ средства. Но зато они, въ безконечно болѣе широкомъ масштабѣ, чѣмъ это возможно было для ихъ родоначальника почти полвѣка тому назадъ, практикуютъ систему морально-политическаго истребленія оппозиціонныхъ имъ элементовъ, путемъ систематическихъ извращеній ихъ взглядовъ и оклеветаній ихъ, цинично нарушаютъ всякіе партійные договоры и ниспровергаютъ партійную конституцію и партійныя ученія — лишь только оныя являются помѣхой для упроченія ихъ самовласти и самоуправства въ партіи.

выражения своего отрицательнаго отношенія къ этимъ методамъ, проявляютъ отсутствіе сознанія и чувства своей отвѣтственности передъ партией.

О крайне слабомъ развитіи партійнаго гражданскаго самосознанія и своихъ гражданскихъ правъ и обязанностей по отношенію къ парти въ массѣ русскихъ социалдемократовъ и говорить нечего.

При такихъ условіяхъ, фракціонное оформленіе и сплоченіе является прямою обязанностью и неотложнымъ дѣломъ сторонниковъ партійной реформы, или вѣрнѣе, революціи, ибо только такимъ путемъ они въ состояніи будутъ выполнить задачу: европеизировать, т. е., кореннымъ образомъ измѣнить характеръ русской социалдемократіи, какъ онъ сложился въ дореволюціонную и дальше развился въ революціонную эпоху, и организовать ее на тѣхъ же началахъ, на какихъ зиждется партійный строй европейской социалдемократіи. Только такая, идейно и организационно сплоченная фракція, объединяя вокругъ себя всѣхъ болѣе сознательныхъ и передовыхъ социалдемократовъ, сможетъ съ успѣхомъ работать надъ созданіемъ такого общественнаго мнѣнія въ русской социалдемократіи, которое не будетъ мириться съ нечаевски-бонапартистскими способами внутри-партійной борьбы и будетъ активно содѣйствовать радикальной ликвидаціи старыхъ отношеній въ парти.

Отказъ же реформаторскихъ, точнѣе революціонныхъ элементовъ въ русской социалдемократіи отъ фракціоннаго самоопредѣленія и организационнаго объединенія своихъ силъ былъ бы равносильнъ отказу ихъ отъ сознательной работы надъ преодоленіемъ старой кружковщины, съ культивируемой ею психологіей „вождей“, стоящихъ „по ту сторону добра и зла“ и азиатской психологіей „рядовыхъ“, готовыхъ, по первому окрику своего „вожда“ сегодня назвать бѣлое чернымъ, а завтра наоборотъ. Дальнѣйшее пребываніе прогрессивныхъ элементовъ въ своей теперешней фракціонной неоформленности и организационной раздробленности лишило бы ихъ возможности выполнить свои задачи въ современный переходный періодъ исторической жизни Россіи и русскаго пролетаріата; другими словами, въ организационномъ и партійно-политическомъ отношеніи оно свело-бы непосредственно на нѣтъ ту важную подготовительную работу, которую они выполняли въ годы самой мрачной реакціи.

Таковы соображенія, по которымъ я считаю и утопичнымъ, и вреднымъ намѣреніе инициаторовъ рабочаго издательства основать товарищество и его органъ на началахъ „нефракціонности“. Наоборотъ, только связавъ свою самостоятельную рабочую прессу съ дѣломъ идейнаго и организационнаго объединенія разрозненныхъ группъ и отдѣльныхъ социалдемократовъ, сознательно и послѣдовательно работающихъ на пользу развитія самостоятельнаго рабочаго движенія, они внесутъ въ свою агитацію и въ свои организационныя усилія серьезное реальное содержаніе и обезпечатъ за ними, если не непосредственно осязательный успѣхъ, то, во всякомъ случаѣ, важное общепартійное значеніе. Если рабочіе, агитирующие за организацію рабочаго издательства, будутъ ограничиваться только внѣшней стороною дѣла—технической и финансовой—игнорируя задачу образованія идейно-солидарной группы издателей, редакторовъ и сотрудниковъ, то они очень скоро очутятся въ положеніи героев басни Крылова—лебеда, рака и щуки. Возь-то они, быть можетъ, какъ-нибудь соорудятъ, да съ мѣста то сдвинуть его нельзя будетъ, ибо одни будутъ стараться тащить его впередъ, другіе назадъ, третьи вправо, а четвертые влѣво. Если же они направятъ свою энергію на то, чтобы и они, и тѣ члены разныхъ рабочихъ организацій и партійныхъ кружковъ или примыкающіе къ нимъ рабочіе, которые готовы поддерживать рабочее издательство, пришли къ соглашенію относительно животрепещущихъ вопросовъ, волнующихъ социалдемократію, если имъ удастся, такимъ путемъ, сплотить вокругъ себя наиболѣе передовыхъ, самостоятельныхъ и активныхъ представителей социалдемократическаго пролетаріата, хотя бы въ одномъ только

Петербургъ, то они окажутся очень близкими къ своей цѣли—даже въ случаѣ неудачи ихъ теперешняго проекта. Недостатокъ матеріальныхъ средствъ и другія неблагоприятныя обстоятельства могутъ помѣшать его осуществленію въ томъ конкретномъ видѣ, въ какомъ онъ зародился и созрѣлъ въ головахъ его авторовъ. Но дѣло то въ томъ, что, агитируя за создание самостоятельной рабочей прессы,—не во имя упрощеннаго и не совсемъ безупречнаго лозунга: „редакторамъ и издателями рабочей газеты должны быть непременно настоящіе, заправскіе пролетаріи“, а прежде всего и главнымъ образомъ, въ интересахъ объединенія передовыхъ социалдемократическихъ дѣятелей въ разныхъ сферахъ рабочаго движенія и наиболѣе прогрессивныхъ представителей разныхъ соц.-дем. кружковъ и группъ для дружнаго выполнения очередныхъ задачъ партіи и для приобрѣтенія рѣшающаго значенія въ ней, инициаторы и руководители этой агитации, вызовутъ къ жизни такую рабочую организацію, которая, въ силу своей внутренней, идейной солидарности и своей связи съ болѣе или менѣе широкими кругами рабочихъ, сумѣютъ заставить считаться съ ея коллективной волей существующія издательскія и литературныя группы социалдемократовъ. И не только на литературныя группы, но и на всю внутри-партійную жизнь оно сможетъ вліять оздоровляющимъ образомъ. Мало того. Вѣдь у насъ имѣется рядъ изданій (въ Россіи и за границей), стоящихъ на точкѣ зрѣнія интересовъ и потребностей вполне самостоятельнаго рабочаго движенія, основанныхъ именно съ цѣлью отстаивать эти интересы и потребности и выяснять пути и средства усиленнаго развитія организационной самостоятельности рабочихъ, составляющей основу и жизненный нервъ современной международной социалдемократіи. Эти и другіе, преслѣдующіе тѣ же цѣли органы, нѣтъ сомнѣнія, съ радостью пошли-бы навстрѣчу запросамъ и желаніямъ рабочей группы, образовавшейся намѣченнымъ путемъ.

Вѣдь, группа „рабочаго издательства“, по всѣмъ существеннымъ вопросамъ будетъ стоять на той же идейной почвѣ, что и эти органы, вѣдь она не сможетъ не быть солидарна съ ними, какъ въ вопросѣ о возрожденіи партіи на основаніяхъ, соответствующихъ современному уровню развитія передовыхъ слоевъ пролетаріата и измѣнившимся условіямъ политической борьбы, такъ и въ вопросѣ о задачахъ, лозунгахъ и тактикѣ партіи въ избирательной борьбѣ и другихъ политическихъ кампаніяхъ. Что же можетъ помѣшать установленію самой тѣсной связи между новой рабочей организаціей или группой, образовавшейся на почвѣ агитации за рабочее издательское товарищество, и тѣми литературно-издательскими кружками, которые съ самаго начала стояли и продолжаютъ стоять на почвѣ тѣхъ именно стремленій, которыя лежатъ въ основѣ проекта организаціи такого товарищества? Горячее, прямо восторженное сочувствіе, напр. „Живого Дѣла“ къ начатой инициаторами этого проекта агитации достаточно ясно иллюстрируетъ отношеніе литературныхъ кружковъ, о которыхъ я говорю, къ стремленіямъ и цѣлямъ его авторовъ, направленнымъ на то, чтобы рабочіе стали сами хозяевами прессы, выступающей отъ ихъ имени и отстаивающей ихъ интересы.

Н. Троцкій справедливо сомнѣвается въ успѣхѣ—въ данный моментъ—чисто рабочей газеты издаваемой „на рабочія деньги—съ выборной редакціей и пр.“, а потому онъ, какъ переходную мѣру, для настоящаго момента, предлагаетъ всѣмъ оформленнымъ рабочимъ организаціямъ и группамъ, „и рядомъ съ ними“, группамъ „постоянныхъ читателей рабочей прессы“ создать свой выборный коллективный органъ контроля, свою „комиссію прессы“. Но созданіе такой „комиссіи“ предполагаетъ опять таки наличность такой же идейной солидарности въ ней и среди ея избирателей, какая необходима для изданія самими рабочими газеты „на рабочія деньги, съ выборной редакціей и пр.“. Въ противномъ случаѣ она не сможетъ функционировать, и будетъ играть только роль тормоза для существующей социаль-демократической прессы и станетъ новымъ факторомъ

раздоровъ и дезорганизациі въ рядахъ социалъдемократическихъ рабочихъ. Словомъ, та объединительная работа для организациі внутренне солидарнаго коллектива изъ представителей разныхъ рабочихъ группъ и социалъдемократическихъ читателей, способнаго обезвечить или послѣдовательно стремиться къ обезпеченію единства агитаціи во время избирательной кампаніи, эта работа и созданіе такого коллектива являются необходимыми условіями и для подчиненія социалъдемократическихъ газетъ организованному контролю социалъдемократическихъ рабочихъ. Но разъ такая рабочая организациія появилась на общественно-политической аренѣ—хотя бы непосредственно она только сконцентрировала въ себѣ и вокругъ себя передовые элементы пролетаріата въ одномъ только Петербургѣ,— она быстро пріобрѣтетъ чрезвычайно вліятельную роль въ с.-д.—скихъ кругахъ. и я не вижу причины, почему бы она не смогла стать въ буквальномъ смыслѣ непосредственнымъ хозяиномъ тѣхъ социалъдемократическихъ органовъ, которые, съ самаго своего появленія на свѣтъ, и до сихъ поръ, стоятъ за планомерное приспособленіе организационной и политической практики социалъдемократіи къ потребностямъ, условіямъ и задачамъ самостоятельнаго рабочаго движенія въ его современномъ фазисѣ, даже при данномъ политическомъ режимѣ. Внутренне-сплоченная, опираясь на сочувствіе и поддержку передовыхъ элементовъ петербургскаго пролетаріата, идейно солидарная съ такими органами, предполагаемая рабочая организациія сможетъ взять на себя дѣло освѣдомленія и распространенія этихъ органовъ, сможетъ покрыть, по крайней мѣрѣ, главные центры русскаго рабочаго движенія съѣзью корреспондентовъ и сотрудниковъ, а также агентовъ вербующихъ подписчиковъ и распространяющихъ изданія среди читающаго люда на фабрикахъ, заводахъ, въ мастерскихъ и т. д., организовать повсемѣстно регулярные сборы— для покрытія штрафовъ и вообще для поддержки социалъдемократической прессы,— но все это подъ условіемъ, чтобы изданія, о которыхъ идетъ рѣчь, стали бы непосредственно органами коллектива изъ представителей передовыхъ социалъдемократическихъ рабочихъ, делегирующаго въ составъ редакціи извѣстное число своихъ представителей и пользующагося такимъ же правомъ верховнаго контроля надъ своею прессой, какъ рабочія партіи на Западѣ. Я полагаю, что при предполагаемой мною агитаціи и характерѣ вызваннаго ею къ жизни политическаго коллектива передовыхъ рабочихъ— достиженіе подобнаго соглашенія между нимъ и издательскими кружками прогрессивнаго лагеря русской социалъдемократіи вполне возможно. По существу, оно будетъ равносильно осуществленію стремленія, воодушевляющаго инициаторовъ и руководителей агитаціи за рабочее издательское товарищество. Съ той только разницей, что результаты ея будутъ гораздо болѣе значительны, окажутъ гораздо болѣе глубокое и прочное вліяніе на всю жизнь русской с.-д.—тіи, чѣмъ если бы она не выходила изъ узкихъ рамокъ вопроса объ изданіи газеты непременно самими рабочими и ими же редактируемой. Да если бы даже агитаціонная и организационная работа группы, пустившей въ ходъ мысль о рабочемъ издательствѣ, и не увѣнчалась бы, по разнымъ обстоятельствамъ, пріобрѣтеніемъ рабочей организациі полныхъ хозяйскихъ правъ надъ социалъдемократическими органами, принципиально-солидарными съ ними, то все же она фактически значительно приблизилась-бы къ рѣшенію вопроса о пріобрѣтеніи этихъ правъ. Организациія эта своимъ существованіемъ и своей дѣятельностью накладывала бы свою печать на характеръ и содержаніе соц.-дем. прессы и, что особенно важно, укореняла бы и въ рабочихъ, и въ литературно-издательскихъ кружкахъ, непосредственно завѣдующихъ этой прессой, новую, европейскую, точку зрѣнія на взаимоотношенія между нею и соц.-дем. рабочими организациями.

Повторяю. Полнымъ, безраздѣльнымъ хозяиномъ соц. дем. прессы рабочій авангардъ станетъ тогда, когда онъ возьметъ въ свои руки управленіе дѣлами социалъдемократіи, вмѣсто того, чтобы оставлять ее на произволъ кружковъ и лицъ, подъ флагомъ „партийности“ отстаивающихъ свое господство въ ней, путемъ

провоцированія и поддерживанія въ ней вѣчныхъ расколовъ, непрерывныхъ гражданскихъ войнъ. Вызвавъ къ жизни самостоятельную рабочую организацію, способную группировать вокругъ себя передовые элементы пролетаріата и сознательныхъ сторонниковъ европеизаціи русской рабочаго движенія и с.-д. партіи изъ интеллигенціи, агитація за рабочее издательство этимъ самымъ значительно усилитъ влияние рабочихъ на всю партійную жизнь и явится серьезнымъ шагомъ на пути къ завоеванію ими полного господства въ русской социалдемократіи.

П. Б. Аксельродъ.

Цюрихъ, 17 мая 1912.

Отклики.

1. Борьба съ „ликвидаторами“.

Та смѣсь марксизма съ анархизмомъ, которая лежитъ въ основѣ нѣкоторыхъ господствующихъ у насъ социалистическихъ теченій, вѣроятно, еще долго будетъ находить послѣдователей среди различныхъ элементовъ рабочаго класса. Это относится и къ тому социаль-демократическому теченію, которое связано главнымъ образомъ съ именемъ Ленина. Имѣя свои корни въ социально-политической отсталости страны и въ вытекающей отсюда распыленности передовыхъ элементовъ рабочаго класса, это теченіе будетъ, очевидно, продолжать существованіе до тѣхъ поръ, пока будетъ продолжаться и эта отсталость, и эта распыленность, пользуясь каждымъ подъемомъ рабочаго движенія для возстановленія своей идеологіи и для завоеванія себѣ гегемоніи въ рабочемъ классѣ. Несомнѣнно, однако, что каждый новый этапъ рабочаго движенія, знаменуя собою каждый разъ новый шагъ впередъ по пути къ устраненію нашей жалкой социально-политической дѣйствительности, тѣмъ самымъ все болѣе затрудняетъ проникновеніе въ рабочую среду той ленинской стряпни, которая умудряется валить въ одинъ котелъ бланкистскій авантюризмъ и жоррессистскій оппортюнизмъ. Все труднѣе и труднѣе становится найти лозунги для борьбы съ совершающейся на нашихъ глазахъ европеизаціей рабочаго движенія, и приходится пользоваться случайно—брошеннымъ словомъ, случайно—подвернувшимся фактомъ. Такимъ случайнымъ словомъ оказалось для ленинцевъ „ликвидаторство“, а случайнымъ фактомъ—избирательная кампанія.

Этимъ я отнюдь не хочу сказать, что „ликвидаторство“ и выборы суть случайности въ нашей общественно-политической жизни, а лишь то, что для ленинцевъ эти явленія предстали случайной своей стороной, именно той самой, которая давала имъ возможность, не путемъ творческой политической работы, а путемъ безцеремонной полемики начать кампанію для реставраціи своей обветшавшей идеологіи.

Къ сожалѣнію, приходится указать, что если не идея, то форма борьбы съ ликвидаторствомъ была подсказана ленинцамъ Г. В. Плехановымъ. До весьма недавняго времени существовало почти полное согласіе между Г. В. Плехановымъ и меньшевиками во взглядахъ на политическія задачи пролетаріата, а въ вопросахъ партійно-организационныхъ, гдѣ такого полнаго согласія почти никогда не было, и тотъ и другіе одинаково признавали отрицательныя стороны создавшейся организациі, въ которой такъ называемые профессионалы изъ интеллигенціи дѣлали политику за пролетаріатъ. Въ 1907 году, а то и раньше, изъ партійныхъ организаций стали уходить и эти профессионалы, такъ что вмѣсто живого организма, плохо ли, хорошо ли, но все же выполнявшаго нѣкоторыя функціи политическаго обслуживания рабочаго класса, оставалось одно пустое мѣсто. Въ констатированіи факта совершающагося бѣгства также сходились всѣ видные меньшевики и Г. В. Плехановъ. Но когда первые попытались заглянуть нѣсколько глубже и, констатировавъ фактъ полнаго партійнаго развала, стали отыскивать его причины и указывать пути къ выходу изъ создавшагося положенія, то Г. В. Плехановъ, вмѣсто того, чтобы критиковать предлагаемые пути, если они ему не нравились, предпочелъ просто закричать караулъ: о такихъ де вещахъ, какъ исчезновеніе партіи, нельзя говорить громко.

По этому поводу вспоминается мнѣ одно аналогичное обстоятельство, имѣвшее мѣсто въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Послѣ трехъ лѣтъ небывалой въ русской исторіи героической борьбы партія „Народной Воли“ стала обнаруживать всѣ признаки истощенія и упадка. Но еще очень многіе продолжали вѣрить въ возможность ея восстановленія въ формѣ старой заговорщической организациі. Появленіе въ это время двухъ произведеній Г. В. Плеханова, составившихъ эпоху въ исторіи нашей политической мысли—рѣчь идетъ о его книгахъ „Соціализмъ и Политическая борьба“ и „Наши разногласія“—вызвало цѣлую бурю въ кружкахъ нашей радикальной интеллигенціи. И тогда меньше оспаривались выводы, къ которымъ приходилъ Плехановъ, чѣмъ то обстоятельство, что онъ позволилъ себѣ во всеуслышаніе *cribi et ogri* провозгласить: „старой партіи нѣтъ, надо работать надъ созданиемъ новой и на новыхъ началахъ“.

Паденіе старой испытанной организациі вызвало, какъ извѣстно, авантюристскую статью Льва Тихомірова („Чего намъ ждать отъ революціи“), на которую Плехановъ и отвѣчалъ „Нашими разногласіями“. Когда послѣ этого Тихоміровъ позволилъ себѣ инсинуировать, что покойный Желябовъ никогда не пошелъ-бы тѣмъ путемъ, на который указывалъ въ своихъ произведеніяхъ Г. К. Плехановъ, то послѣдній отвѣтилъ гордымъ и вызывающимъ вопросомъ. „Почему революціонная мысль Желябова должна застыть на догматизмѣ Тихомірова?“ *). Почему теперь революціонная мысль Плеханова отступаетъ передъ догматической мыслью Ленина—это вопросъ, который мы можемъ сейчасъ только поставить, не имѣя достаточно данныхъ, чтобы на него отвѣтить.

*) Привожу эту фразу на память, но за самый смыслъ ручаюсь.

Намъ во всякомъ случаѣ ясно, что поддержка Плеханова пришлась ленинцамъ весьма кстати и съ того момента, какъ Плехановъ далъ лозунгъ: „бей ликвидатора!“, въ влачившихъ жалкое существованіе ленинскихъ кружкахъ закипѣла своеобразная жизнь. При случаѣ я когда-нибудь расскажу, какъ происходило это оживленіе на практикѣ, сейчасъ же меня интересуетъ главнымъ образомъ его литературное отраженіе.

„Въ томъ то и бѣда ликвидаторовъ,—писать нѣкій М. Б. въ „Просвѣщеніи“,—что со старымъ они дѣйствительно ликвидировали свои отношенія, а новаго не создали. Когда создадутъ, тогда мы посмотримъ и, по должности политическихъ обозрѣвателей, оповѣстимъ читателей. А пока фактъ остается фактомъ: нѣтъ другого цѣльнаго политическаго коллектива, значитъ нѣтъ и раскола“ *). Такъ М. Б. исполняетъ свою „должность“, трактуя „ликвидаторовъ“ какъ ничтожную величину, на которую можно не обращать вниманія. Но не входило, повидимому, въ его „должность“ сговориться на этотъ счетъ со своими товарищами по журналу, посвящающими прямой или косвенной полемикѣ съ этой ничтожной величиной чуть не всѣ статьи двойного номера журнала. А то теперь это гордо звучащее заявленіе, будто „наблюдатель русской политической жизни можетъ разыскать только одинъ политическій коллективъ“, очень напоминаетъ анекдотъ о еврей, одѣвшемъ шапку на одинъ кулакъ и ермолку на другой, чтобы дать знать воображаемому разбойнику, „что насъ дескать много“. Вѣдь единственный „политическій коллективъ“—это тотъ самый, который воскресъ какъ разъ для знаменитой конференціи, почтенной отсутствіемъ всѣхъ видныхъ организацій и преданной анафемѣ даже организаціей на ней представленной и фигурировавшей въ числѣ наиболѣе сильныхъ. Благополучіе „политическаго коллектива“, рекомендуемаго намъ М. Б., оказывается, однако, нарушеннымъ тѣмъ сообщеніемъ, которое дѣлаетъ о немъ самъ онъ, М. Б. Оказывается изъ дальнѣйшаго, что вокругъ единственнаго въ своемъ родѣ политическаго коллектива существуютъ еще какія-то отдѣльныя лица и даже группы, которыя о чемъ то хлопчуть, но хлопчуть всуе, ибо „кругомъ—распадъ“. Мы бы сказали, что „единный политическій коллективъ“, по свидѣтельству самого М. Б., обнаруживаетъ неспособность вовлечь въ свою среду всѣхъ социаль-демократическихъ рабочихъ и что онъ сохраняетъ свое единство, если только онъ его сохраняетъ, только благодаря тому, что превратился въ маленькую секту, замкнувшуюся отъ всѣхъ инако мыслящихъ. Если бы М. Б. былъ въ состояніи подумать надъ собственными словами, но... мы дѣлаемъ предположеніе, совершенно недопустимое для ленинца. Ему надо во что бы то ни стало уничтожить „ликвидатора“ и онъ хватается за тотъ методъ поверхностной демагогіи, который сталъ ходячимъ въ его сектѣ.

Первая и главная вина „ликвидаторовъ“, по словамъ не одного только М. Б., состоитъ въ томъ, что они хотятъ создать „открытое“ политическое общество. И представьте, это дѣйствительно такъ, „ликвидаторы“ дѣйствительно этого хотятъ. На задаваемый въ отвѣтъ на это обвиненіе ленинцамъ вопросъ: „А вы

*) № 3—4, стр. 55.

то этого не желаете?⁴, они обыкновенно стыдливо отвѣчаютъ: „Да, желаемъ, но считаемъ при данныхъ условіяхъ невозможнымъ“. Не думаете ли вы, однако, что борьба за открытую рабочую партію ведетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и къ созданію условій ея возможности? Если вы и этотъ второй вопросъ зададите ленинцу, то вы сразу почувствуете, что вы попали на самую основу всѣхъ разногласій. Не смотря на то, что и самому Ленину и его послѣдователямъ приходилось не разъ клясться и божиться, что они не отказываются отъ ежедневной практической работы, ведущейся въ рабочихъ организаціяхъ, тѣмъ не менѣе они не могутъ скрыть, что относятся они къ этой работѣ свысока и даже презрительно. Фактически въ ожиданіи дня великихъ событій, они не могутъ указать ни одного пракческаго шага, который они могли-бы рекомендовать для подготовки „своего дня“. Съ начала 1906 года большинство сознательныхъ рабочихъ ведетъ при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ борьбу за открытое существованіе своихъ профессиональныхъ, просвѣтительныхъ и всякихъ другихъ обществъ, несетъ тяжелыя жертвы на алтарь „легальности“, отбросивъ, какъ негодную ветوشь, пропагандировавшуюся когда-то ленинцами идею нелегальныхъ профессиональныхъ союзовъ. Не естественно ли, что рабочей классъ попытается также „легализовать“ свои политическія организаціи, какъ только интересъ къ политикѣ станетъ болѣе жгучимъ, чѣмъ сейчасъ? И не правильно ли поступаютъ тѣ, которые, предвидя приближеніе такого момента, уже сейчасъ указываютъ рабочимъ на необходимость борьбы за право открыто организоваться? Но, говорятъ обыкновенно, право организоваться есть часть болѣе широкаго права, и усилія рабочихъ должны быть направлены на завоеваніе цѣлаго, а не отдѣльныхъ частей этого цѣлаго. Тѣ, кто такъ рассуждаетъ, по видимому безсознательно для самихъ себя, признаютъ, что части существуютъ отдѣльно отъ цѣлаго и могутъ такъ частями реализоваться въ жизни. Мы же думаемъ, что въ общественномъ цѣломъ всѣ части такъ крѣпко спаяны между собою, что существуютъ и падаютъ вмѣстѣ съ цѣлымъ и что поэтому борьба за часть создаетъ условія для завоеванія цѣлаго. Кто въ данномъ случаѣ рассуждаетъ какъ марксистъ, пусть судить читатель. Съ нашей точки зрѣнія вопросъ можетъ стоять только такъ: является ли борьба за данную часть наиболѣе цѣлесообразной, наилучше ведущей къ цѣли, т. е. къ завоеванію цѣлаго. Точка зрѣнія ленинцевъ, рассматривающихъ всякое сосредоточеніе борьбы на частной цѣли какъ вредный компромиссъ съ дѣйствительностью, есть точка зрѣнія анархизма. И какъ анархизмъ быстро переходитъ отъ крайняго словеснаго радикализма къ самому пошлому оппортюнизму, не находя моста, ведущаго отъ практики сегоднешняго дня къ торжеству конечной цѣли, такъ и ленинизмъ путается между двумя тактиками, грозя то стать французомъ, то заговорить по-нѣмецки, въ зависимости отъ настроенія народныхъ массъ. Когда-то такую тактику нѣкій писатель назвалъ хвостизмомъ. Какъ назоветъ онъ ее теперь?

Борьба за открытое существованіе рабочей партіи есть часть борьбы за свободу коалицій, а свобода коалицій какъ и всеобщее избирательное право является въ настоящее время тѣмъ лозун-

гомъ, который больше всякаго другого способенъ увлечь массы, способенъ вовлечь ихъ въ политическую самодѣятельность, ставившая съ крупнѣйшими проявленіями третейскаго режима и обнаруживая скрывающіяся до поры до времени классовыя противорѣчія. Именно потому, что свобода коалицій означаетъ не только свободу профессиональных союзовъ, но и свободу политическихъ организацій, она будетъ мила однимъ и ненавистна другимъ, приемлема одной стороною и непріемлема другой. Именно потому, что борьба за свободу коалицій будетъ приводить къ попыткамъ использованія на практикѣ существующихъ легальныхъ возможностей, она явится для рабочихъ лучшей школой классовой борьбы и классоваго воспитанія. И поскольку рабочія массы будутъ воодушевляться этимъ лозунгомъ, поскольку онѣ будутъ бороться за дѣйствительное проведеніе его въ жизнь, постольку неизбѣжны попытки образованія легальныхъ обществъ, преслѣдующихъ ту или иную политическую задачу. Удадутся ли эти попытки или нѣтъ, но онѣ будутъ. А будутъ онѣ, между прочимъ, и потому, что тотъ политическій коллективъ, который рекламируется г. М. Б., является не столько единственнымъ, сколько одинокимъ, ибо вокругъ него пустота. Политическій коллективъ, который за 5 лѣтъ реакціи не далъ рабочимъ ни одной политической идеи, который не руководилъ ни однимъ политическимъ выступленіемъ рабочихъ, предоставлявъ дѣло политическаго воспитанія массъ профессиональнымъ союзамъ, политическій коллективъ, единственной творческой идеей котораго и сейчасъ является борьба съ „ликвидаторствомъ“ или вѣрнѣе съ тѣмъ фантомомъ, который ему угодно было назвать этимъ именемъ, такой коллективъ не можетъ претендовать на руководство политическимъ движеніемъ класса *).

Но, куражится дальше М. Б., ликвидаторы не могутъ даже „выработать объединеннаго мнѣнія „своего“ кружка ни по принципиальнымъ, ни по практическимъ вопросамъ всей нашей работы“, тогда какъ въ „политическомъ коллективѣ“ все на этотъ счетъ обстояло такъ же великолѣпно, какъ и насчетъ всего прочаго. „Возьмите—заявляетъ М. Б.—хотя бы вопросъ о лозунгахъ выборной кампаніи, о тактикѣ, о соглашеніяхъ. Есть только одинъ отвѣтъ, оформленный, ясный, точный, полный, извѣстный всѣмъ руководящимъ рабочимъ уже теперь во всѣхъ концахъ Россіи. Другого отвѣта нѣтъ“ **). Какимъ самомнѣніемъ отдаеть отъ этой парадной фразы! И какимъ мѣднымъ лбомъ надо обладать, чтобы ее написать послѣ пяти лѣтъ политическаго ковырянья въ носу на томъ только основаніи, что Ленинъ написалъ для „своихъ“ избирательную платформу и затѣмъ довелъ ее до свѣдѣнія „своей партіи“ черезъ „свой центральный“ органъ! Объ

*) Примѣчаніе для проницательнаго читателя.—Само собою разумѣется, что у насъ все время рѣчь идетъ о томъ ленинскомъ политическомъ коллективѣ, которому поетъ свои дифирамбы М. Б. Что же касается болѣе широкаго коллектива, то его судьба будетъ всецѣло зависѣть отъ того, въ какой мѣрѣ онъ сумѣетъ сочетать свои старыя традиціи съ тѣми новыми формами самодѣятельности и самоорганизации рабочихъ, которыя уже вырастаютъ и еще будутъ выростать по мѣрѣ политическаго пробужденія рабочаго класса. Это требуетъ и организаціонной и политической работы, отъ которой никогда „ликвидаторы“ не отказывались.

**) Тамъ же. Курсивъ М. Б.

избирательной платформѣ ленинцевъ мы еще поговоримъ особо. Сейчасъ скажемъ только нѣсколько словъ по поводу „ликвидаторскихъ“ „разногласій“. Нѣтъ разногласій въ сектѣ, ибо она руководится готовымъ мнѣніемъ своего верховнаго главы и законодателя. Наоборотъ, въ живомъ организмѣ, какимъ является политическая партія, разногласія неизбежны, и задачи политическихъ дѣятелей не въ томъ, чтобы устранить эти разногласія, а въ томъ, чтобы сохранить жизнеспособность партіи при всѣхъ разногласіяхъ. Желаніе М. Б. свести „ликвидаторовъ“ къ кружку не умѣющихъ столкнуться между собою лицъ по человечеству намъ понятно, но оно не соответствуетъ дѣйствительности. М. Б. хорошо знаетъ, что „ликвидаторовъ“ гораздо больше, чѣмъ онъ хочетъ признать: иначе онъ и его товарищи не посвящали бы имъ столько времени и мѣста. Ликвидаторы—не партія, но они и не секта. Кружокъ, о которомъ говоритъ М. Б., есть кружокъ ликвидаторовъ, которые могутъ расходиться въ объясненіи различныхъ проявленій нашей общественности, какъ могутъ по различнымъ вопросамъ расходиться и „ликвидаторы“-практики. Но какъ эти расхожденія не мѣшаютъ „литераторамъ“ работать въ одномъ органѣ и дѣлать все таки одно дѣло, такъ и расхожденія среди практиковъ не помѣшали имъ провести нѣсколько политическихъ кампаній (подготовку нѣкоторыхъ легальныхъ съѣздовъ, петиционную кампанію) работать въ профессиональныхъ союзахъ и другихъ рабочихъ обществахъ, и не помѣшаютъ принять участіе въ избирательной кампаніи, несмотря на всѣ анафемы и отлученія гг., подобныхъ М. Б.

2. Ленинцы и избирательная кампанія.

Но избирательная кампанія невозможна безъ избирательной платформы, а у „ликвидаторовъ“ такой платформы, увѣряетъ М. Б., нѣтъ. А у ленинцевъ она есть? Несмотря на утвержденія М. Б., что есть „ясная, точная и полная“, я позволяю себѣ думать, что избирательной платформы, т. е. такой, которую они серьезно желали бы сдѣлать центромъ избирательной агитации, у нихъ нѣтъ. Есть заново переписанныя, давно сданныя исторіей въ архивъ старыя большевистскія резолюціи, принятые и не принятые на разныхъ съѣздахъ и конференціяхъ, есть партійная программа съ ея принципиальнымъ обоснованіемъ с.-д. требованій, но нѣтъ избирательной платформы, нѣтъ ряда конкретныхъ политическихъ требованій, вокругъ которыхъ въ данную избирательную кампанію можно было бы организовать волеизъявленіе народныхъ массъ, и борьба за которыя была бы способна вскрыть классовыя противорѣчія, скрытыя въ третьейюнскомъ режимѣ. Конечно, „политическому коллективу“, спавшему непробуднымъ сномъ цѣлыхъ пять лѣтъ, чрезвычайно, можетъ быть, важно выпалить сразу всѣ хорошія слова, какія онъ знаетъ, такъ какъ послѣ этого можетъ наступить политическая спячка. Но въ дѣйствительности избирательная кампанія, вовсе не есть священнодѣйствіе придуманное для того, чтобы будить спящихъ, а лишь одинъ изъ моментовъ политической агитации; точно также избирательная платформа не есть наборъ всякихъ радикальныхъ пожеланій, а

орудіе этой агитаціи. И какъ во всякой агитаціи необходимо останавливать свое вниманіе на тѣхъ требованіяхъ, которыя, по условіямъ момента, въ состояніи наиболѣе мобилизовать народныя массы. Утвержденіе, что ленинскіе лозунги выборной кампаніи извѣстны „всѣмъ руководящимъ рабочимъ уже теперь во всѣхъ концахъ Россіи“, грѣшитъ, конечно, обычной у писателей разбираемой школы гиперболой. Но даже тѣ нѣкоторыя руководящіе рабочіе въ нѣкоторыхъ концахъ Россіи, которымъ дѣйствительно эти лозунги извѣстны, знаютъ ихъ постольку, поскольку они ихъ читали. Но связать ихъ съ насущными задачами нашей дѣйствительности, сдѣлать ихъ исходнымъ пунктомъ агитаціи, это, можно смѣло сказать, никому не будетъ дано.

Чтобы не быть голословными рассмотримъ поближе принципиальные основы ленинской платформы, какъ ихъ толкуетъ К. Тулинъ въ статьѣ, напечатанной въ №№ 1 и 2 „Просвѣщенія“.

„Кто стоитъ на марксистской точкѣ зрѣнія,—говоритъ К. Тулинъ,—тотъ не можетъ ждать избавленія Россіи отъ „третьейюннскаго періода“ ни отъ чего иного, какъ отъ „рѣшительнаго столкновенія классовъ“... Мы думаемъ..., что рѣшительное столкновеніе между помѣстнымъ землевладѣніемъ стараго типа и либеральной буржуазіей Россіи не предстоитъ; столкновеніе между этими классами неизбежны, но въ видѣ мелкихъ раздоровъ, которые ничего „не рѣшаютъ“ въ судьбахъ Россіи... Столкновеніе дѣйствительно рѣшительное предстоитъ между двумя и классами... между крестьянами и помѣщиками, между рабочими и капиталистами... „Заставлять“ наиболѣе многочисленную въ странѣ демократическую массу (крестьянство и родственные слои неземледѣльческой мелкой буржуазіи) „дѣлать выборъ между кадетами и марксистами“; вести линію „совмѣстныхъ дѣйствій“ рабочихъ и крестьянской демократіи и противъ стараго режима и противъ контръ-революціонной либеральной буржуазіи вотъ въ чемъ основа и суть „лѣвоблокнистской“ тактики“ *).

„Кто стоитъ на марксистской точкѣ зрѣнія“, тотъ признаетъ правильность первой фразы, но только ея одной, во всей приведенной цитатѣ. Мы думаемъ, что рѣшительное столкновеніе, которое можетъ избавить Россію отъ „третьейюннскаго періода“, предстоитъ между феодально-бюрократическими элементами, съ одной стороны, и всѣмъ буржуазнымъ обществомъ, въ его цѣломъ, съ другой. Мы знаемъ, что само буржуазное общество состоитъ изъ разныхъ группъ съ взаимносталкивающимися интересами и недоумѣваемъ, почему именно эти столкновенія забыты К. Тулинъ, тогда какъ для пролетаріата, для его политической роли эти столкновенія имѣютъ существенное значеніе. Подъ вліяніемъ этихъ внутреннихъ столкновеній, сопровождаемыхъ въ каждомъ случаѣ неизбежной классовой борьбой рабочихъ, то одна, то другая группа буржуазнаго общества можетъ искать спасенія въ объятіяхъ реакціи, и задача пролетаріата состоитъ въ томъ, что бы помѣшать усиленію рядовъ реакціи. Онъ можетъ это сдѣлать, поддерживая наиболѣе крайнюю фракцію буржуазіи, но поддерживать не значитъ вступить съ ней въ блокъ. Блокъ связываетъ, лишаетъ самостоятельности, тогда какъ поддержка можно всегда, въ любой моментъ лишитъ, когда требованія данной группы перестаютъ быть революціонными и принимаютъ реакціонный характеръ. „Лѣвоблокнистская тактика“ французовъ, если даже допустить, что К. Тулинъ вѣрно передалъ всю ея исторію, воспи-

*) Просв. № 2, стр. 23—26.

тала, можетъ быть, въ республиканскомъ духѣ французскую буржуазію, но за то удалила французскій пролетаріатъ отъ социализма, заразивъ его на долго идеями мелкобуржуазнаго революціонизма. Новѣйшая „лѣвоблокистская тактика“ Жореса явилась отраженіемъ этой слабости французскаго социализма, другимъ полюсомъ которой оказался синдикализмъ. И Марксъ, и Энгельсъ опять таки говорили только о поддержкѣ революціонныхъ крестьянскихъ требованій въ 1848 году, но не о блокированіи городской демократіи съ крестьянской. Самостоятельность политической партіи пролетаріата—такова главнѣйшая задача, потому что и всѣ другія задачи могутъ быть поставлены и рѣшены только при самостоятельномъ, политическомъ самоопредѣленіи рабочаго класса. И здѣсь, слѣдовательно, мы приходимъ къ необходимости борьбы за свободу организаціи. И когда М. Б. заявляетъ, что у „ликвидаторовъ“ нѣтъ избирательной платформы, то онъ говоритъ завѣдомую неправду, ибо одинъ этотъ пунктъ (свобода коалицій), на которомъ сходятся всѣ „ликвидаторы“, сдѣлаетъ гораздо больше въ избирательной агитаціи, чѣмъ всѣ резолюціи объ измѣнахъ кадетовъ и о пользѣ лѣваго блока.

Но съ платформой „ликвидаторовъ“ случилось въ данномъ случаѣ то же самое, что съ самими „ликвидаторами“; ихъ критикують и въ то же время говорятъ, что ихъ нѣтъ. А можетъ быть М. Б. утверждаетъ, что у „ликвидаторовъ“ нѣтъ платформы на томъ основаніи, что напечатанная въ свое время въ „Нашей Зарѣ“ платформа не носитъ клейма фиктивнаго „политическаго коллектива“? Да, мы дѣйствительно противники всякихъ фикцій, и думаемъ, что тезисы, предложенные кружкомъ литераторовъ и практиковъ, только тогда могутъ превратиться въ политическую платформу, когда они обсуждены и соотвѣтственно дополнены руководящими элементами коллектива, имѣющаго пользоваться данной платформой *).

Кромѣ „оформленныхъ, ясныхъ, точныхъ и полныхъ“ лозунговъ выборной кампаніи, М. Б. рекомендуетъ еще „оформленную, ясную, точную и полную“ выборную тактику. Въ чемъ она состоитъ? Напомнимъ прежде всего то, о чемъ уже была рѣчь въ „Нашей Зарѣ“, что Тулинъ очень пренебрежительно отзывался объ общей избирательной агитаціи, которая попыталась бы разбить рамки третьейюнскихъ курій. „Это пустяки!“—говоритъ Тулинъ и говоритъ такъ рѣшительно, что ему приходится вѣрить на слово. Но въ глубинѣ души у насъ все таки копошится сомнѣніе: почему при такой ультра-радикальной платформѣ столь умѣренная тактика? Не потому-ли, что платформа печатается на бумагѣ, а тактика предполагаетъ проведеніе этой плат-

*) Г. Зуевъ очень боится, чтобы формулы этой платформы не оказались приемлемы для либеральной буржуазіи. Ну, а если ваши формулы окажутся приемлемы для демагогической буржуазіи? А если появится такая партія, которая не побоятся предложить еще больше? Мы думаемъ, социаль-демократическая платформа вовсе не обязана стремиться къ тому, чтобы „общать побольше“, а чтобы ея содержаніе находилое въ согласіи съ социаль-демократической программой и максимально обострала бы классовую борьбу. Съ этой точки зрѣнія, требованіе всеобщаго избирательнаго права и свободы коалицій имѣютъ гораздо большее агитаціонное содержаніе, чѣмъ формулы болѣе радикальныя, но для даннаго момента болѣе абстрактныя.

формы въ жизнь? Вѣдь легко написать на бумагѣ, что „лозунги извѣстны всѣмъ руководящимъ рабочимъ“, когда напередъ по опыту прошлыхъ выборныхъ кампаній знаешь, что пресловутый „политическій коллективъ“ о проведеніи лозунговъ на избирательныхъ собраніяхъ заботился очень мало. Предвидя свое безсиліе создать сколько-нибудь широкую избирательную кампанію, ленинцы дѣлаютъ изъ порока добродѣтель и, охраняя неприкосновенность столыпинскихъ курій, тѣмъ самымъ спасаютъ словесный радикализмъ своей платформы, которая, можетъ быть, будетъ извѣстна кое-кому изъ руководящихъ рабочихъ, но для широкой массы останется запретной грамотой: рабочие будутъ выбирать по фабрикамъ и заводамъ своихъ довѣренныхъ, которые авось окажутся социал-демократами, а въ другихъ куріяхъ поможетъ дипломатія, основанная на выкладкахъ В. Фрея и другихъ специалистовъ политической ариеметики изъ „Звѣзды“. Еще въ этихъ послѣднихъ куріяхъ могъ бы помочь „лѣвый блокъ“, но по его поводу Г. Зуевъ принужденъ меланхолически оговориться: „Лѣвый блокъ, какъ конкретная система опредѣленныхъ избирательныхъ соглашеній, на предстоящихъ выборахъ будетъ, вѣроятно, играть очень скромную роль“ *). Да и К. Тулинъ принужденъ оговориться, что „при настоящемъ избирательномъ законѣ „лѣвый блокъ“ весьма рѣдко примѣняется на практикѣ“ **). Ахъ, они бѣдные! Несмотря на „обязательность „лѣвоблокизма“ для всякой рабочей партіи во всякомъ буржуазно-демократическомъ движеніи“ (Тулинъ); несмотря на то, что лѣвый блокъ есть „систематическая (слушайте! систематическая! Л. С.) борьба рабочаго класса, какъ руководителя за присоединеніе къ себѣ всей подлинной (? Л. С.) демократіи“ (Зуевъ), несмотря на все это и многое другое,—они принуждены прибѣгать къ лѣвому блоку на практикѣ весьма рѣдко. За то въ теоріи!.. Какое трагическое столкновеніе между теоріей и практикой, и какая „оформленная, ясная, точная и полная“ избирательная тактика!

При такой ясности остается еще выяснить, почему и зачѣмъ идутъ ленинцы въ 4-ю Думу. На эти вопросы пытается дать „ясные“ отвѣты Г. Зуевъ. Почему? „Бойкотъ Булыгинской и 1-ой Госуд. Думы сыгралъ свою историческую роль. Разъ выяснилось, что Россія вступила въ болѣе или менѣе длительную эпоху отсутствія непосредственныхъ проявленій высшихъ формъ общественной активности, для марксистовъ стало необходимо участіе въ Гос. Думѣ“ ***). Это новая вариация на старый ладъ, причѣмъ мы теперь узнаемъ и нѣкоторую новость: оказывается, что уже передъ выборами во 2-ю Думу ленинцы знали, что „Россія вступила и т. д.“ Къ сожалѣнію, въ своей литературѣ того времени они говорили какъ разъ противоположное, такъ что причину своего участія въ выборахъ во 2-ую Думу ленинцамъ еще остается объяснить. Теперь зачѣмъ? „Но зачѣмъ шли марксисты лѣваго крыла въ 3-ью Думу, зачѣмъ пойдутъ они въ 4-ю Думу?—Они не идутъ для „законодательствованія,

*) № 2 стр. 25.

**) № 3—4.

***) № 3—4, стр. 3.

для „положительной работы“... а „для политическаго просвѣщенія народа и съ трибуны того учрежденія, которое стало не случайнымъ, а неизбѣжнымъ звеномъ въ системѣ третье-июньскаго режима“ *).

Мы считаемъ весьма характернымъ для ленинца, что, говоря о выборахъ, онъ забываетъ совершенно предвыборную кампанію. Вѣдь идутъ въ Думу еще не значить пришли. Идутъ, по нашему мнѣнію, для того, чтобы использовать выборную кампанію въ цѣляхъ агитаціи и организациі, а тѣ, которые туда придуть, должны будутъ уже продолжать въ другомъ масштабѣ эту самую работу. Зуевъ забылъ объ организациі, но то, что онъ говоритъ объ организациі, совершенно вѣрно. Но даже высказывая правильную мысль, ленинецъ не можетъ обойтись безъ демагогіи и потому пишетъ: „Когда журналисты-ликвидаторы теперь... жалуются на то, что „призывами и напоминаніями о разрушеніи Карагаена въ однихъ и тѣхъ же стереотипныхъ выраженіяхъ заканчиваются всѣ рѣчи депутатовъ социаль-демократической фракціи за время послѣдней сессіи“,—они своимъ брызжаніемъ по поводу дѣятельности рабочей фракціи въ 3-ей Думѣ только подчеркиваетъ, что ихъ методъ „положительной работы“ потерпѣлъ полнѣйшій крахъ и что иначе использовать современный русскій „парламентаризмъ“, чѣмъ такъ, какъ это предлагаютъ дѣлать марксисты лѣваго крыла,—невозможно“. Что прежде всего поражаетъ въ этой фразѣ, это необычная безцеремонность (мы не хотимъ употребить болѣе рѣзкаго, заслуженнаго Г. Зуевымъ эпитета) въ цитированіи чужихъ словъ: поставивъ въ кавычки цѣлую фразу и указавъ въ выноскѣ, что она взята изъ статьи Мартынова въ „Нашей Зарѣ“, Г. Зуевъ затѣмъ заключаетъ въ кавычки слова: „положительной работы“, „парламентаризмъ“, какъ будто и эти слова позаимствованы изъ той же статьи или, по крайней мѣрѣ, изъ статьи другого „ликвидатора“. Пусть Г. Зуевъ потрудится указать намъ, какой методъ „положительной работы“ предлагали „ликвидаторы“ и о какомъ „парламентаризмѣ“ они говорили. Не противъ агитаціи направлена статья Мартынова, а противъ извѣстныхъ формъ агитаціи. Критика дѣятельности социаль-демократическихъ депутатовъ 3-ей Думы вообще дѣло весьма щекотливое. 5—6 человекъ въ теченіе 5 лѣтъ, безъ поддержки окружающихъ, при полномъ молчаніи страны, выносили на своихъ плечахъ огромную, тяжелую работу. Но политическій обозрѣватель партійной дѣятельности не можетъ тѣмъ не менѣе обойти тѣ дефекты, которые обнаружались въ рѣчахъ социаль-демократическихъ депутатовъ. Для всякаго безпристрастнаго читателя смыслъ статьи Мартынова былъ ясенъ: сила агитаціи увеличивается, когда она состоитъ не изъ однихъ лозунговъ, а открываетъ слушателю тотъ путь, которымъ данное лицо пришло къ этимъ лозунгамъ. При всякой агитаціи важна не готовая истина, а тотъ путь, который къ ней ведетъ. Но гдѣ же все это понять Г. Зуеву?

Мы не коснулись еще нѣкоторыхъ сторонъ ленинской идеологіи, но и того, на что мы указали (словесный радикализмъ

при жалкой политической практикѣ, несоотвѣтствіе между этой практикой и теоретическимъ исходнымъ пунктомъ, увлеченіе, опять таки на словахъ, „дѣвоблокизмомъ“ въ ущербъ интересамъ пролетаріата, погоня за внѣшними успѣхами при отсутствіи средствъ для ихъ достиженія) достаточно, чтобы придти къ заключенію, что если такой „коллективъ“ называетъ себя социаль-демократическимъ, то это дѣлается по тому же самому недоразумѣнію, по которому одинъ французскій буржуа заявилъ, что нынче всѣ социалисты.

Л. Сѣдовъ.

Къ характеристикѣ современнаго рабочаго движенія въ Россіи.

Статья 1-я.

Ленско-майскія политическія забастовки и демонстраціи вновь поставили рабочее движеніе въ центрѣ общественнаго вниманія. Не только рабочая пресса, но либеральная и даже рептильная печать охотно предоставляютъ свои столбцы сообщеніямъ о происходящихъ въ разныхъ концахъ Россіи рабочихъ забастовкахъ. Большія столичныя провинціальныя газеты отводятъ подъ забастовки даже спеціальныя ежедневныя отдѣлы. О нихъ сообщаетъ и офиціозное агентство и „собственные корреспонденты“. Дѣлаются попытки подвести итоги и дать общую оцѣнку движенія. Движенію посвящаются передовицы, провинціальныя отдѣлы и даже обзоръ печати. Рабочимъ впросомъ вплотную занялись боевые союзы предпринимателей и правительства. Созываются экстренные совѣщанія промышленниковъ; учреждаются спеціальныя комиссіи изъ чиновъ департамента полиціи и министерства торг. и промышл.; публикуются офиціальныя сообщенія и пр. и пр.

Но, какъ и слѣдовало ожидать, этотъ необычайно возросшій интересъ къ рабочимъ и ихъ борьбѣ отнюдь не способствуетъ уясненію ни дѣйствительнаго размѣра, ни причинъ и характера движенія. Наоборотъ. Чѣмъ выше вздымается забастовочная волна, тѣмъ сильнѣе тревога промышленниковъ и правительства, и тѣмъ тщательнѣе прикрывается эта тревога офиціальнымъ оптимизмомъ и „успокоительными“ завѣреніями. И тѣ и другіе отдають себѣ довольно ясный отчетъ въ происходящемъ, о чемъ свидѣтельствуютъ тысячи арестовъ, ссылокъ и высылкъ, „боевые“ циркуляры московскихъ и петербургскихъ шахермахеровъ, усмотрѣвшихъ еще въ перво-майскомъ выступленіи „начало надвигающейся дѣятельности рабочихъ въ смыслѣ борьбы за улучшеніе условій труда и повышенія заработной платы“, и призывавшихъ къ надлежащему отпору. Но для внѣшняго міра „все обстоитъ благополучно“ и организованный капиталъ и объединенное правительство въ унисонъ поютъ пѣснь успокоенія. На движеніе напускается густой туманъ, умаляются размѣры, искажаются характеръ и перспектива его. „Разъясняется“

ленско-майское выступленіе рабочихъ: г. Тимашевъ, не смущаясь, объявляетъ его лишеннымъ политическаго содержанія, „чисто-экономическимъ“. И министерскій органъ спѣшитъ поддѣржнть Тимашевское заявленіе глубокомысленнымъ соображеніемъ, что „ленскія забастовки проще всего (ужь чего проще? А. М.) объяснить чувствами извѣстной солидарности къ пострадавшему на Ленѣ „своему брату“. Это остроумное открытіе дружно подхватывается всей буржуазной прессой, еще наканунѣ говорившей о „политически-классовомъ“ характерѣ движенія („Рѣчь“, „Рус. Вѣд.“ и др.).

Понадобилось представить движеніе, послѣдовавшее за ленскими демонстраціями, неприятнымъ, но мимолетнымъ эпизодомъ, несвязаннымъ съ предыдущимъ и неимѣющимъ будущаго.—И оффиціальная статистика публикуетъ завѣдомо лживыя и подтасованныя предварительныя данныя о движеніи за январь—апрѣль т. г., а съ движеніемъ прошлаго года раздѣлялись служащіе М. Общества ф. и зав., объявивши значительный подъемъ забастовочной борьбы прошлаго года простымъ „выравниваніемъ стачечной кривой, упавшей въ началѣ 1910 г. слишкомъ низко“¹⁾.

Сбивчивыя представленія о современной забастовочной полосѣ получаютъ распространеніе и въ тѣхъ общественныхъ кругахъ, отъ которыхъ, казалось бы, можно ожидать и болѣе вдумчиваго и болѣе серьезнаго и критическаго отношенія къ рабочему движенію. Такъ, въ „Невской Звѣздѣ“ И. Петровъ пишетъ: „Передъ нами полоса не только экономическихъ стачекъ. Передъ нами полоса политическихъ стачекъ“²⁾. Это написано 31 мая³⁾. Что при нашихъ условіяхъ чисто-экономическія забастовки могутъ приобрести политическое значеніе,—это трюизмъ. Но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что позволительно путать въ одну кучу политическія забастовки съ экономическими. Послѣднія могутъ сопровождаться митингами и резолюціями протеста, но отъ этого онѣ не теряютъ, какъ забастовки экономическаго характера, который въ послѣднемъ счетѣ опредѣляется содержаніемъ главныхъ требованій бастующихъ. Не менѣе сбивчивыя представленія у этихъ своеобразныхъ марксистовъ о связи движенія съ прошлымъ. Легкомысленно объявивъ въ свое время⁴⁾ движеніе прошлаго года оборонительнымъ, они послѣ Ленскихъ дней уже считаютъ его наступательнымъ, чтобы вывести отсюда оригинальнѣйшую „теорію стадій“. Стадія 1-ая. До прошлаго года—оборонительныя забастовки. Стадія 2-ая. Въ прошломъ году—забастовки наступательныя. Стадія 3-ья. Въ настоящемъ году—забастовки политическія. Какимъ образомъ оборонительныя или наступательныя забастовки переходятъ въ политическія—остается секретомъ публицистовъ изъ „Звѣзды“...

Чтобы хотя отчасти разсѣять туманъ, обволакивающій современное забастовочное движеніе, мы ниже попытаемся набросать общую картину его на основаніи собранныхъ нами данныхъ. При этомъ гдѣ возможно было, мы выдѣлили движеніе до 1 апрѣля, т. е. до „Лен-

¹⁾ Отчетъ О. ф. и з. Моск. пром. р., стр. 10.

²⁾ Курсивъ вездѣ нашъ.

³⁾ Послѣ 1-го мая (по ст. стилю) мы знаемъ только двѣ политическихъ забастовки: 3 мая въ Варшавѣ—свыше 16 тысячъ участниковъ и 15 мая въ Петерб.—незначительная по размѣрамъ.

⁴⁾ „Звѣзда“ 1911 г., № 26.

скихъ дней“; забастовки, происходившія параллельно или непосредственно вслѣдъ за Ленскимъ выступленіемъ (до 15 мая) и за 2-ю половину мая ¹⁾).

І. Экономическое движеніе.

1. Размѣры движенія.

При анализѣ стачечной борьбы русскихъ рабочихъ за послѣдніе годы намъ неоднократно приходилось указывать, что нарастаніе стачечной энергіи, начавшееся съ первыми признаками промышленнаго оживленія второй половины 1909 г., происходитъ, хотя и медленно, но непрерывно, перебрасываясь изъ одного района въ другой, съ одной отрасли промышленности на другую, втягивая наиболѣе отсталые слои рабочихъ и проникая въ самые глухіе углы Россіи. ²⁾ То же наблюдалось въ первые 3 мѣс. настоящаго года. За янв.—мартъ нами зарегистрировано однѣхъ экономическихъ забастовокъ 143 съ 37 слишкомъ тысячами участниковъ. Другими словами, 3 наиболѣе „спокойныхъ“ мѣсяца т. г. по числу стачечниковъ значительно превосходятъ 4½ первыхъ мѣс. прошлаго (до 33 тыс.) ³⁾.

Ленскія событія дали лишь мощный толчекъ дальнѣйшему развитію экономической борьбы, рязывая накопленную стачечную энергію русскихъ рабочихъ. Въ настоящее время движеніе еще далеко не достигло высшей точки, но уже сейчасъ можно увѣренно сказать, что передъ нами мощный забастовочный подъемъ, какого Россія не знала съ 1905—6 г. г.

За январь—май было 496 забастовокъ и свыше 158 тысячъ участниковъ, въ томъ числѣ въ однѣхъ только подчиненныхъ фабричному надзору предпріятіяхъ 296 заб. и свыше 118 тысячъ рабочихъ т. е. значительно больше, чѣмъ за весь прошлый годъ (400 заб. и до 90 тыс. участниковъ). Уже изъ этого простого сопоставленія читатель пойметъ, сколько правды въ слѣдующей тирадѣ казеннаго передовика: „Забастовочная волна, какъ шквалъ, налетѣла и ушла. Кое-гдѣ еще замѣтно нѣкоторое волненіе, но постепенно жизнь входитъ въ свою колею, а съ ними (съ нею? А. М) и забастовочное движеніе укладывается въ то русло, которое вообще представляется свойственнымъ русскимъ забастовкамъ“ ⁴⁾ Если еще въ первую половину мая можно было говорить о непосредственной связи экономическихъ забастовокъ съ ленско-майскимъ выступленіемъ и первомайскими штрафами и тѣшить себя разсужденіями о мимолетности „налетѣвшаго шквала“, то цифры второй половины мая убѣдительно говорятъ, что мы имѣемъ дѣло съ серьезнымъ забастовочнымъ подъемомъ, лишь ускореннымъ и психологически связаннымъ, но отнюдь не вызваннымъ ленскими событіями.

¹⁾ Для составленія нашей сводки мы пользовались сообщеніями рабочей и общей прессы, официальными данными, свѣряя ихъ для главныхъ промышленныхъ центровъ съ сообщеніями мѣстныхъ газетъ. Особенно большую помощь намъ оказали петербургскія рабочія газеты и польскій социалистическій еженедѣльникъ „Swiatlo“. Во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ, когда свѣдѣнія были противорѣчивы и нельзя было сколько-ниб. точно установить размѣры забастовки, мы, какъ общее правило, брали минимальную цифру.

²⁾ „Нашъ Путь“ № 6 и 7 за 1910 г., „Наша Заря“ №№ 9—10, 11 и 12 за 1911 г. и „Металлистъ“ за 1912 г.

³⁾ См. юньскій бюллетень М. О. ф. и зав. за прошлый годъ.

⁴⁾ „Т. Пр. Газета“ отъ 24 мая.

За 3 мѣсяца (январь—мартъ) было 143 эконом. заб. съ 37134 участниками,
 за 1½ мѣсяца (апр.—15 мая) " 196 " " " 95276
 " ½ мѣсяца (15—31 мая) " 157 " " " 64209 "

И сейчасъ когда пишутся настоящія строки (конецъ іюня) движеніе растетъ и растетъ ¹⁾.

Нижеслѣдующая табличка даетъ представленіе о колебаніяхъ стачечной кривой (экономической) за послѣднее восьмилѣтіе:

За первые 5 мѣсяцевъ число участниковъ экономическихъ забастовокъ въ подчиненныхъ фабричному надзору предприятияхъ было (въ тысячахъ) ²⁾:

1905 г.	1906 г.	1907 г.	1908 г.	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.
673	205	84	40	32	14	30	118
						maximum.	

1905 годъ—годъ политической революціи при экономической депрессіи, и въ этомъ его принципиальное отличіе какъ отъ предшествовавшаго, такъ и послѣдовавшаго за нимъ періода. Не взирая на неблагоприятную экономическую конъюнктуру, движеніе подъ вліяніемъ разгорающейся революціи достигло размѣровъ неслыханныхъ не только въ нашемъ, но и въ мировомъ рабочемъ движеніи: по сравненію съ предшествовавшимъ десятилѣтіемъ (1895—1904) оно повысилось въ десятки разъ. Съ побѣдой реакціи въ свои права начинаютъ вступать вліянія промышленной конъюнктуры, съ одной стороны, и неорганизованности рабочаго класса—съ другой. Къ этому присоединяется неслыханная репрессія, съ которой обрушились побѣдители на пролетаріатъ. Абсолютныя цифры еще очень велики, но относительно забастовочная энергія падаетъ рѣзко и стремительно: въ 1906 г.—почти втрое, въ 1907 г.—въ 2½ раза, въ 1908 г.—вдвое, пока она не достигаетъ въ 1909 и 10 г.г. размѣровъ, не отличающихся отъ дореволюціоннаго десятилѣтія. Въ прошломъ году ³⁾ забастовочная кривая вновь значительно повышается и даетъ увеличеніе слишкомъ вдвое, а въ настоящемъ—вчетверо. Новый забастовочный подъемъ отличается отъ 1905 года не только темпомъ, но и всей обстановкой борьбы: въ 1905 году нарастающая революція стимулировала экономическую борьбу, какъ мы сказали, вопреки экономической депрессіи, въ настоящее время забастовочная борьба происходитъ при небываломъ подъемѣ главныхъ отраслей промышленности и при политическомъ оживленіи пролетаріата, хотя и очень значительномъ и глубокомъ, но все же только оживленіи. Болѣе того, само политическое оживленіе

¹⁾ Статья наша была уже въ наборѣ, когда намъ удалось подсчитать, по неполнымъ газетнымъ сообщеніямъ, число экономическихъ забастовокъ за іюнь—мѣсяцъ. Всего зарегистрировано 150 забастовокъ (9 общихъ, охватившихъ почти дѣльную профессію), съ числомъ участниковъ минимумъ въ 70 тыс., въ томъ числѣ въ подчиненныхъ фабр. инспекціи предприятияхъ до 45 тыс. чел.

²⁾ Табличка эта составлена на основаніи „Стат. стачекъ въ 1905 г.“. То же за 1906—8 г.г.—В. Е. Ворзора, для 1909 и 1910 г. г. по отчетамъ фабр. инсп., а для прошлаго года на основаніи газетныхъ сообщеній и іюньскаго бюллетеня М. О. ф. и зав.

³⁾ Собственно оживленіе заб. движенія началось со второй половины 1909 г. И въ 1910 г. вторая половина даетъ повышеніе по сравненію съ предыдущимъ, что скрадывается въ нашей табличкѣ. Кромѣ того въ 1910 г. наиболѣе оживленная стачечная борьба происходила какъ разъ въ отрасляхъ, стоящихъ въ надзорѣ фабричной инспекціи (свыше 50 тыс. стачечниковъ въ ремесл. строит. и транспортномъ пром.).

находится, какъ мы подробно покажемъ при анализѣ ленско-майскихъ забастовокъ, въ определенной причинной зависимости отъ экономической конъюнктуры.

Это, конечно, не значитъ, что ленско-майскія выступленія не имѣли никакого вліянія на послѣдовавшія за ними экономическія забастовки. Это вліяніе мы уже отмѣтили, но оно было чисто психологическимъ и могло произойти только на почвѣ промышленнаго подъема. Въ послѣднемъ и кроется главная причина подъема забастовочной волны настоящаго года ¹⁾.

2. Промышленная конъюнктура.

Неурожай, постигшій въ прошломъ году восточныя губ. Евр. Россіи и Зап. Сибирь, отразился лишь на нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности (хлопчато-бумажная и кожевенная) но „не остановилъ того промышленнаго оживленія, въ полосу котораго мы уже вступили не первый годъ“ ²⁾. Особенно пострадали текстильные районы Лодзинскій и Московско-Владимірскій. Въ началѣ февр. т. г. въ Лодзи насчитывалось до 1600 безработныхъ и 10.000 рабочихъ, работающихъ 3 дня въ недѣлю и вынужденныхъ обращаться къ общественной благотворительности. О массовыхъ расчетахъ, сокращеніи числа рабочихъ дней и часовъ сообщаютъ изъ Здунской Воли, Пабианицы и др. мѣстъ ³⁾. Послѣ мимолетнаго улучшенія — въ началѣ мая вновь появляются сообщенія объ угнетенномъ состояніи изъ Лодзи, Эгержа и др. Въ Эгержѣ до 300 предприятий стоятъ безъ движенія вслѣдствіе отсутствія заказовъ. ⁴⁾ Таковы же сообщенія изъ Московско-Владимірскаго района.

Въ этомъ году, какъ отмѣчаютъ московскія газеты, была необыкновенно поздняя послѣпасхальная приемка во всемъ районѣ. Непосредственно послѣ этой приемки въ Ивановѣ-Вознесенскѣ числилось до 7000 безработныхъ. Несмотря на то, что руководящая фирма Л. Кнопъ объявила въ этомъ году дѣлу на пряжу ниже прошлогодней на 16.7%, въ маѣ все еще сообщаютъ о начавшемся и предполагаемомъ сокращеніи работъ во всемъ Шуйско-Ивановскомъ районѣ.

Но и въ этой текстильной промышленности мы, повидимому, имѣемъ дѣло только съ временной заминкой, насколько можно судить по притоку новыхъ акціонерныхъ капиталовъ въ эту отрасль. По даннымъ статист. бюро Совѣта съѣздовъ южныхъ горнопромышленниковъ, въ прошломъ году, когда уже вполнѣ успѣли сказаться послѣдствія неурожая, притокъ этотъ для мануфактурной промышленности выразился внушительной цифрой въ 57,31 мил. руб. въ томъ числѣ на учрежденіе 22 новыхъ текстильныхъ предприятий — 34,31 мил. руб., на 1 предприятие приходится 1½ мил. руб., — т. е.

¹⁾ И. Петровъ изъ „Невской Звѣзды“ не понялъ принципиальнаго различія между политической революціей при экономической депрессіи (1905 г.) и политическимъ оживленіемъ при экономическомъ подъемѣ, отсюда самобытная теорія развитія экономической и политической борьбы въ Россіи, теорія, въ которой ставится на голову и рабочее движеніе 1905 г. и современное движеніе. Къ этой „теоріи“ мы еще вернемся при анализѣ политическаго движенія.

²⁾ „Горно-заводское Дѣло“ отъ 22 апрѣля.

³⁾ „Swiatlo“ №№ 5, 6 и 9.

⁴⁾ „Swiatlo“ (май).

все крупныя. 23 мил. руб. идетъ на расширеніе старыхъ ¹⁾. И совсѣмъ недавно газеты сообщали, что крупнѣйшая въ Лодзи бумагопрядильная м—ра Шейблера (7.200 рабочихъ) открываетъ въ Ловичѣ отдѣленіе на 5.000 рабочихъ ²⁾.

Въ прочихъ отрасляхъ промышленности оживленіе продолжается и особенно интенсивно въ каменно-угольной и металлообрабатывающей. Уже прошлый годъ былъ отмѣченъ небывалымъ расширеніемъ предпріятій. На югѣ были заложены 3 новыхъ домы, ремонтировались и пускались въ ходъ давно бездѣйствовавшія, и къ концу года дѣйствовало 45 доменныхъ печей—рекордная цифра въ этомъ районѣ. Тотъ же процессъ интенсивнаго разростанія металлургическихъ предпріятій продолжается и въ настоящемъ году. Еще въ февралѣ, по сообщеніямъ южныхъ газетъ, брянскій заводъ сооружаетъ новые мастерскія, трубопрокатный—2 новыхъ домы, заводъ Гантке—трубопрокатное и трубное отдѣленіе ³⁾. О томъ же сообщаютъ изъ Москвы, Петербурга и др. городовъ. Въ Петербургѣ предстоитъ въ скоромъ времени сліяніе двухъ гигантовъ—Путиловскаго и Невскаго судостроительнаго заводовъ, для чего выпускается новыхъ акцій на 9 мил. руб. Въ Тулѣ, по сообщенію „С.-Петербург. Вѣдомостей“ вновь открывается чугунно-плавильный заводъ Бельгійскаго О-ва, бездѣйствовавшей свыше 10 лѣтъ и т. д. и т. д. ⁴⁾. Въ соответствии съ этимъ расширеніемъ производства растутъ и продуктивность. И уже первыя опубликованныя свѣдѣнія о выработкѣ по всей Россіи за первые 2 мѣс. настоящаго года чугуна, желѣзныхъ и стальныхъ полупродуктовъ и готовога желѣза и стали говорятъ за то, что настоящей годъ оставитъ далеко за собою рекордный 1911-ый. Выросли не только абсолютныя числа выработки, но и темпъ. Чугунъ даетъ +20.9% (въ прошломъ году +12.0%), желѣзные и стальные полупродукты даютъ увеличеніе на 19.5% (въ прошломъ году +11.8%), а готовое желѣзо и сталь +19.7% въ настоящемъ году противъ 8.1% въ прошломъ ⁵⁾. Растетъ безостановочно и спросъ на желѣзо и опять таки темпъ возрастаетъ въ настоящемъ году выше, чѣмъ въ прошломъ. По опубликованнымъ даннымъ поступленіе заказовъ въ О-во „Продамета“ (на его долю приходится свыше ³/₄ общероссійскаго сбыта) за перную треть настоящаго года даетъ общее увеличеніе на 9 слишкомъ мил. пудовъ, или 23,4% (въ прошломъ году на 7 мил. пуд. и 21.5%) ⁶⁾.

Тѣ же данныя отчасти указываютъ и на главныя причины роста желѣзной промышленности. Это, во-первыхъ, ростъ городовъ

¹⁾ „Горнозав. Дѣло“ отъ 22 апр.

²⁾ Затрудненіе испытываетъ и Бакинская нефтяная промышленность, но здѣсь причина не въ перепроизводствѣ, а въ недоборѣ вслѣдствіе оскудѣнія старыхъ нефтеносныхъ площадей. За первые 3 мѣс. настоящаго года недоборъ на 4 бакинскихъ площадяхъ выразился въ 3,2 мил. пудовъ, несмотря на то, что число дѣйствующихъ и начатыхъ буреніемъ скважинъ нѣсколько даже увеличилось, а бездѣйствующихъ сократилось („Пром. и Торг.“ № 8).

³⁾ „Од. Лист.“ отъ 7/И.

⁴⁾ Особенно разрослось производство земледѣльческихъ машинъ и орудій за послѣднее трехлѣтіе (1908—1911 гг.). По даннымъ Совѣта съзаводъ фабрикантовъ этой группы, число рабочихъ здѣсь возросло съ 25,529—въ 1908 г. до 36,000—въ 1911 г., или на 40 слишкомъ проц., на столько же выросла и продуктивность этихъ заводовъ: съ 36 до 51 мил. руб. („Горнозав. Дѣло“ № 16).

⁵⁾ „Торг.-Пром. Газ.“.

⁶⁾ „Пром. и Торг.“ отъ 15 июня.

и „безостановочно растущая строительная дѣятельность во всѣхъ мало-мальски замѣтныхъ центрахъ“. Заказъ на желѣзныя балки даетъ въ настоящемъ году превышеніе противъ прошлаго года въ полтора раза, а противъ 1910 г. почти вдвое. Во-вторыхъ, здѣсь дѣйствуетъ и полумиллиардная ассигновка на флотъ и грандиозная программа желѣзнодорожнаго строительства: увеличеніе требованій на рельсы противъ прошлаго года—67%¹⁾.

О строительной лихорадкѣ газеты сообщаютъ изъ Петербурга, Москвы, Тулы, съ Поволжья, юга Россіи, изъ Варшавы, всего Прибалтійскаго края и др. Строятся главнымъ образомъ многоэтажные дома съ большимъ количествомъ дешевыхъ квартиръ (Петербург, Москва, Рига и др.). Строятся новые, расширяются старыя и возобновляютъ работу долго бездѣйствовавшіе цементные, кирпичные и пр. заводы, изготовляющіе строительные матеріалы.

3. Распредѣленіе экономическихъ забастовокъ по отраслямъ промышленности.

Разсматриваемое нами забастовочное движеніе необычайно пестро по своему составу: оно обнимаетъ свыше 112 профессій и специальностей. Но главная масса бастующихъ—свыше $\frac{4}{5}$ —приходится на фабрично-заводскія, горныя и горнозаводскія предпріятія (312 заб. при 134 тысячахъ участниковъ); на ремесленныя, строительныя, транспортныя предпріятія падаетъ почти $\frac{2}{5}$ всѣхъ стачекъ и едва $\frac{1}{5}$ общаго числа бастующихъ (184 стачки и до 24 $\frac{1}{2}$ тысячъ стачечниковъ).

Среди выдѣленныхъ нами фабрично-зав. предпріятій, подчиненныхъ фабричному надзору, бросается въ глаза преобладаніе по интенсивности забастовочной борьбы металлообрабатывающей группы. Какъ видно изъ таблицы I, на эту группу падаетъ свыше четверти всѣхъ забастовокъ, регистрируемыхъ фабричною инспекціей, и безъ малаго половина всѣхъ бастующихъ (82 заб. и 54.734 участника)²⁾.

По сравненію съ движеніемъ всего прошлаго года мы видимъ рѣзкое перемѣщеніе центра тяжести забастовочной энергіи изъ текстильной группы на обработку металловъ и машиностроеніе, что находится въ полномъ соотвѣтствіи съ промышленной конъюнктурой. Въ то время, какъ въ прошломъ году доминировала текстильная группа, охвативъ половину общаго числа стачечниковъ (50,9%), въ разсматриваемый періодъ она опускается ниже четверти (22,9%). Наоборотъ, группа металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности возрастаетъ съ 16,1% до 46,2%, т. е. относительный ростъ

¹⁾ Едва замѣтное уменьшеніе (на 2%) заказовъ на сортовое желѣзо, этотъ главный продуктъ массоваго потребленія, обозрѣватель органа Совѣта създовъ склоненъ объяснить не какъ результатъ прошлогодняго неурожая, а сдержанностью заказчиковъ въ виду неопредѣленности въ началѣ года вопроса о возобновленіи синдиката „Продамета“.

²⁾ А если сюда прибавить забастовки въ ремесленныхъ транспортныя и казенныхъ металлическихъ заведеніяхъ, то даже 87 заб. при 58.415 участникахъ.

Т а б л и ц а I.

По официальной классификации.	№№ по порядку.	Названіе производства.	Число забастовокъ.	Число участниковъ.		
				Абсолютно.	Въ %/о къ общему числу стач. въ подч. надзору предпріятій.	Въ %/о ко всему числу стачниковъ.
VIII	1	Обработка метал. и машиностр.	82	54.675		—
I—V	2	Текстильная	41	27.058	46 2%/о	—
VII	3	Механич. обраб. дерева	30	3.909	22.9%/о	—
IX	4	Обраб. минер. веществъ	20	8.104		
	5	Обработка животныхъ продуктовъ	34	11.235		
XI	6	Обраб. пищ. прод. и вкусовыхъ веществъ	17	3.610	30.9%/о	—
	7	Химическое производство	14	2.620		
XII	8	Полиграфическое производство	39	3.731		
	9	Бумажное и картонажное	5	1.730		
VI	10	Разныя фабрики и заводы	11	1.675		
		Всего въ подчиненныхъ фабричному надзору предпріятіяхъ	293	118.347	100.0%/о	74.7%/о
	11	Казенныя предпріятія	8	4.541	—	2.8%/о
	12	Горныя и горнозаводскія предпріятія	11	10.900	—	6.9%/о
		Во всѣхъ фабрично-зав., горныхъ и 7 горнозаводскихъ предпріятіяхъ	312	133.788	—	84.4%/о
	13	Ремесленныя заведенія	71	10.878	—	15.6%/о
	14	Строительная	82	10.190		
	15	Транспортъ и береговые работы	14	2.502		
	16	Торговые и банковскіе служащіе	8	580		
	17	Разныя	9	547		
		Всего	496	158.485		

болѣе, чѣмъ втрое ¹⁾). Это перемѣщеніе центра забастовочной энергіи подготавливалось въ предшествовавшее трехлѣтіе, но на пути стояли еще неизжитые результаты тяжелой и длительной безработицы и беспощадной репрессіи, обрушивавшейся главнымъ образомъ на рабочихъ—металлистовъ. Размѣры движенія медленно, но непрерывно нарастали, но движенію не хватало увѣренности и устойчивости, оно

¹⁾ Для опредѣленія относительнаго участія разныхъ отраслей промышленности въ экономической борьбѣ за прошлый годъ мы пользуемся данными изъ „Отчета Общ. ф. и з. москов. промышл. района за 1911 г.“

было, какъ мы охарактеризовали его въ прошломъ году, „какъ бы связаннымъ“, „ростъ забастовочной борьбы значительно отставалъ отъ роста промышленнаго оживленія“. То же продолжалось и въ началъ этого года. Уже въ первые три мѣсяца забастовочная борьба металлистовъ достигла внушительныхъ размѣровъ: 27 случаевъ при 12 слишкомъ тысячахъ участниковъ. Но она все еще носитъ слѣды неизжитой реакціи. Докатившись до гигантскихъ предприятий—Путиловскаго и Невскаго Судостроительнаго въ Петербургѣ, Коломенскаго машинностроительнаго въ Москвѣ—она перебрасывается съ мастерской на мастерскую, выдвигаетъ случайныя требованія и послѣ ничтожной продолжительности (на Невскомъ Судостроительномъ 3 часа!) такъ же стихійно кончается, какъ и возникаетъ. И здѣсь всего ярче сказалась роль ленскихъ событій, развязавшихъ настроеніе рабочихъ и придавшихъ движенію бодрость и устойчивость, а выдвинутымъ требованіямъ принципиальный, классовый характеръ.

Насколько выросла стачечная кривая разсматриваемой нами отрасли, видно изъ сопоставленія данныхъ о забастовкахъ металлистовъ за послѣдніе 8 лѣтъ. Участвовало въ экономической стачечной борьбѣ:

За 5 мѣс.		В т ы с ы ч а х т ь.						За 5 мѣс.	
1905 г.—	1906 г.—	1907 г.—	1908 г.—	1909 г.—	1910 г.—	1911 г.—	1912 г.		
до 151	47	24	12	6	8	15	55		

т. е. по количеству стачечниковъ-металлистовъ 5 только мѣсяцевъ тек. г. превысили весь прошлый годъ въ 3¹/₂ раза, значительно превзошли весь 1906 г., уступая лишь 1905 году. Металлисты составляютъ главную массу стачечниковъ на югѣ Россіи, въ Петербургѣ и Москвѣ, значительную роль играютъ въ Прибалтійскомъ краѣ (Ревель и Рига) и въ Варшавѣ.

Текстильные забастовки носили въ общемъ тотъ же характеръ, что и въ прошломъ году, особенно въ Московскомъ промышленномъ районѣ. Та же импульсивность и стихійность, та же неустойчивость. Возникаютъ, прекращаются, вновь возникаютъ и т. д. (Ярцевская м-ра въ прошломъ году, Романово-Борисоглѣбская м-ра въ настоящемъ). Въ Лодзинскомъ районѣ забастовки носили въ этомъ году преимущественно оборонительный характеръ. Пользуясь отчаяннымъ положеніемъ текстильных рабочихъ, предприниматели понижаютъ расцѣнки, ухудшаютъ др. условия труда ¹⁾).

Во всѣхъ прочихъ отрасляхъ фабрично-заводской индустріи забастовочная борьба значительно выросла; за 5 отчетныхъ мѣсяцевъ имѣли большее число стачечниковъ, чѣмъ за весь прошлый годъ—группа мех. обраб. дерева—въ 1¹/₂ слишкомъ раза; минеральныхъ веществъ—почти вдвое; химическое производство—болѣе, чѣмъ вдвое; бумажное и полиграфическое—почти втрое, причемъ повышеніе произошло, главнымъ образомъ, въ полиграфическомъ.

А группа по обработкѣ животныхъ продуктовъ даетъ повышеніе даже въ 8 разъ—съ 1400 до 11 тысячъ. Такое повышеніе вызвано забастовкой огромной фабрики механической обуви „Скорородъ“ въ Пе-

¹⁾ Всего нами зарегистрировано оборонит. забастовокъ—21 съ 8.200 участниками, а если не считать путиловскую съ 4000 участниковъ, вслѣдствіе ея неопредѣленности,—то даже только 20 забастовокъ съ 4.200 участниками; изъ нихъ почти половина забастовокъ (9) и подавляющее большинство участниковъ до 3.000 падаетъ на текстильныя фабрики Ц. Польскаго.

тербургѣ, а также возникшей въ концѣ разсматриваемаго періода почти общей забастовкой на фабрикахъ механической обуви въ Варшавѣ и забастовкой почти всѣхъ мелкихъ кожевенныхъ заводахъ Москвы.

Переходимъ къ группамъ, стоящимъ внѣ фабричнаго надзора. Здѣсь, какъ новое явленіе, обращаетъ на себя вниманіе забастовочное движеніе въ казенныхъ предпріятіяхъ, главнымъ образомъ судостроительныхъ и желѣзно-дорожныхъ. Число забастовокъ и ихъ участниковъ еще невелико (8 и 4541), но броженіе увеличивается, и газеты сообщаютъ о петиціяхъ, подаваемыхъ ревизующимъ чиновникамъ рабочими ж. д. мастерскихъ и пр.

Весьма значительно число стачечниковъ въ горныхъ и горнозаводскихъ предпріятіяхъ. Здѣсь разыгралась, отнынѣ историческая, ленская забастовка. На каменноугольные копи приходится свыше 4½ стачечниковъ, но при первыхъ признакахъ броженія среди рабочихъ этой категоріи принимаются экстренныя мѣры, къ шахтамъ стягиваются солдаты и казаки, и забастовки прекращаются силой (Калачевскіе рудники близъ Кривого Рога).

Отмѣченная нами строительная лихорадка вызвала оживленную забастовочную борьбу строительныхъ рабочихъ. Еще строительный сезонъ не успѣлъ развернуться, а число забастовокъ строительныхъ рабочихъ достигло **82**, количество стачечниковъ—свыше **10 тысячъ**, въ томъ числѣ общая забастовка строительныхъ рабочихъ въ Либавѣ, многочисленная въ Петербургѣ, Кіевѣ и др. городахъ. А если присоединить сюда рабочихъ, занятыхъ изготовленіемъ строительныхъ матеріаловъ (на цементныхъ, кирпичныхъ, лѣсопильных и пр. заводахъ), число забастовокъ дойдетъ до 128, число участниковъ до 15—16 тысячъ.

Изъ ремесленныхъ рабочихъ особенно энергично экономическая борьба ведется портными въ Ц. П., работающими на внутреннія губ.: въ Калишской губ. забастовало до 2000 портныхъ—кустарей¹⁾. Обращаютъ на себя вниманіе въ этой группѣ 3 массовыхъ забастовки бондарей въ Астрахани и Грозномъ съ общимъ числомъ участниковъ до 4.300. Въ связи съ тяжелымъ положеніемъ еврейскаго сапожнаго ремесла въ Ц. П., переживающаго агонію въ борьбѣ съ механическимъ производствомъ, забастовочная борьба слабо отразилась въ сапожномъ ремеслѣ этого района, и поскольку велась, носила оборонительный характеръ (забастовка 1000 еврейскихъ сапожниковъ въ Варшавѣ).

Слабымъ по сравненію съ прошлымъ годомъ было участіе въ забастовкахъ транспортныхъ и береговыхъ рабочихъ. Прошлый годъ былъ отмѣченъ двумя грандіозными портовыми забастовками въ Петербургѣ и Одессѣ. Въ наступающемъ году въ связи съ закрытіемъ Дарданеллъ въ южныхъ портахъ, особенно въ Одесскомъ, рабочіе испытывали ужасающую нужду, и еще въ маѣ газеты сообщали о 1500 голодающихъ семействахъ.

Почти половина бастующихъ разсматриваемой категоріи приходится на извожиковъ, протестовавшихъ противъ полицейскихъ прижимокъ и штрафовъ, противъ низкой таксы, форменной одежды (въ Калишѣ, Армавирѣ, Чимкентѣ, Ярославлѣ и др. мѣстностяхъ).

¹⁾ Наша сводка была уже составлена, когда газеты сообщили о грандіозной іюньской забастовкѣ Варшавскихъ портныхъ, въ которой участвуетъ до 10.000 рабочихъ.

Новымъ было въ этомъ году участіе въ движеніи, правда незначительное, банковскихъ служащихъ и прикащиковъ, что, повидимому, находится въ связи съ оживленіемъ, внесеннымъ въ эту среду движеніемъ противъ законодательнаго творчества нашей верхней палаты.

Итакъ, текущій годъ характеризуется не только ростомъ общаго количества бастующихъ, но и ростомъ средняго размѣра забастовокъ, что объясняется вовлеченіемъ въ борьбу крупнѣйшихъ предприятий. На 1 фабрично-заводскую забастовку въ минувшемъ году приходилось въ среднемъ—225 стачечниковъ, въ настоящемъ—414, т. е. почти вдвое. Особенно выросъ, какъ и слѣдовало ожидать, средній размѣръ забастовокъ металлистовъ. съ 240 въ 1911 году до 668 въ настоящемъ, почти втрое. Болѣе, чѣмъ вдвое выросъ размѣръ забастовокъ у печатниковъ.

4. Территориальное распредѣленіе экономическихъ забастовокъ.

Забастовочное движеніе получило въ настоящемъ году необычайно широкое распространеніе. Оно охватило, хотя и въ различной степени, не менѣе 42 губерній и областей, въ 70 различныхъ пунктахъ, разбросанныхъ по Европейской Россіи, Кавказу, Сибирскимъ тундрамъ, до полосы отчужденія Восточно-Китайской желѣзной дороги включительно (Табл. II).

Таблица II.

Название района.	Число забастовокъ.	Число участниковъ					
		Абсолютно	Въ ‰‰	Абсолютно	Въ ‰‰	Абсолютно	Въ ‰‰
		Во всѣхъ предприятияхъ.			Въ подчиненныхъ фабричному надзору.		
		За первые 5 мѣс. тек. года.			За весь 1911 г.		
1. Петербургскій . . .	209	48.675	30.7‰	до 39.000	33.0‰	8.212	9.1‰
2. Южный	41	30.065	19.0‰	„ 27.000	23.0‰	нельзя было точно установить, но во всякомъ случаѣ не чуждый ‰‰.	
3. Москов. промышл. . .	68	20.896	13.1‰	„ 19.000	16.1‰	37.700	41.9‰
4. Царство Польское . .	58	23.093	14.5‰	„ 16.000	13.5‰	до 13.000	14.4‰
5. Прибалтійскій . . .	63	15.259	9.6‰	„ 12.000	10.2‰	до 5.500	6.1‰
6. Приволжскій	15	5.990	3.8‰				
7. Сѣверо-Западный . .	18	3.445	2.2‰				
8. Уральскій	5	610	0.4‰				
9. Сибирь и Д. В. . . .	14	8.052	5.1‰				
10. Кавказъ	5	2.400	1.5‰				
Всего	496	158.485	99.9‰	св. 118.000	100‰	до 90.000	100‰

И территориальное распредѣленіе экономическихъ забастовокъ находится въ полномъ соотвѣтствіи съ промышленной конъюнктурой: половина въсѣхъ забастовокъ (250 изъ 496) и участниковъ (до 78 тысячъ изъ 158) приходится на 2 главныхъ центра добычи и обработки металловъ: южный и петербургскій. Въ обоихъ районахъ огромное большинство бастующихъ приходится на металлообрабатывающую промышленность, особенно на югѣ Россіи. Далѣе по числу бастующихъ слѣдуютъ Царство Польское, Московскій промышленный районъ и Прибалтійскія губ. Въ Царствѣ Польскомъ въ этомъ году Варшавская губ. теряетъ ту исключительную роль, которую она играла въ 1911 году, рядомъ съ ней стоитъ Петроковская губ. (Лодзинскій и Домбровский районъ), движеніе затрагиваетъ и Калишскую и Люблинскую губ. Въ Петроковской губ. бастуютъ текстильные рабочіе (забастовка въ Заверзе съ 5000 слишкомъ участниковъ) и углекопы (2 на копи „Сатурнъ“ и одна на копи „Челядь“). Въ Варшавѣ преобладаютъ металлисты.

Въ Московскомъ промышленномъ районѣ первенствующее мѣсто принадлежитъ Ярославской губ. (текстильня фабр.); Москва отодвинута на второе мѣсто, въ ней главную массу бастующихъ составляютъ металлисты. Владимірская губ., выдвинутая прошлогоднимъ движеніемъ на 1-ое мѣсто въ Россіи (свыше 20 тыс. стачечниковъ), теперь отодвинута на одно изъ послѣднихъ мѣстъ (6 заб. при 1457 участникахъ). И въ прибалтійскомъ краѣ движеніе охватило всѣ три губерніи, обнимая въ общемъ свыше 15.000 стачечниковъ¹⁾.

Изъ остальныхъ районовъ обращаетъ на себя вниманіе Сибирскій съ 14 забастовками и свыше 8000 участниками. Забастовки здѣсь сосредоточились главнымъ образомъ въ Иркутской губ. Кромѣ забастовки на Ленскихъ присакахъ (св. 6000 рабочихъ), отмѣчается еще забастовка на Маринскихъ присакахъ Томской губ. и 3 забастовки въ каменноугольныхъ копанияхъ въ Иркутской губ., въ которыхъ участвовало до 1000 человекъ. Остальные 4 района даютъ ничтожный процентъ участниковъ (отъ 0,4 до 3,8%).

Обращаясь къ правой части таблицы II, мы видимъ ясно перемѣщеніе центра забастовочной борьбы въ предпріятійхъ, подвѣдомственныхъ фабричной инспекціи, изъ текстильныхъ районовъ въ прошломъ году въ металлообрабатывающіе въ настоящемъ. Относительное пониженіе участія Московско-Владимірскаго текстильнаго района—почти втрое (съ 41,9% въ 1911 г. до 16,1%)—въ настоящемъ. Нѣсколько понижается и относительное участіе Ц. Польскаго (съ 14% до 13,5%), хотя абсолютно оно значительно выросло. Петербургскій районъ даетъ относительное повышеніе въ 3½ раза, а абсолютное—даже въ 4 раза. Еще большее относительное и абсолютное повышеніе даетъ южный районъ—въ 5 разъ! Повысился почти вдвое и другой районъ

¹⁾ Этимъ болѣе широкимъ обхватомъ и перемѣщеніемъ центра нынѣшнихъ забастовокъ въ Ц. П. и Моск. районъ и пользуются оффиціальныя „успокоители“. Въ опубликованныхъ въ концѣ мая въ Т.-Пр. Газ. № 119 предварительныхъ данныхъ фабричной инспекціи о забастовочномъ движеніи за янв.—апрѣль т. г. изъ всѣхъ губерній Ц. П. приводится только Варшавская, да и то данныя крайне преуменьшены, изъ Московскаго района опускается наиболѣе бастовавшая губернія—Ярославская, а весь Прибалтійскій районъ попросту отсутствуетъ. Послѣ такихъ манипуляцій нетрудно притти къ весьма пріятнымъ разсужденіямъ о „шквалѣ, надѣтѣвшемъ и ушедшемъ“.

металлообрабатывающей промышленности — Прибалтийскій (съ 6% до 10%)¹⁾. Въ Бакинской нефтяной промышленности отмѣчена лишь одна незначительная забастовка.

Резюмируемъ: анализъ распредѣленія забастовокъ какъ по отраслямъ промышленности такъ и по районамъ, приводитъ насъ къ одному выводу: степень участія отдѣльныхъ районовъ и промышленныхъ отраслей въ забастовочномъ движеніи находится въ полномъ соответствіи съ промышленной конъюнктурой настоящаго года. Иначе говоря, именно, въ продолжающемся промышленномъ подъемѣ главная причина стачечнаго подъема.

А. Михайловъ.

Предвыборныя замѣтки.

I.

Умѣренность въ любви и умѣренность въ ненависти.

„Тотъ штемпель, который берегутъ октябристы подѣ именемъ и вмѣсто Думы, русскому народу и обществу не нуженъ“. Эти слова написалъ не „бойкотистъ“ какой нибудь, а князь Евгенийъ Трубецкой, консервативный либераль или либеральный консерваторъ; одинъ изъ первыхъ либераловъ, покинувшій кадетскую партію не за то, что она вела мало-демократическую политику, а за то, напротивъ, что она дѣлала уступки демократіи; за то, что она была, по мнѣнію князя, чрезчуръ радикальной, недостаточно умѣренной.

И вотъ теперь этотъ самый умѣренный князь, принципиальный врагъ революціи и демократіи, пишетъ въ „Русск. Вѣдомостяхъ“ по поводу выборовъ въ 4-ю Думу:

„Пора намъ, наконецъ, проснуться и обнаружить волю. Иначе наша умѣренность въ любви къ общему дѣлу подготовить намъ такія катастрофы въ будущемъ, которыя заставятъ насъ забыть про Цусиму“.

Противъ октябристовъ! взываетъ князь Трубецкой къ избирателямъ. Противъ людей, которые кричали о своемъ „патріотизмѣ“, но настолько „умѣренно“ любятъ свое отечество, что согласились, какъ онъ выражается, „безотчетно довѣрить сотни милліоновъ народныхъ денегъ вѣдомству, уже разъ погубившему честь Андреевскаго флага“, согласились, зная, что тратятъ деньги впустую, лишь бы заслужить милостивое одобреніе свыше. Противъ людей, которые „дали втоптать въ грязь собственное знамя 17-го октября“, которые, „обнаруживаютъ умѣренность во всемъ, кроме любви къ начальству“.

Очень хорошо выразился князь и его слова, вѣроятно, станутъ крылатыми. Умѣренно-умны, умѣренно-реакціонны, умѣ-

¹⁾ Относительное участіе различныхъ районовъ въ прошлогоднемъ стачечномъ движеніи мы составили на основаніи Отчета Московскаго о-ва ф. и з. за 1911 г., комбинируя ихъ съ данными опубликованными въ № 1 за текущій годъ органа Совѣта Съѣздовъ „Промышл. и Торг.“

репно-невѣжественны, умѣренно-вороваты, умѣренно-патріотичны, умѣренно-культурны, умѣренно-религіозны—были люди, выдвинутые переворотомъ третьяго іюня на переднее мѣсто. Неумѣренны только въ лакейскихъ чувствахъ къ власти.

Достаточно консервативный князь молитъ: меньше умѣренности во всемъ прочемъ, больше ея въ любви къ начальству. Любите что нибудь настолько сильно, чтобы не бояться изъ-за этой любви попасть въ немилость.

„Намъ нужно, говорить онъ, такое представительство, которое сумѣло бы заставить уважать себя; а для этого во многихъ случаяхъ можетъ понадобится готовность погибнуть съ честью“.

Красиво сказано. Но понимаетъ ли кн. Трубецкой, что слѣдуетъ изъ его красивыхъ словъ?

Онъ недоволенъ лакейскимъ, лишеннымъ независимости, политическимъ типомъ дѣятелей, выдвинувшихся послѣ 3 іюня. Но этотъ типъ не случайный: онъ является порожденіемъ опредѣленнаго общественнаго класса, онъ есть высшее, что можетъ породить этотъ общественный классъ... умѣренный во всемъ, кромѣ любви къ начальству (и, прибавимъ мы, къ обрабатываемой крестьянскими руками землѣ).

Таковъ, какимъ мы его видѣли въ третьей Думѣ,—пресмыкающийся, лишенный чувства политической чести, равнодушный къ истекающему кровью отечеству, трусливый передъ силой, наглый передъ слабыми, пропитанный затхлымъ запахомъ чиновничьяго вицмундира, неспособный къ общественной самодѣятельности, чванливый и пустой—октябризмъ, нынѣ обличаемый г. Трубецкимъ, есть вѣрное политическое выраженіе экономически ослабѣвшаго и истинно поддерживаемаго сословія бывшихъ крѣпостниковъ. Все, что съ 60-ыхъ годовъ въ Россіи было сдѣлано на пути культурнаго развитія и социальнаго процесса, на пути приближенія къ Европѣ, было сдѣлано безъ него или противъ него. Развитіе промышленной техники, народное образованіе, литература и искусство, наука и политическое творчество—во всемъ этомъ нѣтъ и атома дворянской сословной мысли. Потомокъ крѣпостнаго и двороваго, парій черты осѣдлости, внукъ „покореннаго“ инородца и сынъ гонимаго раскольника становились личностями, ощущали въ себѣ челоуѣка и гражданина ровно въ той мѣрѣ, въ какой проникались инстинктивнымъ или сознательнымъ стремленіемъ сбросить съ Россіи цѣпи, наложенныя на нее вѣковымъ игомъ дворянско-чиновной азіатчины.

Скажутъ: а дворянское земство развѣ не было культурнымъ факторомъ? Да, было время, когда бюрократическій резервуаръ отвлекалъ съ мѣстъ всѣ наиболѣе боевые элементы помѣстнаго сословія, и тогда могло развернуть въ земствѣ свою дѣятельность маленькое культурное, „раздворянившееся“ меньшинство этого сословія. Но когда послѣднее почувствовало, что на мѣстахъ колеблется опора его господства, оно быстро расправилось съ этимъ меньшинствомъ. До 1905 года политическая душа дворянскаго сословія жила въ министерскихъ дворцахъ; поэтому, органы самоуправленія могли быть относительно-прогрессивны, относительно свободны отъ крѣпостническаго духа. Послѣ 17-го

октября органами политической защиты классовыхъ интересовъ становятся законодательныя палаты (Дума и Государственный Совѣтъ), а потому въ этихъ учрежденіяхъ отнынѣ немислимо какое либо другое, опирающееся на дворянство, представительство, кромѣ того анти-народнаго, анти-культурнаго и раболѣпнаго, которое, въ лицѣ октябристовъ, бичуетъ кн. Трубецкой.

Значить, вопросъ, который вытекаетъ изъ обличеній князя Трубецкого, есть вопросъ объ устраненіи со словнаго господства не народнаго и некультурнаго класса. Только классы, идущіе впередъ по пути культурнаго развитія, способные одушевляться широкими идеями и привлекать къ себѣ безкорыстныхъ служителей идеи, только классы, сильные производительной ролью въ народномъ хозяйствѣ, а потому не нуждающіеся въ штыковой охранѣ отъ напорающей культуры, могутъ создать сколько-нибудь независимое, не раболѣпное, не пропитанное канцелярскими миазмами государственное учрежденіе. Ясно-ли это кн. Трубецкому и такимъ же, какъ онъ, „безпартійнымъ прогрессистамъ“ и партійнымъ либераламъ, увидавшимъ воочью, чѣмъ должна и не можетъ не быть политическая диктатура 130 тысячъ помѣщиковъ?

Ясно-ли имъ, что безграмотный тамбовскій мужикъ, и волжскій кручникъ, и ярославскій торговецъ, и забытый еврейскій ремесленникъ изъ черты сѣвдлости, и приказчикъ съ Сѣнной площади, и отупѣвшій отъ монотонной работы почтово-телеграфный труженикъ, что всѣ они способны создать и болѣе культурное, и болѣе независимое, и болѣе любящее свое отечество, и менѣе трусливое, и большимъ гражданскимъ достоинствомъ и политическимъ смысломъ одаренное, представительство, чѣмъ могутъ дать тѣ „сливки русскаго общества“, которыхъ геній воплощенъ въ Крупенскомъ, культура—въ Пуришкевичѣ, совѣсть—въ Меньшиковѣ, любовь къ отечеству—въ графѣ Бобринскомъ, уваженіе къ наукѣ—въ Кассо, гуманность—въ Марковѣ 2-мъ и честь—въ Гурко?

Если имъ это еще не ясно, бесполезны ихъ обличенія, ихъ возмущенія, ихъ порывы: имъ не сыграть въ жизни страны другой роли, чѣмъ сыгранная Гучковымъ позорная роль „лакея лакеевъ твоихъ“, роль буржуа на запяткахъ дворянской колесницы? Если имъ это еще не ясно, имъ станетъ ясно послѣ новыхъ грозъ и новыхъ бурь.

Если уже ясно, надо сдѣлать выводъ изъ высказаннаго кн. Трубецкимъ. Кто сказалъ *a*, долженъ сказать и *be*.

Дѣло не въ томъ, чтобы выбирать людей, желающихъ быть независимыми (ибо кто этого не желалъ бы?), а могущихъ быть независимыми. Независимымъ отъ бюрократіи будетъ только тотъ, кто политически независимъ отъ сословной диктатуры. Политически независимъ отъ третьейюньской диктатуры только тотъ, кто стремится къ политическому равноправію гражданъ, только тотъ, кто понялъ, что преодолѣть реакцію можетъ и захочетъ лишь представительство, независимое отъ 130 тысячъ и зависимое отъ народа.

Всякая цензовая избирательная система въ преимущественно земледѣльской странѣ можетъ дать только неумѣренное преобладаніе дворянства надъ культурой, сословной реакціи

надъ прогрессивными стремленіями. Слѣдовательно, только политическое равенство, только всеобщее и равное (общанное 17-го октября!) избирательное право можетъ служить прочнымъ фундаментомъ для борьбы съ азіатчиной.

Кто этого не понялъ, кто не хочетъ понять этого изъ за пристрастія къ своимъ классовымъ интересамъ, кто краснорѣчиво молчитъ объ избирательномъ правѣ, расточая краснорѣчіе о „безпартійномъ прогрессѣ“,—тотъ, называется ли онъ княземъ Трубецкимъ, Н. Львовымъ, Милюковымъ или Акимовымъ-Махновцемъ, все еще не обрѣлъ достаточной независимости отъ того воплощенія россійско-азіатской некультурности, которое именуется октябризмомъ.

Умѣрить неумѣренную „любовь къ начальству“ хорошо, какъ первый шагъ. Но за нимъ долженъ послѣдовать второй—перестать умѣрять ненависть къ цѣпямъ, сковывающимъ тѣло и духъ русскаго народа. Ибо только ненавистью къ этимъ цѣпямъ преодолѣна будетъ боязнь передъ неизбѣжнымъ „вторымъ пришествіемъ“ россійской демократіи.

Россія будетъ либо Марково—Пуришкевической, либо демократической. И кто не слишкомъ „умѣренно“ ненавидитъ запахъ Маркова и Пуришкевича, долженъ будетъ поддержать стремленія и требованія демократіи. Внѣ этой поддержки не можетъ быть серьезной борьбы съ азіатчиной.

Объ этомъ социалдемократія поговоритъ съ князьями Трубецкими на предстоящихъ выборахъ.

Л. Мартовъ.

Иностранное Обозрѣніе.

Викторъ Адлеръ *).

(1852—1912).

По поводу 60-лѣтія со дня рожденія вождя австрійской социалдемократіи Виктора Адлера мнѣ кажется умѣстнымъ бросить ретроспективный взглядъ на тридцатилѣтнюю (если не больше) дѣятельность его на службѣ у борющагося пролетаріата. Для русскихъ товарищей такая попытка имѣла бы непосредственно-практическое значеніе. Ибо какъ въ отношеніи культурныхъ и социально-политическихъ условій, въ которыхъ съ самаго начала развивалась австрійская социалдемократія, такъ и по своимъ историческимъ задачамъ, она изъ всѣхъ западно-европейскихъ братскихъ партій ближе всего стоитъ къ русской социалдемократіи. И именно поэтому руководящіе круги нашей партіи могли и должны бы весьма и весьма многому поучиться у Адлера—организатора и тактика австрійской социалдемократіи. Къ сожа-

*) Настоящая статья появилась въ юбилейномъ номерѣ теоретическаго органа австрійской социалдемократіи „Kampf“ отъ 1 іюля 1912 г., посвященномъ чествованію 60-лѣтія со дня рожденія Виктора Адлера. *Перев.*

лѣнію, я не чувствую себя достаточно подготовленнымъ къ тому, чтобы дать дѣйствительно объективную, свободную отъ всякаго преувеличенія и полную картину его дѣятельности и заслугъ передъ австрійскимъ рабочимъ движеніемъ, такъ какъ это предполагаетъ такое знаніе исторіи этого движенія, котораго у меня нѣтъ. И все же мнѣ хотѣлось бы изъ чествованія нашего Адлера—нашего, что значитъ всего Интернаціонала—извлечь извѣстную пользу для русской социалдемократіи. Ибо я открыто признаю, что пишу настоящія строки, имѣя больше въ виду русскихъ соц.-дем. читателей „Kampf“, нежели нѣмецкихъ. Теперь, во время необычайно тяжелаго кризиса, переживаемаго русской социалдемократіей, мнѣ слишкомъ трудно говорить о докторѣ Адлерѣ иначе, какъ о живомъ примѣрѣ партійнаго вождя, который не только въ теоріи проповѣдуетъ обязанности социалдекрата по отношенію къ рабочему движенію и своей партіи, но въ своей повседневной дѣятельности и поступкахъ цѣликомъ проникнуть ими; который не противорѣчитъ имъ въ своемъ поведеніи в н у т р и партіи, когда недовольство, досада и гнѣвъ по отношенію къ инако-мыслящимъ, оппозиционно выступающимъ товарищамъ до извѣстной степени искушаютъ приносить въ жертву своей личности жизненные интересы социалдемократіи. Вы разрешите мнѣ поэтому, дорогие товарищи, отмѣтить на страницахъ „Kampf“ тѣ именно моменты и руководящіе мотивы дѣятельности Адлера, которые въ рядахъ западно-европейской социалдемократіи, быть можетъ, являются, общепризнанными и само собой разумѣющимися, но въ русской социалдемократіи, къ сожалѣнію, еще только должны получить признаніе, для того, чтобы она смогла преодолѣть настоящій кризисъ.

Съ истиннымъ наслажденіемъ—и съ завистью—читалъ я разъясненія Адлера на междунарономъ копенгагенскомъ конгрессѣ о расколѣ, произведенномъ чешскими товарищами въ австрійской социалдемократіи и о резолюціи, въ которой нашло свое выраженіе общественное мнѣніе Интернаціонала по поводу этого раскола.

Какъ добрый россіянинъ я думалъ, что Адлеръ самымъ безпощаднымъ образомъ обрушится на чешскихъ сепаратистовъ и заклеитъ ихъ, какъ предателей австрійской и междунароной социалдемократіи, которыхъ слѣдуетъ исторгнуть изъ рядовъ послѣдней. Я припоминаю, какъ на лондонскомъ съѣздѣ російской социалдемократической партіи въ 1903 г., еврейскій „Бундъ“ былъ буквально вышибленъ изъ партійной организаціи, хотя его организаціонныя притязанія нисколько не угрожали единству партіи и даже въ самой отдаленной степени не стояли въ принципиальномъ противорѣчій съ принципами интернаціонала, по крайней мѣрѣ, по сравненію съ поведеніемъ чеховъ. И что-же, на чемъ, во главѣ австрійской делегаціи настаивалъ Адлеръ на копенгагенскомъ конгрессѣ, и въ какомъ тонѣ мотивировалъ и обосновывалъ онъ апелляцію къ интернаціоналу нашихъ австрійскихъ братьевъ противъ чешскаго сепаратизма?

„Дѣло идетъ не объ осужденіи; подчеркивалъ Адлеръ,—а о томъ, чтобы чешскіе товарищи убѣдились, что въ этомъ жизненномъ вопросѣ австрійскаго пролетаріата весь Интернаціоналъ стоитъ на почвѣ единства профессиональнаго движенія. Мы про-

вели это постановленіе конгресса не для того, чтобы отдѣлиться отъ чешскихъ товарищей, съ которыми мы въ теченіе десятилѣтій боролись въ однихъ рядахъ, но чтобы объединиться съ ними на благо австрійскаго пролетаріата. Мы желаемъ, чтобы они покинули этотъ конгрессъ не какъ униженные, а какъ убѣжденные“. Исходя изъ этихъ основаній, Адлеръ выступилъ въ защиту резолюціи, которая совсѣмъ не упоминала о чешскомъ сепаратизмѣ, не клеймила его, какъ теченіе, въ корнѣ противорѣчащее какъ интересамъ австрійскаго и международнаго пролетаріата, такъ и принципамъ Интернаціонала; нѣтъ, въ резолюціи, отстаиваемой Адлеромъ, „о чехахъ совсѣмъ не упоминалось, а лишь высказывалось положительное желеніе объединенія“. Адлеръ желалъ лишь, чтобы конгрессъ заявилъ чехамъ: „Друзья, вы не на правильномъ пути, вашъ путь ложный,—вернитесь назадъ“!..

Какіе же мотивы опредѣлили поведеніе Адлера и другихъ австрійскихъ товарищей на копенгагенскомъ конгрессѣ по отношенію къ виновникамъ раскола въ австрійскомъ пролетаріатѣ, раскола, который казался Адлеру, по его глубокому убѣжденію, опасностью, „вопросомъ жизни“ для рабочаго класса Австріи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ статья Адлера въ „Kampf“ „о сепаратистскомъ кризисѣ“ *).

„Единство социалдемократіи покоится въ Австріи не на резолюціяхъ и постановленіяхъ партійной организаціи,—его постоянно нужно было снова и снова воссоздавать и укрѣплять въ неустанной и изнурительной работѣ, движущей силой которой и творческимъ стимуломъ была воля къ единству. Сознаніе, что это единство является необходимостью для пролетаріата, позволяла всегда, при помощи мѣняющихся отъ случая къ случаю средствъ, преодолевать всѣ противодѣйствующія тенденціи“.

И дѣйствительно, товарищи не въ Австріи только, но и внѣ ея знаютъ, въ какой степени Адлеръ участвовалъ въ той „неустанной, изнурительной работѣ“, которая была направлена на поддержаніе и укрѣпленіе единства австрійской социалдемократіи. Партійный вождь, который въ своей дѣятельности исходитъ изъ сознанія того, что единство въ социалдемократіи есть „необходимость для пролетаріата“ и, проникнутый этимъ сознаніемъ, въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій всѣсвоей силы направляетъ на то, чтобы всю партійную жизнь, всѣ внутреннія отношенія социалдемократіи построить такъ, чтобы во всѣхъ направленіяхъ осуществить настоящую потребность борющагося пролетаріата въ единствѣ,—такой вождь партіи не могъ на международномъ конгрессѣ держаться по отношенію къ чешскимъ товарищамъ иначе, чѣмъ Адлеръ. „Воля къ единству“ удерживала его отъ того, чтобы „отрѣзать пути, ведущіе къ этому единству; сломать мосты, которые, не смотря ни на что, еще существуютъ“; напротивъ того, она скорѣе побуждала его прибѣгнуть къ моральной помощи Интернаціонала съ цѣлью, по возможности, психологически облегчить чешскимъ сепаратистамъ возвращеніе въ общую партію.

И та же самая „воля къ единству“ опредѣлила поведеніе Адлера на международныхъ конгрессахъ 1900 и 1904 гг. по отноше-

*) Сентябрьская книжка за 1911 г.

нiю къ распрямъ внутри французской социалдемократiи. Нѣкоторые заграничные товарищи, въ особенности русскiе, объясняли поведение Адлера тѣмъ, что онъ склоняется къ оппортюнизму и ревизионизму или даже является чистѣйшимъ оппортюнистомъ. Мнѣ непрiятно тратить здѣсь хоть одно слово для опроверженiя этого совершенно ложнаго утверженiя. Большинство этихъ товарищей не имѣютъ, повидимому, никакого представленiя о дѣйствiи той „движущей силы“, которую представляетъ собой „воля къ единству“ и смѣшиваютъ воедино социально-политическiй оппортюнизмъ и „оппортюнизмъ“ внутри-партiйныхъ отношенiй. Социально-политическiй оппортюнизмъ имѣетъ тенденцiю, если не совершенно ступсезавать, то до крайности ослабить принципиальную противоположность между социалдемократiей и буржуазными партiями, а также изъ-за непосредственныхъ успѣховъ упускать изъ виду конечную цѣль и вообще принципиальные моменты социалдемократической агитаци. Но оппортюнизмъ по отношенiю къ внутреннимъ раздорамъ социалдемократiи, напротивъ того, вполне совмѣстимъ съ послѣдовательной и непримиримой враждебностью къ оппортюнистской тактикѣ партiи во-внѣ. Когда Бебель на Магдебургскомъ конгрессѣ взялъ подъ защиту соц. дем. фракцiю баденскаго ландтага отъ обвиненiя ея въ измѣнѣ партiи и выступалъ противъ предложенiя объ исключенiи этой фракцiи изъ партiи, онъ дѣйствовалъ „оппортюнистически“. Но это ни въ малѣйшей степени не ослабило рѣзкости и доказательности его принципиальной критики одобренiя бюджета баденскими товарищами и его нападковъ на нихъ. Бебель одинаково сильно одержимъ „волей къ единству“, какъ и желанiемъ недопустить проявленiя въ партiи никакихъ тенденцiй, противорѣчащихъ программнымъ и тактическимъ принципамъ социалдемократiи. Эти принципы и у Адлера образуютъ идейную почву для утверженiя его воли къ поддержанiю единства въ партiи. Когда склонявшiеся къ анархизму „молодые“ (потомъ почти все они или большинство изъ нихъ превратились въ ультра-реформистовъ и ревизионистовъ) появились въ началѣ 90-хъ гг. и въ Австрiи, Адлеръ выступилъ противъ нихъ самымъ рѣшительнымъ (но не враждебнымъ) образомъ и категорически заявилъ на вѣнскомъ партийгагѣ 1892 г.: „Мы, социалдемократы, во всякомъ случаѣ не хотѣли быть „партiей различныхъ оттѣнковъ“, но сплоченной партiей... которая совершенно солидарна въ вопросахъ о пути и совершенно единодушна въ вопросѣ о цѣли—и мы совершенно не намѣрены въ этихъ вещахъ допускать путаницу“. И дѣйствительно, какъ, или вѣрнѣе, на какой основѣ было осуществлено единство въ австрiйской рабочей партiи во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ? Быть можетъ, за счетъ марксистскихъ теоретическихъ и тактическихъ основоположенiй международной социалдемократiи—посредствомъ эклектической крошки изъ обрывковъ марксизма и анархизма? Гайнфельдская программа служить отвѣтомъ на этотъ вопросъ. Да и самый конгрессъ, на которомъ принята была эта программа, состоялся лишь послѣ того, какъ передовые элементы пролетарiата подъ руководствомъ Адлера въ горячей борьбѣ съ представителями анархическихъ, террористическихъ, кружковыхъ и заговорщическихъ тенденцiй въ рабочемъ движенiи преодо-

лѣли эти тенденціи и уничтожили гибельное вліяніе вожаковъ отсталыхъ, анархически настроенныхъ рабочихъ круговъ — съ Пейкертомъ во главѣ.

Крайне характерны для образа мыслей Адлера въ политическихъ и тактическихъ отношеніяхъ слѣдующія его слова, обращенныя къ „радикаламъ“: „Объ отдаленіи отъ цѣли вы можете думать, какъ Вамъ угодно: но о настоящемъ положеніи рабочаго класса вы не должны думать иначе, чѣмъ это соотвѣтствуетъ истинѣ“. Ибо „руководящую нить нашего поведенія“ Адлеръ опредѣлилъ въ слѣдующемъ положеніи: „Все, что дѣйствуетъ на пролетаріатъ просвѣщающимъ образомъ въ нашемъ смыслѣ слова—революціонно, все, что вводитъ пролетаріатъ въ заблужденіе — реакціонно“. Поэтому „первая задача“ социалдемократіи—просвѣтить пролетаріатъ „о положеніи вещей, какъ оно есть“, а равнымъ образомъ, о томъ, „чего мы хотимъ“. Соціалдемократическая тактика должна основываться на „принципѣ“—„не отодвигать на задній планъ момента экономической необходимости, идею развитія“ и никогда въ нашей агитаціи не оставлять въ тѣни цѣли нашей партіи; какія бы формы ни принимала въ разныя времена и въ различныхъ обстоятельствахъ классовая борьба пролетаріата, никогда социалдемократія не должна въ своей агитаціи упускать случая указывать рабочимъ, разъяснять имъ, „что всѣ политическія битвы служатъ лишь экономическому освобожденію пролетаріата, уничтоженію современнаго классоваго государства“. Конечно, въ дѣйствительности далеко не всегда все идетъ по нашему желанію. И нашъ Адлеръ неоднократно жалуется на недостатки партійной агитаціи въ принципіальномъ отношеніи, обусловленные „противной мелочной борьбой“, которую партія принуждена вести съ цѣлью завоевать себѣ почву для дѣятельности. Тѣмъ настойчивѣе побуждаетъ онъ руководящіе элементы партіи заниматься принципіальными выступленіями и принципіальной агитаціей „въ той мѣрѣ“, въ какой это требуется обязанностями партіи.

Воля къ единству так. обр. нисколько не ведетъ Адлера къ сентиментальной расплывчатости и не вырождается у него въ безпринципное безразличіе по отношенію къ проявляющимся въ партіи принципіальнымъ и тактическимъ тенденціямъ. Съ возмущеніемъ претестовалъ онъ на партейтагѣ въ 1907 г. противъ попытки представить австрійскую социалдемократію „какъ образецъ международнаго оппортюнизма“.

„Австрійская социалдемократія,—сказалъ онъ,—заявляетъ, что въ рѣшающемъ, принципіальномъ пунктѣ нашей политики она ни на волосъ не отклонилась отъ своихъ высшихъ принциповъ“ и что она никогда не жертвовала „цѣлью ради непосредственныхъ политическихъ выгодъ“. Но для того, чтобы вести политику, сочетающую въ себѣ органическое стремленіе къ „конечной цѣли“ съ необходимостью „мелочной борьбы“ и повседневной борьбы за улучшеніе положенія рабочихъ внутри буржуазнаго общества, нужно обладать тонкимъ историческимъ чутьемъ и—само собой понятно—быть глубоко проникнутымъ экономическимъ ученіемъ и историческимъ пони-

маніемъ современнаго социализма. И оба эти качества въ высокой степени сочетаются въ Адлерѣ. Исключая Россію и, быть можетъ, еще южныя государства нашего континента, нигдѣ совмѣщеніе этихъ двухъ элементовъ міровоззрѣнія у вождя социалдемократіи не является въ такой мѣрѣ необходимой предпосылкой для выполненія его историческихъ обязанностей, какъ въ Австріи, гдѣ партія въ теченіе десятилѣтій принуждена была бороться за „уничтоженіе цѣпи“, которая сковывала также и буржуазію и стѣсняла „развитіе капитализма“, и гдѣ на долю социалдемократіи выпала задача, „заставлять“ буржуазію въ ея собственныхъ интересахъ „маршировать“ впередъ, а въ извѣстной степени даже брать на себя роль ея политическаго учителя и воспитателя.

Тов. Пернерстоферъ выразилъ однажды—не помню по какому случаю—свою радость, что австрійская социалдемократія въ лицѣ Виктора Адлера имѣетъ геніальнаго тактика. Геніальный тактикъ современной социалдемократической партіи долженъ обладать также психологическими и моральными свойствами, необходимыми для того, чтобы укрѣплять „увѣренность и взаимное довѣріе“ между товарищами, т. е., поддерживать въ ихъ рядахъ единство. Но для этого прежде всего необходимо сильно развитое чувство долга и отвѣтственности, которое не только удерживаетъ при ожесточенной борьбѣ мнѣній отъ отрѣзыванія всѣхъ путей къ миру, но, наоборотъ, побуждаетъ „крайне заботливо“ стараться о томъ, чтобы „ни одинъ путь, ведущій къ миру, не былъ отрѣзанъ“. Въ борьбѣ съ классовыми противниками и врагами пролетаріата мы обязаны и должны быть безпощадными. Но при борьбѣ мнѣній внутри нашей партіи примѣненіе такого способа борьбы приводитъ къ заподозриванію образа мыслей товарищей, къ извращенію ихъ взглядовъ, къ политическому и моральному компрометированію товарищей—однимъ словомъ: къ внесенію въ партію замѣшательства и дезорганизациі, что противорѣчитъ основной обязанности социалдемократіи—теоретическому и политическому просвѣщенію пролетаріата. Объ Адлерѣ должно сказать безъ всякаго преувеличенія: у него въ величайшей мѣрѣ развито сознаніе отвѣтственности и чувство долга передъ своей партіей и пролетаріатомъ. Высшій тактический принципъ социалдемократіи—развитіе классоваго самосознанія пролетаріата, просвѣщеніе рабочихъ относительно условій ихъ существованія и освобожденія—сдѣлалось у Адлера категорическимъ императивомъ, повелительнымъ нравственнымъ закономъ, который обязываетъ не только говорить рабочимъ истину объ антагонизмѣ ихъ интересовъ съ интересами капиталистовъ, но обязываетъ также не обманывать рабочихъ демагогической лестью относительно ихъ собственныхъ силъ и степени развитія и не вводитъ ихъ въ заблужденіе о дѣйствительномъ содержаніи и сущности возникающихъ въ партіи разногласій.

Пусть еще много лѣтъ живетъ онъ для австрійскаго пролетаріата и международной социалдемократіи! Отъ всей души желаю этого.

П. Б. Аксельродъ.

Цюрихъ.

Политическое движение въ Венгріи.

Всеобщее и равное избирательное право—одно изъ основныхъ политическихъ требованій пролетаріата, начинающаго принимать участіе въ политической жизни и приходящаго къ классовому сознанию, снова выдвинулось историческимъ ходомъ развитія на очередь дня для многихъ европейскихъ государствъ. Вслѣдъ за Англійей, гдѣ на дняхъ въ палату внесенъ законопроектъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ и Бельгіей, гдѣ неудача либерально-соціалистическаго блока на послѣднихъ выборахъ дала новый толчокъ къ борьбѣ за равное избирательное право, вопросъ о всеобщемъ и равномъ избирательномъ правѣ всталъ какъ вопросъ дня для Венгріи, которая привлекла къ себѣ на нѣкоторое время вниманіе Европы разыгравшимися въ ней въ послѣдній мѣсяцъ кровавыми событіями.

Венгрія принадлежитъ къ числу государствъ, гдѣ элементы національнаго и соціальнаго угнетенія тѣсно переплетаются между собой. Это чрезвычайно усложняетъ какъ политическую демократизацію страны, такъ и классовое самоопредѣленіе пролетаріата. Господами положенія въ странѣ являются мадьяры, составляющіе меньше половины населенія (45,4%) и представляющіе въ экономическомъ отношеніи земельную аристократію и только отчасти крупную и мелкую буржуазію. Другая, большая половина населенія состоитъ изъ ряда другихъ національностей (румыны—14%, нѣмцы—11,1%, словаки—10,5%, хорваты—8,7%, сербы—5,9%, русины—2,3%, евреи и пр.—2,1%), изъ которыхъ только нѣмцы и евреи образуютъ невліятельную буржуазію и интеллигенцію, тогда какъ остальные состоятъ преимущественно изъ крестьянъ и пролетаріата (сельско-хозяйственнаго и промышленнаго). Современная венгерская конституція (съ 67 г.) даетъ политическую власть мадьярскимъ феодаламъ избирательное право однаково не демократично какъ по отношенію къ народу вообще, такъ и по отношенію къ угнетеннымъ національностямъ. Достаточно указать, что изъ милліона съ лишнимъ взрослыхъ промышленныхъ рабочихъ (мужчинъ) избирательнымъ правомъ обладаетъ всего 38 тысячъ. Естественно, что при такомъ избирательномъ правѣ въ венгерскомъ парламентѣ нѣтъ до сихъ поръ ни одного представителя с.-д. партіи, которая насчитываетъ 52 тыс. членовъ и имѣетъ за собой 100 тыс. рабочихъ, организованныхъ въ профессиональные союзы, тѣсно связанныхъ въ Венгріи съ партіей. Классовый характеръ очень сложной венгерской избирательной системы ярче всего вырисовывается изъ слѣд. цифръ: 62,9% избирателей имѣютъ земельный цензъ, 4,8%—домовладѣльческой, 22,1% являются избирателями въ качествѣ плательщиковъ подоходнаго налога, 7,4% вслѣдствіе образовательнаго ценза и 2,8% на основаніи старинныхъ феодальныхъ правъ. Далѣе въ 1907 г. число избирателей (1.097.829 чел.) составляло 5,9% всего населенія (18.048.106 чел.). Изъ нихъ мадьяры составляютъ 56,2%, тогда какъ всѣ не мадьяры только 43,8. Избирательная геометрія при этомъ такова, что въ венгерскомъ парламентѣ на 413 депутатовъ приходится всего 8 депутатовъ не мадьярскаго происхожденія.

Если къ этому прибавить, что 19,9% всѣхъ избирателей безграмотны, что на выборахъ систематически примѣняется самое грубое давленіе на избирателей, въ особенности на крестьянъ, что продажа

голосовъ производится вполне открыто, то станетъ совершенно понятно, что венгерскій парламентъ является надежнымъ оплотомъ феодальной знати и верхнихъ слоевъ буржуазіи противъ классовыхъ требованій пролетаріата и противъ демократическихъ тенденцій угнетенныхъ національностей. Но въ то же время экономической антагонизмъ, существующій между промышленной Австріей и сельско-хозяйственной Венгріей, а также исторически выработавшаяся ненависть феодальной мадьярской знати къ всему австрійскому и къ австрійской династіи Габсбурговъ, не разъ порождали въ новѣйшей исторіи Венгрии оппозиціонныя тенденціи венгерскаго парламента, заставляя его вступать въ рѣзкій конфликтъ съ австрійскимъ правительствомъ и короной. Эти постоянныя конфликты, обнаруживающіе шаткость современнаго политическаго режима Венгрии, даютъ венгерскому пролетаріату возможность выступать въ качествѣ третьей политической силы въ долгодлѣтней тяжбѣ австрійской монархіи съ мадьярскими феодалами, пробивая себѣ дорогу къ завоеванію политическихъ правъ. Нерѣдко при этомъ бывало, что австрійская монархія, въ погонѣ за союзниками, искала опоры въ венгерскомъ пролетаріатѣ, демагогически выдвигая тѣ или другія демократическія реформы. Такъ было и въ 1905 г. и въ 1910—1911 гг., годы обостренія борьбы между венгерскимъ парламентомъ и короной.

Аграрная Венгрія не избѣгла общей участи европейскихъ государствъ и, хотя и медленно, но неуклонно движется по пути капиталистическаго развитія. Два-три десятилѣтія назадъ промышленныхъ рабочихъ въ Венгрии было всего $\frac{1}{2}$ милліона, а теперь число ихъ доходитъ до 1 милл. 100 тысячъ (значительная часть ихъ въ Будапештѣ). Къ нимъ надо присоединить большое число ремесленниковъ и многомилліонную массу сельско-хозяйственнаго пролетаріата, который, въ отличіе отъ земледѣльческаго пролетаріата другихъ государствъ, оказался способнымъ къ организаціи. Но, несмотря на численность пролетаріата, его экономическое положеніе находится на очень низкомъ уровнѣ. Такъ около 10% промышленныхъ рабочихъ работаетъ 11—11 $\frac{1}{2}$ ч. въ сутки, получая ничтожную плату (средній еженедѣльный заработокъ венгерскаго рабочаго—17,10 кронъ—6 р. 85 к.). Венгерскому пролетаріату приходится вести свою экономическую и политическую борьбу въ чрезвычайно тяжелыхъ условіяхъ. Ограниченія свободы коалиціи для сельско-хозяйственныхъ и желѣзнодорожныхъ рабочихъ, преслѣдованія за крупныя стачки и демонстраціи, за с.-д. устную и печатную агитацію сильно тормозятъ профессиональное и политическое движеніе ¹⁾.

Тѣмъ не менѣе, венгерской соц.-демократіи удалось въ теченіе сравнительно короткаго времени организовать массы пролетаріата на почвѣ борьбы за всеобщее избирательное право, которая уже нѣсколько лѣтъ ведется въ Венгрии въ формѣ уличныхъ демонстрацій. Въ 1905 г., подъ влияніемъ русской революціи и введенія всеобщаго избирательнаго права въ Австріи въ результатѣ грандіозной всеобщей стачки, вызвавшей сильное движеніе и въ Венгрии, правительство послѣдней

¹⁾ Съ марта 1909 г. по мартъ 1910 г., т. е. за 1 годъ, противъ членовъ с.-д. партіи было возбуждено 343 судебныхъ процесса, окончившихся присужденіемъ къ тюремному заключенію на 27 лѣтъ, 8 мѣс. 15 дней и къ штрафамъ на сумму 11.740 кронъ. Это, конечно, очень немного по русскому масштабу, но очень значительныя цифры для Западной Европы.

(Фейервари) намѣтило въ числѣ пунктовъ своей программы измѣненіе избирательной системы и введеніе всеобщаго избирательнаго права. Вызванная движеніемъ пролетаріата, эта программа имѣла также цѣлью положить конецъ дворянской фронтѣ мадьяръ. Тогда всѣ аграрныя мадьярскія партіи образовали союзъ („коалицію“) противъ австрійскаго правительства и венгерскій парламентъ началъ обструкціонистскую тактику. Мадьярскіе аграріи рѣшили всѣми мѣрами противиться введенію всеобщаго избирательнаго права, вырывающаго у нихъ изъ-подъ ногъ почву. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ продолжалась борьба между венгерскимъ парламентомъ и австрійскимъ правительствомъ. Венгерскій пролетаріатъ стоялъ въ сторонѣ отъ этой борьбы двухъ враждебныхъ ему силъ, время отъ времени давая о себѣ знать уличными манифестациями въ пользу всеобщаго и равнаго избирательнаго права. Король (австрійскій императоръ) вынужденъ былъ уступить мадьярскимъ феодаламъ и снять съ очереди вопросъ объ избирательной реформѣ, которая была поставлена движеніемъ рабочихъ массъ.

„Коалиція“ аграрныхъ партій скоро распалась. Отъ нея отдѣлилось прежде всего лѣвое крыло—партія Юста, представляющая интересы среднихъ помѣщиковъ и сельской мелкой буржуазіи и имѣющая до извѣстной степени демократическій характеръ. Она почувствовала себя обдѣленной при господствѣ „коалиціи“. Затѣмъ начались тренія и возобновилась старинная борьба различныхъ группъ парламентскаго большинства, по существу одинаково реакціонныхъ, одинаково представляющихъ интересы крупнаго землевладѣнія и враждующихъ изъ-за мелкихъ личныхъ интересовъ стоящихъ во главѣ ихъ вождей. Разваломъ коалиціи воспользовалась корона, назначивъ министерство Куэна-Хедервари, не опирающееся на парламентское большинство. Куэнь-Хедервари распустилъ парламентъ въ 1910 г. и выступилъ на выборахъ, образовавъ правительственную партію „Национальнаго труда“, съ программой: миръ съ Австріей и избирательная реформа. Ему удалось собрать подъ своимъ знаменемъ наиболѣе уступчивые элементы аграріевъ (графа Тиссу и др.) и посредствомъ давленія и подкупа составить себѣ въ новомъ парламентѣ большинство. Получивъ большинство, Куэнь-Хедервари рѣшительно выдвинулъ двѣ реформы—избирательную и военную. Первая имѣла цѣлью разъ на всегда преодолѣть сепаратистско—націоналистическія тенденціи венгерскаго парламента и сломить господство феодальной аристократіи: въ народахъ Венгріи думало австрійское правительство найти противовѣсъ партіи венгерской независимости, прибѣгнувъ къ испытанной политикѣ „раздѣляй и властвуй“. Военная реформа, уничтожавшая самостоятельность національнаго венгерскаго войска и сводившаяся къ введенію двухлѣтней воинской повинности и увеличенію контингента, преслѣдовала ту же цѣль. Венгерскій парламентъ, въ лицѣ своего аграрнаго большинства, выступилъ противъ обѣихъ реформъ, подрывающихъ его социальное и національное господство и объявилъ войну Куэну-Хедервари. Мадьярскіе феодалы требовали, въ противовѣсъ ему, личной уніи съ Австріей, сохраненія національнаго войска и соглашались на избирательную реформу лишь при условіи введенія множественнаго вотума. Послѣ долгой, почти двухлѣтней борьбы классовый инстинктъ взялъ верхъ надъ чувствомъ національнаго самосохраненія: партія независимости (Кошута) послѣ продолжительной обструкціи пошла на компромиссъ, присоединившись къ партіи Куэна и согласившись вотировать военную реформу, при условіи отказа отъ избирательной реформы и чисто формальныхъ

гарантий короны не набирать войска безъ согласія парламента. Нпротивъ того, демократическая партія Юста, имѣющая въ парламентѣ 40—50 представителей, потребовала въ первую очередь избирательной реформы на основѣ всеобщаго голосованія.

Куэнь-Хедервари пошелъ было на уступки, но это стоило ему министерскаго поста; начался новый конфликтъ и обструкція. Императоръ сталъ грозить отреченіемъ отъ короны и дѣло окончилось назначеніемъ премьеръ-министромъ Лукача, отказавшагося отъ избирательной реформы, ненавистной аграріямъ, которые въ свою очередь, согласились, въ лицѣ своего праваго крыла, на военную реформу.

Тогда въ дѣло вмѣшался пролетаріатъ.

На послѣднемъ съѣздѣ венгерской соц.-демократіи (въ апрѣлѣ 1912 г.) она приняла слѣдующую резолюцію:

„Конгрессъ констатируетъ, что принятая предыдущимъ конгрессомъ тактика борьбы противъ военной реформы и за всеобщее изб. право оказалась успѣшной, ибо благодаря ей удалось помѣшать тому, чтобы военные законопроекты, отягощающіе матеріальныя силы народа, стали закономъ, удалось сдѣлать всеобщее, равное и тайное изб. право актуальнѣйшимъ, самымъ насущнымъ и осуществимымъ вопросомъ политической жизни. Чтобы провалить окончательно военные законопроекты и добиться всеобщ. изб. права, необходимо, чтобы обструкція въ палатѣ депутатовъ и движеніе въ странѣ продолжалось въ еще большей степени и болѣе дѣйствительнымъ оружіемъ, чѣмъ до сихъ поръ. Конгрессъ общаетъ обструкціи, проводимой партіей Юста противъ военнаго законопроекта и за всеобщ. изб. права поддержку организованнаго рабочаго класса и всѣхъ безправныхъ миллионновъ населенія страны; конгрессъ ставитъ эту обструкцію противъ незаконныхъ и насильственныхъ нападеній не только подъ защиту закона, но и подъ защиту массъ“.

Въ заключеніе резолюціи пролетаріатъ призывается всѣми средствами содѣйствовать прохожденію въ парламентъ сторонниковъ всеобщ. равн. и тайн. изб. права и противниковъ военнаго законопроекта, и выставляется угроза, что с. д.-ія съ борьбѣ съ правительственнымъ терроромъ на выборахъ примѣнятъ „террористическое оружіе“.

Резолюція эта не осталась пустой угрозой. Какъ только Лукачъ приступилъ къ проведенію военной реформы, несмотря на обструкцію партіи Юста, и для подавленія ея председателемъ Палаты былъ назначенъ гр. Тисса, венгерскій Тьеръ, человекъ съ холоднымъ сердцемъ и твердой волей, глава аграрной партіи, перекинувшійся въ послѣдніе годы на сторону правительства и фактически руководящій имъ, Центр. Ком. венг. соц.-демократіи призвалъ рабочихъ къ демонстраціямъ протеста. 23 мая н. ст. для венгерскаго пролетаріата настала свой „кровавый четвергъ“. Въ этотъ день въ мирно демонстрировавшую толпу будапештскихъ рабочихъ были даны залпы. Нѣсколько человекъ было убито, десятки ранены. Возбужденная толпа начала строить баррикады и стрѣлять въ войска. Три дня на улицахъ Будапешта разыгрывались кровавыя сцены, унесшія нѣсколько десятковъ жертвъ. Улицы превратились въ военный лагерь. Начались аресты и разгромъ рабочихъ организацій. Въ Будапештѣ и многихъ провинціальныхъ городахъ была объявлена всеобщая стачка; повсюду происходили митинги и демонстраціи, повсюду въ народъ стрѣляли.

Движеніе венгерскаго пролетаріата не заставило отказаться правительство отъ принятаго имъ рѣшенія. Правительство отклонило, правда, предложеніе Тиссы немедленно арестовать правленіе с.-д. партіи, распустить всѣ профессиональныя организаціи, запретить изданіе партійныхъ

органовъ, закрыть партійную типографію и ввести осадное положеніе, и Лукачъ заявилъ, что послѣ проведенія военной реформы, настанетъ чередъ избирательной, дипломатично умолчать, что это будетъ за реформа, но тѣмъ рьянѣ Тисса провелъ въ одно засѣданіе военную реформу черезъ парламентъ, съ нарушеніемъ наказа и безъ соблюденія самыхъ элементарныхъ формальностей. Для этого ему пришлось исключить и силой выводить изъ засѣданія оппозиціонныхъ депутатовъ. Но не этимъ смущаться Тиссъ, цинично заявившему въ отвѣтъ на указаніе одного изъ депутатовъ, что нельзя засѣдать, когда на улицѣ стрѣляютъ въ народъ: „Парламентъ не истеричная старая дѣва“.

Тогда въ венгерскомъ парламентѣ, давно славящемся своими скандалами, начались неслыханныя сцены. Оппозиціонныхъ депутатовъ, проводящихъ obstructію, силой выводили одного за другимъ, ихъ исключали на 60 засѣданій, заставляли извиняться передъ парламентомъ, приставляли штыки къ груди „неприкосновенныхъ“ депутатовъ, словомъ дошли до того, что одинъ изъ депутатовъ крикнулъ правительственному большинству: „Вы хуже, чѣмъ русская Дума“!

Насильственная тактика Тиссы-Лукача раздражила даже умѣренные аграрные элементы (партію Кошута и др.), которые присоединились къ obstructіи. Одинъ изъ возмущенныхъ депутатовъ Ковачъ произвелъ въ парламентѣ нѣсколько выстрѣловъ по направленію къ Тиссъ и потомъ тяжело ранилъ себя. Этотъ выстрѣлъ не носилъ характера террористическаго покушенія—онъ былъ только актомъ протеста противъ насилій. Насилія надъ депутатами продолжались. Последніе дни засѣданій парламента прошли при отсутствіи около $\frac{1}{3}$ депутатовъ, насильственно удаленныхъ; парламентъ внутри былъ наполненъ полиціей и снаружи охранялся войсками.

Графъ Тисса побѣдилъ. Военный законопроектъ сталъ закономъ. Но эта побѣда стоитъ Пирровой. Она куплена цѣной небывалаго возбужденія народныхъ массъ и раздраженія демократическихъ элементовъ мелкой буржуазіи и части аграріевъ. При такихъ условіяхъ борьба пролетаріата за всеобщее, равное и тайное избирательное право можетъ развиваться въ сравнительно благопріятной атмосферѣ и имѣть много шансовъ на успѣхъ.

Уже теперь послѣ движенія пролетаріата всѣ оппозиціонныя партіи парламента сошлись на общемъ проектѣ избирательной реформы, предоставляющемъ избирательное право всѣмъ гражданамъ, умѣющимъ читать и писать, имѣющимъ осѣдлость въ теченіе 2-хъ недѣль, а также лицамъ, состоявшимъ въ теченіе 2-хъ послѣднихъ лѣтъ не менѣе 12 мѣсяцевъ членами рабочихъ больничныхъ кассъ, и вводящемъ за немногими исключеніями тайное голосованіе.

Хотя этотъ законопроектъ не отвѣчаетъ всѣмъ требованіямъ с.-дѣи, но она рѣшила поддерживать его, такъ какъ онъ дѣлаетъ шагъ впередъ въ сторону всеобщаго избирательнаго права. Проявленный парламентской оппозиціей радикализмъ объясняется какъ массовымъ движеніемъ пролетаріата, такъ и сознаніемъ даже части мадьярскихъ аграріевъ, что недемократическій парламентъ будетъ безсиленъ въ борьбѣ съ австрійскимъ дворомъ. Приходится выбирать между парламентомъ, независимымъ, но демократическимъ, и аристократическимъ, но безсильнымъ, всецѣло подчиненномъ волѣ Австрійскаго Императора и придворной камарильи. Движеніе демократіи и рабочаго класса заставляетъ часть аграріевъ, не пошедшихъ за Тиссой, избрать первую часть этой дилеммы.

Вопросъ объ избирательной реформѣ поставленъ на очередь дня венгерской исторіи; степень демократизма этой реформы будетъ зависѣть отъ энергіи пролетаріата и тактики его партіи. Пока поведеніе послѣдней обнаруживаетъ политическій смыслъ. Партія призвала рабочихъ прекратить всеобщую забастовку, начатую стихійно, грозившую ослабить силы пролетаріата и стоитъ ему многихъ напрасныхъ жертвъ. Мотивъ, вызвавшій это рѣшеніе былъ тотъ, что выступленіемъ 23 мая пролетаріатъ уже сдѣлалъ свое дѣло, поддержавъ парламентарскія выступленія партіи Юста своими демонстраціями и доказавъ, что безъ него и противъ его воли нельзя рѣшать вопроса объ избирательной реформѣ. Готовиться къ борьбѣ за эту реформу на основѣ всеобщаго и тайнаго голосованія призвала венгерскихъ рабочихъ партія.

И нѣтъ сомнѣнія, что венгерскій пролетаріатъ окажется въ надлежащій моментъ на своемъ посту!

В. Левицкій.

Новый избирательный законъ въ Италіи.

(Письмо изъ Италіи).

На дняхъ (30 Іюня 1912) король утвердилъ новый избирательный законъ, принятый по предложенію правительства Джіолитти Парламентомъ и Сенатомъ.

Этимъ новымъ закономъ избирательныя права населенія настолько расширены, что по довольно единодушному мнѣнію Италіанской печати Италія съ принятіемъ этого новаго закона переживаетъ настоящую, хотя и мирную революцію.

И дѣйствительно, по приблизительному подсчету число избирателей съ 2-хъ съ лишнимъ милліоновъ возрастаетъ теперь до 8 милліоновъ.

Мы не станемъ здѣсь заниматься вопросомъ, почему Джіолитти, ввергшій страну въ Триполитанскую авантюру, все же остался вѣрнѣмъ обществу, данному имъ при вступленіи во власть: онъ обѣщаль тогда въ ближайшее время внести законъ о расширеніи избирательныхъ правъ населенія. Понятно, внесъ и провелъ онъ свой законъ не потому, что обѣщаль это. Въ правительственныхъ верхахъ и особенно люди, подобные Джіолитти, не считаются съ такими пустяками, какъ обѣщанія.

Если вѣрить Джіолитти, то единственнымъ стимуломъ было его убѣжденіе въ томъ, что реформа эта не только своевременна, но и необходима. Въ своей сенатской рѣчи, очень любопытной во многихъ отношеніяхъ, онъ такъ защищаль свой законопроектъ: съ тѣхъ поръ, какъ введенъ былъ нынѣ дѣйствующій избирательный законъ, — сильно увеличилось благосостояніе низшихъ классовъ населенія; сильно развились они и въ экономическомъ, и въ моральномъ отношеніяхъ — и потому, этимъ классамъ должно быть предоставлено большее, чѣмъ донныѣ, вліяніе на политику страны.

Онъ думаетъ, что широкіе, низшіе слои населенія въ большей степени, нежели богатые верхушки заинтересованы въ томъ, чтобы политика и хозяйство страны велись наилучшимъ образомъ.

Это—очень любопытное въ устахъ министра-президента признаніе и, если бы можно было серьезно относиться къ теоретически-принципальнымъ заявленіямъ Джіолитти,—оно изболчило бы въ немъ дѣйствительно убѣжденного демократа. Впрочемъ, тутъ-же и сейчасъ онъ обнаруживаетъ болѣе низменные и несомнѣнно болѣе истинные мотивы, побудившіе его внести свой законъ.

Отвѣчая сенатору де-Чезаре, сказавшему, что „этимъ закономъ мы даемъ пролетаріату въ руки оружіе, а себя обрекаемъ смерти“,—онъ говоритъ: „мы этимъ закономъ даемъ пролетаріату нѣкоторыя гарантіи справедливости, желая предупредить, чтобы пролетаріатъ, потерявъ надежду на справедливость, въ дѣйствительности не взялся за оружіе“.

Реформу такую, говорилъ онъ дальше, лучше дать раньше, чѣмъ дожидаться, когда агитація по поводу ея вызоветъ движеніе, съ которымъ придется считаться; лучше дать такую реформу сразу, а не по клочкамъ, такъ какъ частичная уступка только раздражаетъ, только питаетъ враждебныя правительству теченія и лишаетъ реформу того политически успокаивающаго вліянія, какое всегда имѣетъ быстрая, радикальная уступка демократіи.

Какъ видимъ, реформа вносится въ интересахъ самозащиты, а не въ силу убѣжденія въ пользѣ демократіи.

Кромѣ этихъ соціологическихъ и политическихъ основаній были и парламентски-тактическія соображенія, которыя удержали Джіолитти отъ того, чтобы потопить возмѣщенные имъ реформы въ томъ мутномъ морѣ націоналистическаго шовинизма, который нахлынулъ на Италію по случаю Триполитанской авантюры. Вѣдь не случайно, не по недоразумѣнію онъ, принявъ въ свои руки бразды правленія, началъ съ попытки дать странѣ социалиста-министра, и только потому, что у социалиста Биссолати, имъ приглашеннаго и предложеніе его принявшаго, въ концѣ концовъ не хватило духу перешагнуть Рубиконъ,—только поэтому мы не имѣемъ теперь министра-социалиста. Джіолитти же шелъ на это, такъ какъ знаетъ, что сейчасъ въ Италиі долговѣчно только лѣвое министерство и опредѣленно лѣвое,—а онъ желаетъ править долго. И особенно важно для него теперь успокоить лѣвыя элементы,—съ праваго фланга онъ себя въ достаточной степени застраховалъ колоніальной авантюрой. А на счетъ такихъ парламентскихъ маневровъ—Джіолитти дока.

Какъ бы то ни было, новый избирательный законъ прошелъ, утвержденъ и теперь онъ—фактъ совершившійся.

Въ чемъ его значеніе?

Главное значеніе новаго закона въ томъ, что онъ даетъ избирательныя права и неграмотнымъ, именно, 2-мъ категоріямъ неграмотныхъ:

- 1) тѣмъ изъ нихъ, кто прошелъ службу въ арміи или флотѣ;
- 2) вообще всѣмъ неграмотнымъ по достиженіи ими 30-лѣтняго возраста.

Хотя въ Италиі существуетъ законъ объ обязательномъ обученіи, но этотъ законъ, какъ и многое другое въ Италиі, существуетъ только на бумагѣ,—и число безграмотныхъ здѣсь (особенно на Югѣ) такъ велико, что по статистическимъ выкладкамъ предоставленіе избира-

тельныхъ правъ только вышеуказаннымъ 2-мъ категоріямъ увеличить число избирателей, какъ я выше уже сказалъ, съ 2-хъ съ лишнимъ на 8 милліоновъ. (Кромѣ этого новый законъ устанавливаетъ и жалованіе депутатамъ; объ этомъ ниже).

Расширеніе избирательныхъ правъ въ этомъ направленіи и кампанія, прошедшая по этому поводу, какъ въ прессѣ, такъ и въ парламентѣ,—особенно интересны (и не для одной Италіи) тѣмъ, что они нанесли непоправимый ударъ фетишу грамотности, какъ признаку политической зрѣлости.

Развитіе политическаго сознанія въ общественномъ мнѣніи Италіи въ отношеніи къ этому вопросу проходило постепенно, такъ сказать, на глазахъ пишущаго эти строки. Еще въ прошломъ году я лично зналъ Италіанскихъ социалистовъ, которые не симпатизировали такому расширенію правъ. Когда въ прошломъ году Центральный Ком. Итал. Соціалист. Партіи главнымъ образомъ подъ давленіемъ социалистовъ юга, гдѣ безграмотныхъ особенно много, поставилъ въ программу Майской агитаціи вопросъ о расширеніи избирательныхъ правъ и неграмотныхъ,—соціалисты-ораторы на тѣхъ майскихъ собраніяхъ, на которыхъ мнѣ пришлось присутствовать,—касались этого вопроса поверхностно, неохотно, точно исполняя повинность; и, когда я подѣлился этимъ своимъ впечатлѣніемъ съ однимъ изъ ораторовъ,—тотъ призналъ, что я правильно замѣтилъ; и онъ, и нѣкоторые его товарищи опасаются, что такое расширеніе избирательныхъ правъ можетъ усилить темными, несознательными массами реакцію и клерикализмъ; неграмотность является, по ихъ мнѣнію, непреодолимымъ препятствіемъ для развитія политическаго самосознанія; кромѣ того, устраивая грамотность, какъ условіе для полученія избирательныхъ правъ, мы лишаемся могучаго стимула въ борьбѣ съ безграмотностью.

Но прешель годъ. Вопросъ усиленно дебатировался, анализировался,—и сейчасъ, при обсужденіи его въ Парламентѣ и Сенатѣ,—не только социалисты, но и либералы всевозможныхъ оттѣнковъ не могли выставить ни одного серьезнаго довода противъ предоставленія избирательныхъ правъ и неграмотнымъ.

И въ самомъ дѣлѣ, является ли грамотность сама по себѣ такимъ дѣльнымъ обогащеніемъ человѣческой психики, что обладаніе ею можно считать признакомъ политической зрѣлости? Достаточно поставить этотъ вопросъ,—и станетъ очевиднымъ, что грамотность въ этомъ отношеніи не только не важнѣе, но много уступаетъ любому другому знанію, ремеслу.

Вѣдь громадное значеніе грамотности собственно въ томъ, что она облегчаетъ человѣку возможность развивать себя; что она открываетъ человѣку возможность чтеніемъ приобщиться ко всѣмъ тѣмъ приобрѣтеніямъ человѣческаго генія, которыя скопились въ наукѣ и литературѣ; что она облегчаетъ человѣку возможность вступать въ сношенія съ другими людьми. И, облегчая человѣку саморазвитіе, являясь однимъ изъ условій и однимъ изъ средствъ этого развитія,—сама по себѣ грамотность не даетъ ни политической, ни другой какой-либо особой мудрости и не развиваетъ болѣе нежели другое искусство или ремесло.

Но всѣ ли, обладающіе грамотностью, пользуются ею для своего развитія? Очень извѣстное, особенно у насъ въ Россіи, явленіе т.-наз. рецидива безграмотности, т. е. когда человѣкъ за бы-

ва етъ грамоту просто потому, что ею не пользуется,—указываетъ на то, какъ мало и рѣдко многіе пользуются ею для саморазвитія.

А затѣмъ, развѣ все то, что люди читаютъ,—развиваетъ ихъ сознание? Та макулатура, лубочныя изданія, бульварные романы, что заливаютъ книжный рынокъ,—не затуманиваютъ-ли они, не развращаютъ-ли они сознание въ большей степени, чѣмъ развиваютъ? Не даетъ-ли больше нашему сознанию день проведенный въ борьбѣ, въ общеніи съ людьми, въ общеніи съ природой, нежели день убитый на знакомство съ Пинкертоновскими, Бүффалобеевскими и т. п. похождениями?

Въ Италіи передъ выборами создавались спеціальныя школы, гдѣ гражданъ обучали тѣмъ краткимъ свѣдѣніямъ, которыя по закону давали имъ право сдѣлаться избирателями,—и все дѣло здѣсь сплошь и рядомъ сводилось къ тому, чтобы научить учениковъ подписывать свое имя и фамилію. И не есть-ли это самое убѣдительно доказательство абсурдности всего этого закона?!

Джіолитти не пошелъ до конца; онъ не отказался отъ грамотности, какъ признака политической зрѣлости, а только нѣсколько ограничилъ его вліяніе. Считаая, что служба въ арміи и флотѣ съ ея дисциплиной, жизнью въ казармахъ (!) должны развивать человѣка,—отъ прошедшихъ службу онъ не требуетъ грамотности; даѣе, онъ думаетъ, что сама жизнь съ ея борьбой за существованіе уже развиваетъ,—но неграмотный развивается медленнѣе, чѣмъ грамотный,—а потому онъ для неграмотныхъ политическую зрѣлость нѣсколько отодвигаетъ и переноситъ ее къ 30-лѣтнему возрасту. Все же необходимо признать, что даже съ этими ограниченіями, но новый законъ нанесъ непоправимый ударъ самому фетишу грамотности, въ концѣ концовъ являющейся до сихъ поръ привилегіей классовъ имущихъ, сплошь грамотныхъ.

Техническія затрудненія, возникающія при рѣшеніи вопроса, какъ гарантировать тайну голосованія неграмотныхъ—болѣе или менѣе удачно разрѣшены новымъ закономъ.

Еще одно требованіе демократіи реализуется новымъ закономъ: жалованіе депутатамъ. Цѣлесообразность и демократичность этого требованія въ настоящее время уже никѣмъ не оспариваются; а для Италіи, страны, несмотря на ту имперіалистическую мишуру, какой ее извнѣ прикрашиваютъ правящіе классы, очень бѣдной—это требованіе особенно цѣлесообразно. Даже въ Сенатѣ, по словамъ газеты *Stampa*, есть теперь сенаторъ, по бѣдности своей лишенный возможности посѣщать засѣданія Сената, такъ какъ не можетъ бросить своихъ дѣлъ. И вполнѣ правильно Джіолитти присоединилъ законъ о жалованіи депутатамъ къ закону, увеличивающему число избирателей. Увеличивъ болѣе, чѣмъ втрое, число избирателей увеличивъ это число безграмотными, т. е. бѣдными массами,—онъ долженъ былъ дать этимъ массамъ возможность выбирать депутатовъ не только изъ числа богатыхъ, обеспеченныхъ людей, но и изъ своей среды. Въ своей рѣчи въ Сенатѣ, указывая на это обстоятельство въ защиту своего предложенія, Джіолитти между прочимъ сказалъ: „намъ много пріятнѣе и выгоднѣе имѣть дѣло съ депутатами-рабочими, нежели съ ихъ адвокатами“. Будетъ-ли ему это дѣйствительно „много пріятнѣе“,—мы увидимъ, но что рабочимъ оно выгоднѣе—это несомнѣнно.

При обсужденіи этого законопроекта въ Парламентѣ, социалисты въ интересахъ большей демократизаціи закона вносили цѣлый рядъ поправокъ: полную отмѣну привилегіи грамотности, пропорціональное представительство, избирательное право и для женщинъ и т. п.,—но Джіолитти этихъ поправокъ не принялъ и онѣ не прошли. Въ частности относительно равноправія женщинъ Джіолитти не возражалъ принципиально, но заявилъ что считаетъ нужнымъ предварительно уравнивать женщинъ въ области гражданскихъ правъ, затѣмъ, дать имъ право участія въ административныхъ, коммунальныхъ выборахъ,—и уже, какъ вѣнецъ, можетъ быть дано политическое равноправіе!

Еще одно интересное требованіе было выставлено: отмѣна присяги депутатовъ. Современная государственность, говорили ораторы, признаетъ законными существующія въ населеніи республиканскія и социалистическія теченія; поэтому она должна дать имъ возможность какъ таковымъ, въ лицѣ своихъ представителей принимать участіе въ законодательной дѣятельности страны; это она и дѣлаетъ, признавая существующія въ Парламентѣ социалистическія и республиканскія фракціи.

Но если это такъ, то почему же она насилуетъ ихъ совѣсть, заставляя ихъ присягать королю, котораго они въ лучшемъ случаѣ признаютъ совершенно лишнимъ. Джіолитти отдѣлался фразами о томъ, что король символизируетъ націю, что и самъ король приноситъ присягу,—а посему онъ этой поправки принять не можетъ,—и она была отвергнута.

Итакъ, теперь новый законъ это—фактъ. Ближайшее будущее страны передано въ руки новыхъ избирателей, среди которыхъ старые составляютъ незначительный %—около 30%. И эти новые избиратели—темныя, безграмотныя массы. Кого выберутъ они? Кого пошлютъ въ Парламентъ? И не правы-ли тѣ демократы, которые въ интересахъ демократіи имѣющей при дѣйствующемъ избирательномъ законѣ большинство, изъ тактическихъ соображеній были противъ новаго закона?

Но дешевый политическій оппортунизмъ такихъ возраженій слишкомъ очевиденъ: наша основная задача не въ томъ, чтобы провести побольше своихъ депутатовъ въ парламентъ, не въ томъ, чтобы благодѣтельствовать массы;—наша основная задача способствовать тому, чтобы сами массы, понявъ свои интересы, нашли пути къ своему освобожденію; приобщеніе къ политической жизни, новыхъ милліоновъ гражданъ, превращеніе ихъ изъ безправныхъ законодательныхъ объектовъ въ политически-активныхъ гражданъ, есть поэтому крупное завоеваніе демократіи.

Пусть теперь эти милліоны еще не понимаютъ своихъ интересовъ, пусть въ ихъ темнотѣ и несознательности найдутъ теперь опору темныя силы, живущія и питающіяся невѣжествомъ массъ,—но это только временно; разъ вступивши на путь сознательнаго отношенія къ окружающему, массы найдутъ нужные имъ отвѣты и пути.

Чтобы прійти къ торжеству и побѣдѣ—прежде всего нужно идти, чтобы понять, прежде всего нужно думать.

Викторъ Мандельбергъ.

Злостное покушение на лучшія традиции американскаго народа.

„Вѣчное бдѣніе есть залогъ неприкосновенности свободы“—говорить старая и мудрая американская пословица.

Американская жизнь, въ особенности за послѣдніе годы изобилуетъ фактами подтверждающими справедливость этой пословицы.

Въ своей борьбѣ противъ организованнаго труда и въ сильномъ стремленіи задержать ростъ социалистическаго движенія, американская плутократія не останавливается ни передъ какими средствами.

Въ моменты безсильной злобы и ярости противъ растущихъ и непонятныхъ для нея общественныхъ силъ, какъ и въ моменты холоднаго разсчета, плутократія не перестаетъ дѣлать набѣги на народныя права. Съ помощью сконцентрированной въ ея рукахъ экономической и политической власти, она неоднократно покушалась на основныя свободы страны.

Нѣкоторые изъ наиболѣ свирѣпыхъ и рьяныхъ холоповъ и представителей всесильной плутократіи не разъ уже открыто и громогласно посылали—„къ черту“ конституцію.

И плутократія въ дѣйствительности не поцеремонилась бы съ этой конституціей, если бы она могла это безнаказанно сдѣлать.

Къ счастью, однако, для американскихъ свободъ и къ несчастію для властолюбивой плутократіи, американскій народъ не сплошь состоитъ изъ „голосующей скотины“, слѣпо вручающей этой плутократіи политическую власть.

Съ ростомъ могущества и силы крупнаго капитала, съ ростомъ плутократіи растутъ и ряды сознательнаго пролетаріата. Число „вѣчно бдѣющихъ“ гражданъ значительно увеличилось. Въ большинствѣ случаевъ гнусные замыслы, попытки и вождедѣнія плутократіи до сихъ поръ во время обуздывались и встрѣчали энергичный отпоръ и противодѣйствіе со стороны болѣе сознательныхъ элементовъ американскаго общества и народа.

Но плутократія неутомима и удивительно изобрѣтательна. Какъ изъ рога изобилія она сыплеть „сюрпризы“ за „сюрпризомъ“. Она не пропускаетъ ни одного народнаго случая, чтобы въ томъ или иномъ видѣ не покушиться на народныя права. Покушенія эти часто носятъ характеръ пробы и нащупыванія общественнаго пульса и бдительности.

Авось удастся, авось народъ не разберется, или зазѣвается и мы незамѣтно проведемъ желанную мѣру и урѣжемъ народныя права. Такъ приблизительно разсуждаютъ стоящіе у кормила правленія политики, творящіе волю плутократіи.

И цѣлый рядъ попытокъ раздѣлаться, въ чисто русскомъ стилѣ, съ ненавистными имъ рабочими вождями и повторить чикагскую исторію (во время агитации за 8-ми час. раб. день въ 1886 г.) съ преданіемъ смертной казни „анархистовъ“; цѣлый рядъ дикихъ рѣшеній и „разъясненій“ низшихъ и высшихъ инстанцій суда, направленныхъ противъ организованнаго труда, носятъ именно этотъ характеръ „нащупыванія“—авось сойдетъ!

Реакціонное усердіе американскаго суда, стало настолько очевиднымъ, что нынѣ радикальствующій и мѣтившій опять въ президенты Соед. Шт. Рузвельтъ счелъ нужнымъ, изъ чисто, конечно, демагогиче-

скихъ цѣлей, выставить въ своей избирательной программѣ требованіе: „Право народнаго отзыва нечестныхъ и злоупотребляющихъ своею властью судей“.

Между прочимъ одинъ изъ такихъ судей, а именно федеральный судья Гапфортъ въ г. Спетъ (Шт. Вашингтонъ) настолько увлекся въ своемъ желаніи угодить сильнымъ міра сего, что позволилъ себѣ самымъ грубымъ и наглымъ образомъ нарушить конституцію, которую призванъ охранять.

Онъ позволилъ себѣ лишить гражданскихъ бумагъ и правъ гражданства одного шведскаго выходца. За то, молъ, что онъ социалистъ. Социалистъ этотъ имѣлъ несчастье принимать активное участіе, въ разыгравшейся тамъ забастовкѣ.

Такой неслыханный и небывалый здѣсь актъ судебного произвола встрѣтилъ самое рѣзкое осужденіе даже со стороны наиболѣе консервативной части обширной американской печати.

И подъ вліяніемъ энергичнаго выступленія единственнаго въ конгрессѣ (парламентѣ Соед. Штатовъ) социалиста Виктора Бергера, противъ вопіюще незаконнаго дѣйствія зарвавшагося судьи, въ дѣло вмѣшался генеральный прокуроръ и самъ президентъ Тафтъ. По требованію Бергера дѣло о привлеченіи къ отвѣтственности этого судьи передано въ юридическую комиссію при конгрессѣ.

Все приведенное нами для характеристики переживаемаго Соед. Штатами момента и для настроенія умовъ въ „высшихъ сферахъ“ не можетъ, однако, сравниться съ тѣмъ, что позволилъ себѣ только что Сенатъ Соед. Шт. отражающій, какъ извѣстно, интересы плутократіи.

Къ крайне вообще реакціонному иммиграціонному законопроекту сенатора Диллингота Сенатомъ Соед. Шт. принята была еще единогласно поправка сенатора Рута.

Поправка эта, сильно взбудоражившая всѣхъ свободолюбивыхъ гражданъ, требуетъ:

„Права для иммиграціонныхъ властей“—высылать за предѣлы Соед. Шт. всякаго иностранца не приобрѣвшаго еще права гражданства и вздумавшаго воспользоваться своимъ пребываніемъ въ Соед. Шт. для участія въ заговорѣ, имѣющемъ цѣлью насильственное ниспроверженіе правительства, какой либо иностранной державы, признанной Соед. Штатами“.

Трудно себѣ представить, сколько злостныхъ и реакціонныхъ мотивовъ заключается въ этомъ законопроектѣ, а также сколько опасностей, и опасностей не только для иностранныхъ революціонеровъ, но и вообще для свободныхъ учреждений Америки таить въ себѣ этотъ самый законопроектъ.

По смыслу законопроекта сами основатели великой американской республики были преступниками и подлежали бы высылкѣ. Вѣдь кто, какъ не они, руководили 130-ть слишкомъ лѣтъ тому назадъ „насильственнымъ ниспроверженіемъ“ англійской власти? Мало того, они это преступленіе возвели въ принципъ и вписали въ скрижали американской исторіи, какъ руководящій принципъ для будущихъ поколѣній.

„Свергнуть правительство, являющееся абсолютно-деспотическимъ или стремящееся сдѣлаться таковымъ, есть не только долгъ, но и обязанность гражданъ“... Такъ именно говорится въ декларации независимости, въ декларации принциповъ, положенныхъ въ основу американской республики.

Но для американской буржуазіи какъ и для, когда то революціонной, европейской буржуазіи всѣ эти бывше великіе принципы сво-

боды являются теперь забытыми словами. Буржуазію всѣхъ странъ страшить теперь красный призракъ соціальной революціи, ростъ сознанія и силы организованнаго пролетаріата. Американская же буржуазія, особенно проникнутая духомъ меркантильности и наживы, давно уже продала бы всѣ свободы за чечевичную похлебку.

Если принятый Сенатомъ Законопроектъ объ иммиграціи, когда либо пройдетъ черезъ Палату Представителей и сдѣлается закономъ, то Соед. Штаты перестанутъ быть „предѣломъ недосягаемости“ для всѣхъ тѣхъ правительствъ, которыя ведутъ борьбу противъ своихъ народовъ.

Соед. Штаты сразу сдѣлаются огромной западней для находящихся здѣсь русскихъ политическихъ эмигрантовъ и вообще всѣхъ тѣхъ, кто считаетъ своимъ долгомъ содѣйствовать освободительному движенію на своей родинѣ.

Соед. Штаты послужатъ тогда широкой ареной для охоты и ловли всякаго рода скрывшихся было сюда „крамольниковъ“. И весь искусный аппаратъ американскаго полицейскаго сыска и опытъ американскихъ Шерлоковъ Хольмсовъ и Пинкертоновъ будетъ къ услугамъ политической охраны.

Какойнибудь охранникъ доносить иммиграціоннымъ властямъ, что такой и такой - то вкупѣ съ другими замышляетъ „насильственное ниспроверженіе“ русскаго Правительства. Этого будетъ совершенно достаточно. Если заподозрѣнный не успѣлъ сдѣлаться гражданиномъ, ничто его не спасетъ. Его самымъ безцеремоннымъ образомъ заарестуютъ и поволокутъ на „Ellis Island“—(островъ, гдѣ задерживаются въ нью-іоркскомъ порту иммигранты до рѣшенія ихъ судьбы).

„Тамъ,—пишетъ по этому поводу въ одной мѣстной газетѣ одинъ извѣстный русскій эмигрантъ, который не разъ сталкивался съ иммиграціонными властями и прекрасно изучилъ американское судопроизводство,—арестованный долженъ будетъ держать отвѣтъ передъ тремя чинушами съ образовательнымъ цензомъ и понятіями будочника Мымрецова“.

„На рѣшеніе этихъ архаровцевъ—говоритъ онъ дальше—можно будетъ апеллировать къ Министру Торговли и Труда въ Вашингтонъ. Добро, если сребутъ человекъ—справедливо рассуждаетъ онъ—въ Нью-Йоркѣ, Филадельфіи или другомъ большомъ городѣ: тамъ еще найдутся товарищи, знакомые, которые заступятся за арестованнаго. Но представьте себѣ, что дѣло происходитъ въ глуши въ какомънибудь заводскомъ или углепромышленномъ городѣ: ищи тамъ суда и управы. Иммиграціонная Комиссія при конгрессѣ, разсматривавшая этотъ законопроектъ, рѣшила пока что положить его „подъ сукно“. Въ эту сессію конгресса законопроектъ этотъ такимъ образомъ не будетъ разсматриваться.

Комиссія рѣшилась на такой политичный шагъ, въ виду прежде всего приближавшихся президентскихъ выборовъ, но главнымъ образомъ въ виду начавшейся по всей странѣ усиленной агитаціи противъ законопроекта.

На во-время забытую соціалистами тревогу отозвались всѣ, болѣе или менѣе свободомыслящіе и свободолюбивые элементы американскаго общества.

Предъ Комиссіей предсталъ цѣлый рядъ представителей отъ различныхъ организацій, обществъ, конгрегацій и пр. Всѣ они указывали, что поправка Рута къ законопроекту объ иммиграціи труба противо-

рѣшить конституціи Соед. Штатовъ и лучшимъ традиціямъ американскаго народа.

Они указывали на то, что Соед. Штаты когда то гордились тѣмъ, что служатъ свободнымъ убъжищемъ для борцовъ за народную свободу всѣхъ странъ. Указывали на то, что конгрессъ Соед. Штатовъ въ свое время наградилъ капитана флота за отказъ выдать австрійскому правительству скрывшагося на его суднѣ революціонера Кошута.

На огромныхъ собраніяхъ принимались рѣзкія резолюціи, въ которыхъ между прочимъ указывались мотивы побудившіе Рута и К^о внести этотъ позорный законопроектъ.

Какіе же спрашивается были въ дѣйствительности мотивы этого стараго жестокаго политика сенатора Рута?

Во время преній въ сенатской комисіи по поводу этого законопроекта указывалось какъ самимъ Рутомъ такъ и его единомышленниками на то, что онъ всецѣло имѣетъ въ виду и направленъ противъ мексиканскихъ инсургентовъ.

Но мало мальски знакомый съ положеніемъ мексиканскихъ дѣлъ прекрасно знаетъ, что это наглый обманъ. Существующіе законы совершенно достаточны для огражденія и неприкосновенности Соед. Штатовъ по отношенію къ борющимся сторонамъ въ Мексикѣ.

Многое говоритъ за то, что поправка Рута имѣетъ въ виду и направлена главнымъ образомъ противъ русскихъ революціонеровъ. Что милліардеры Морганъ, Рокфеллеръ и друг. имѣютъ крупные финансовыя интересы въ Россіи, и что въ угоду этимъ именно интересамъ старый ихъ слуга Рутъ и внесъ этотъ законопроектъ.

Все это, конечно, гадательно и мы не беремся въ данный моментъ судить насколько это предположеніе вѣрно или нѣтъ.

Одно однако несомнѣнно, что законопроектъ, въ виду того участія, которое принимаютъ здѣсь европейскіе выходцы въ мѣстномъ социалистическомъ и рабочемъ движеніи,—былъ бы широко использованъ именно противъ нихъ.

Въ невѣжественныхъ головахъ вершителей американскихъ судебъ все еще, очевидно, живеть представленіе, что все происходитъ отъ „лукаваго“, что не будь здѣсь иностранныхъ революціонеровъ, не было бы въ „свободной“ Америкѣ ни социалистическаго движенія ни революціоннаго броженія среди рабочихъ массъ. А потому самое лучшее закрыть скорѣе двери иностраннымъ революціонерамъ, и если возможно, выслать по крайней мѣрѣ тѣхъ изъ нихъ, которые проявляютъ здѣсь какую-либо активность въ мѣстномъ социалистическомъ рабочемъ движеніи.

Противъ такихъ именно можно будетъ прекрасно использовать этотъ, предложенный Рутомъ и К^о, законъ.

„Въ минуту жизни трудную“—во время, напримѣръ, забастовки пустяшнымъ дѣломъ будетъ для угодливыхъ капиталу властей сострять обвиненіе въ заговорѣ для насильственнаго ниспроверженія какаго либо правительства, и нежелательный „крамольникъ“ будетъ на время или навсегда изъять.

Хотя законопроектъ Рута и положенъ „подъ сукно“, но реакціонная банда не успокоится и дѣло всплыветъ въ моментъ политическаго затишья. Это прекрасно сознается всѣми противниками законопроекта. И они рѣшили не складывать оружія и продолжать вести агитацію противъ него.

Мы однако сомнѣваемся, чтобы конгрессъ Соед. Штатовъ рѣшился когда-либо принять этотъ законопроектъ. Это былъ бы уже слишкомъ рѣзкій разрывъ съ одной изъ лучшихъ традицій страны.

Но если допустить, что конгрессъ Соед. Штатовъ падетъ такъ низко и приметъ этотъ законопроектъ, мы болѣе чѣмъ увѣрены, что онъ останется мертвой буквой, какъ остался мертвой буквой договоръ 1892 г., заключенный между Соед. Шт. и Россіей о выдачѣ политическихъ преступниковъ. Соціалистическое движеніе является уже здѣсь могучей общественной силой, способной во всякій такой моментъ организовать сильное общественное мнѣніе, съ которымъ не могутъ не считаться буржуазные интриганы.

Джемсъ.

Политическое обозрѣніе.

Конецъ октябризма.

Третья дума закончила свое существованіе. Въ противоположность поговоркѣ *de mortuis aut bene aut nihil*, какъ разъ bene почти никто не говоритъ объ умершей. Подавляющее большинство отзывовъ печати о покойной думѣ рѣзко отрицательное. Умѣренную и сдержанную защиту покойница нашла только на страницахъ оффиціальной „Россіи“, оффиціознаго „Новаго Времени“ и октябристкаго „Голоса Москвы“. Всѣ же прогрессивные органы, также какъ и органы правой печати проводили III думу словами безусловнаго осужденія. Никакихъ положительныхъ сторонъ они не находили въ дѣятельности этой думы, вся дѣятельность ея окрасилась въ ихъ глазахъ въ сплошной чернѣйшій цвѣтъ. Съ перваго взгляда это должно даже вызывать недоумѣніе. Въдѣ октябристская партія, составляя правящій центръ въ думѣ, время отъ времени дѣйствовала съ оппозиціей противъ правыхъ и еще чаще съ правыми противъ оппозиціи. Очевидно на почвѣ думской работы у октябристовъ находились какія то точки соприкосновенія и съ оппозиціей и съ правыми. При такихъ условіяхъ естественно было бы признаніе и со стороны оппозиціи и со стороны правыхъ нѣкотораго актива въ дѣятельности III думы. Но именно этого признанія мы не находимъ ни въ лѣвой, ни въ правой печати. Чѣмъ объясняется это странное явленіе?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ „Россія“ своей защитой покойной думы. Возражая противъ нападокъ на III думу со стороны оппозиціи, Россія писала: „Скажутъ: между третьей думой и ея образомъ дѣйствій и, съ другой стороны—государственнымъ переворотомъ есть еще и золотая середина. Это безусловно невѣрно. Никакой середины нѣтъ...“

„Третья дума въ общемъ и цѣломъ работала у самой границы, раздѣляющей объ эти безусловно непримиримыя между собою области: работу въ предѣлахъ дѣйствующихъ основныхъ законовъ и борьбу во имя государственнаго переворота. Отдѣльными

постановленіями, обыкновенно проходившими или случайнымъ большинствомъ, или подъ влияніемъ партійнаго возбужденія, дума, какъ извѣстно, иногда переходила эти границы. Но не это она ставила своей цѣлью и, во всякомъ случаѣ не на это удѣляла она свои главныя силы“.

Третья октябристская дума стояла у границы государственнаго переворота, говорить „Россія“. Но непосредственно за этой границей мы находимъ умѣренныхъ прогрессистовъ, стремленія которыхъ не идутъ сейчасъ дальше дѣйствительнаго осуществленія манифеста 17 октября. Это дѣйствительное осуществленіе манифеста и есть очевидно тотъ „государственный переворотъ“, у границы котораго, по мнѣнію „Россіи“, стояла III дума. И „Россія“ права. Октябристы дѣйствительно только стояли у этой границы, за рѣдкими исключеніями не смѣя переходить ея. Они стояли у самой этой границы, потому что время отъ времени вспоминали о томъ, что они конституціонная партія и клялись словомъ „конституція“. Но они не переходили этой границы, потому что ничего не дѣлали для проведенія въ жизнь конституціи. Они не стремились расширять права думы, а при скольконибудь серьезномъ натискѣ со стороны бюрократіи охотно соглашались на ихъ ограниченіе. Законодательную по основнымъ законамъ думу они своей практикой превратили въ законосовѣщательную. 5 лѣтъ бюрократія издѣвалась всей своей дѣятельностью надъ обѣщаніями манифеста объ установленіи „незыблемыхъ основъ гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ“ и 5 лѣтъ на поводу бюрократіи шла октябристская дума, систематически проваливая запросы, путемъ которыхъ оппозиція стремилась раскрыть глаза страны на дѣйствительное положеніе вещей. Въ этой черной дѣятельности III думы были два свѣтлыхъ пятнышка: проведеніе черезъ думу трехъ законопроектовъ о свободѣ совѣсти и закона о всеобщемъ обученіи. Но ни того ни другого октябристамъ въ концѣ концовъ не удалось провести въ жизнь.

Таковъ итогъ дѣятельности той партіи, которая своимъ избирателямъ изъ имущихъ классовъ обѣщала въ союзъ съ властью провести начала свободы и конституціи. Судьба законопроектовъ о свободѣ совѣсти и всеобщемъ обученіи бросаетъ яркій свѣтъ на положеніе октябристской думы по отношенію къ бюрократіи. Эта дума была даже не договаривающейся стороной, которая за уступки получаетъ уступки. Она давала бюрократіи все, что та отъ нея хотѣла и въ замѣнъ не получала ничего.

Какимъ же образомъ создалась такая дума и чѣмъ объяснить ея униженное положеніе по отношенію къ бюрократіи? Прежде всего необходимо замѣтить, что это униженное положеніе создавалось только благодаря октябристамъ. Изъ того правящаго большинства въ думѣ, на которое опиралось правительство, только октябристы въ своихъ цѣляхъ и стремленіяхъ болѣе или менѣе расходились съ бюрократіей, только имъ поэтому приходилось для поддержанія союза съ бюрократіей приспособляться къ ней, затушевывая свои стремленія или дѣйствуя въ разрѣзъ съ ними.

Напротивъ, между бюрократіей и соединенными правыми, изъ которыхъ потомъ выдѣлилась партія націоналистовъ, не было и слѣда какой-либо принципиальной розни. Между бюрократіей и націоналистами была полная солидарность, а крайніе правые по отношенію къ нимъ играли роль передового отряда реакціи, на знамени котораго стояло болѣе прямолинейное и рѣшительное проведеніе началъ, которыми тѣ служили. Самое раздѣленіе на правыхъ и націоналистовъ носило болѣе тактической, чѣмъ принципиальной характеръ. На выборахъ въ III думу раздѣленія этого не было, и оно, судя по фактамъ начавшейся выборной кампаніи, не будетъ играть никакой роли и на выборахъ въ новую думу. Господство бюрократіи надъ III думой было, такимъ образомъ, въ то же время господствомъ въ ней праваго ея крыла. Послѣднее было меньшинствомъ въ думѣ, но проходило въ жизнь только то, что отвѣчало его взглядамъ и стремленіямъ.

Что же представляетъ собой это господствовавшее въ думѣ правое крыло по своему классовому происхожденію? Среди выборщиковъ въ третью думу по 47 губ. Евр. Россіи (безъ прибалтійскихъ) политическую фizioномію которыхъ удалось опредѣлить по газетнымъ свѣдѣніямъ, объединенные правые завоевали въ землевладѣльческой куріи 57,4%, въ крестьянской—41,9%, въ I городской куріи—25%, во II городской куріи—12,8%, въ рабочей—2% *).

Эти цифры показываютъ, что основой вліянія правыхъ является во всякомъ случаѣ деревня, въ городѣ они имѣютъ мало вліянія, особенно мало среди демократическихъ его слоевъ. Въ деревнѣ же главной основой ихъ являются землевладѣльцы.

Революція и явившіяся въ ея результатѣ первая 2 думы угрожали классу землевладѣльцевъ смертельной опасностью. Самая умѣренная изъ партій выдвинутыхъ революціей—кадеты стремились ликвидировать большинство ихъ хотя и за приличное вознагражденіе.

Подъ явнымъ и непосредственнымъ давленіемъ землевладѣльцевъ и именно по преимуществу того большинства ихъ, которое шло подъ право-націоналистическимъ знаменемъ, была распущена II дума и, съ явнымъ нарушеніемъ основныхъ законовъ и манифеста 17 октября, была измѣнена избирательная система. При измѣненіи избирательнаго закона Крыжановскій принималъ прежде всего во вниманіе интересы землевладѣльцевъ и стремился прежде всего къ усиленію правыхъ. Тамъ гдѣ было сильно крестьянское движеніе землевладѣльцы почти вездѣ получили большинство среди выборщиковъ.

Но дать исключительное господство въ думѣ націоналистически-правому блоку былъ безсиленъ и Крыжановскій. Обезпечить ему большинство въ думѣ можно было только лишивши избирательныхъ правъ всѣ классы общества кромѣ землевладѣльцевъ. Но на такую рѣшительную мѣру пойти было рискованно.

*) Вычисленія сдѣланы на основаніи данныхъ, собранныхъ г. Смирновымъ.—„Вѣстн. Нар. Своб.“ за 1907 г. № 43—44.

Приходилось поэтому поневолѣ опираться рядомъ съ правыми и націоналистами и на менѣе рѣшительные въ реакціонномъ смыслѣ элементы въ видѣ октябристовъ. Октябристы представляли собой блокъ буржуазнаго землевладѣнія съ частью торгово-промышленной буржуазіи.

Но избирательный законъ 3 іюня, не давшій крупной торгово-промышленной буржуазіи особаго спеціальнаго представительства и въ то же время выдвигувшій рѣзко землевладѣльцевъ, придалъ и партіи октябристовъ въ думѣ, по преимуществу, землевладѣльческій характеръ.

Въ отличіе отъ правыхъ и націоналистовъ, за октябристами стояла та часть землевладѣльцевъ, которая стремилась къ реформированію политическаго строя, какъ къ необходимому условію развитія производительныхъ силъ.

Но эта часть землевладѣльцевъ подъ вліяніемъ революціи и дѣятельности первыхъ двухъ думъ, была проникнута такой же паникой, какъ и право-націоналистическая и въ результатъ октябристамъ пришлось поставить себѣ двѣ противорѣчивыя и взаимно исключаютія другъ друга задачи — реформированіе политическаго строя и союзъ съ властью для борьбы съ революціей. Въ моментъ роспуска думы эти двѣ задачи могли казаться еще соединимыми. Умѣренная политическая реформа, къ которой стремились октябристы, была той уступкой на которую могла бы пойти бюрократія подъ напоромъ революціоннаго движенія. Но какъ разъ революціонное движеніе прежде всего стремились подавить октябристы въ союзѣ съ бюрократіей, а поскольку удавалась эта задача, постольку у бюрократіи пропадала всякая охота дѣлать какія либо уступки въ сторону политическаго обновленія Россіи. И въ результатъ, играя на двойственной природѣ октябристовъ, бюрократія лишила ихъ собственной физиономіи. Пользуясь ихъ ненавистью къ революціи она заставляла ихъ служить себѣ и своимъ цѣлямъ, не дѣлая въ то же время никакихъ шаговъ въ сторону осуществленія ихъ конституціонныхъ стремленій.

Проведеніе въ жизнь началъ свободы и конституціи обѣщали избирателямъ октябристы. Но бюрократія, вызвавши къ жизни октябристско-правую думу, заняла ее другой работой. Въмѣсто проведенія въ жизнь манифеста 17 октября она заняла думу травлей инородцевъ. Въ этомъ отношеніи, также какъ и въ другихъ, бюрократія выполняла только стремленія право-націоналистическаго блока. Среди правыхъ и націоналистовъ была чрезвычайно вліятельная группа депутатовъ отъ 8 западныхъ губерній *), гдѣ борьба противъ инородцевъ, дала имъ возможность сплотить въ одну реакціонную массу—русскихъ землевладѣльцевъ, православное духовенство и темное невѣжественное крестьянство. Среди право-націоналистическихъ депутатовъ, депутаты отъ губерній этого района составили 42,3%, или болѣе $\frac{2}{5}$ (66 изъ 156). И если III дума была прежде всего создана для правыхъ и націоналистовъ, то эта дума должна была и окраситься въ тотъ ярко-націоналистическій цвѣтъ, который

*) Гродненской, Витебской, Минской, Могилевской, Кіевской, Подольской, Волынской и Бессарабской.

соотвѣтствовалъ настроенію и составу этихъ партій. Октябристовъ ихъ классовые импульсы не толкали такъ прямо и рѣшительно въ сторону націонализма, но націонализмъ не противорѣчилъ и ихъ стремленіямъ. Этимъ и воспользовалась бюрократія для того, чтобы составить желательное для нея большинство въ думѣ.

На почвѣ осуществленія манифеста 17 октября октябристамъ пришлось бы искать поддержки и содѣйствія со стороны оппозиціи, на почвѣ „національной“ программы бюрократія тѣсно спаивала октябристовъ съ націоналистами и правыми. Насиліе надъ Финляндіей, насиліе надъ Польшей (выдѣленіе Холмщины), націоналистическое земское самоуправленіе въ западныхъ губерніяхъ, вотъ блестящіе итоги дѣятельности въ этомъ направленіи III думы. Травлѣ національностей въ думѣ соотвѣтствовала организованная травля ихъ въ странѣ. На почвѣ этой травли выросъ въ концѣ концовъ кровавый цвѣтокъ, въ видѣ дѣла Бейлиса, въ видѣ обвиненія цѣлой народности въ ритуальныхъ убійствахъ. Судъ и администрація шли тутъ рука объ руку съ націоналистами и правыми, выставляли Россію на позоръ передъ всѣмъ міромъ. Наканунѣ закрытія думы оппозиція предлагала обсудить запросъ о дѣлѣ Бейлиса, чтобы, высказавшись по поводу этого запроса, дума могла снять съ себя подозрѣнія, что въ лицѣ своего большинства она сочувствуетъ кровавому навету на евреевъ. Октябристско-правая дума не захотѣла снять съ себя этого подозрѣнія. Она отказалась поставить запросъ о дѣлѣ Бейлиса первымъ на повѣстку послѣдняго своего засѣданія и дума закрылась, не высказавшись по поводу этого запроса. Это было достойное заключеніе всей дѣятельности III думы.

Бюрократія сѣумѣла въ достаточной степени приспособить къ себѣ октябристовъ, но, чѣмъ рѣшительнѣе она шествовала по пути реакціи, чѣмъ больше она теряла склонность дѣлать какія либо уступки политическому обновленію Россіи, тѣмъ больше ее начиналъ тяготить союзъ съ октябристами. Конституція у октябристовъ въ концѣ концовъ стала только вывѣской, но эта вывѣска назойливо лѣзла въ глаза бюрократіи и временами раздражала ее. А попытки провести въ жизнь хоть что нибудь изъ конституціонныхъ стремленій въ видѣ напр. „свободы совѣсти“ вызвали у бюрократіи стремленіе составить большинство въ Думѣ безъ лѣваго крыла октябристовъ. Но созданной для этой цѣли партіи націоналистовъ удалось отколоть только незначительную часть отъ октябристовъ. Безъ партіи октябристовъ въ ея цѣломъ не удалось сфабриковать правительственнаго большинства. Приходилось поэтому поневолѣ терпѣть октябристовъ, но ихъ въ послѣднее время именно только терпѣли.

Но въ правящихъ сферахъ есть элементы, у которыхъ октябристы сѣумѣли вызвать къ себѣ безусловную и непримиримую вражду. Это—высшее духовенство, святѣйшій синодъ вмѣстѣ съ той частью бюрократіи, которая обслуживаетъ его интересы. А съ этими элементами въ свою очередь находятся въ органической связи правыя организаціи и ихъ печать. Въдѣ духовенство на выборахъ въ III думу было очень серьезнымъ союзникомъ для правыхъ, обезпечивши имъ во многихъ случаяхъ побѣду. И октябристы недооцѣнили тутъ силы своихъ противниковъ. За-

конами о свободѣ совѣсти и своимъ двусмысленнымъ отноше-
ніемъ къ церковно-приходскимъ школамъ октябристы вызвали
небывалое движеніе среди духовенства.

Дѣятельность октябристовъ въ III думѣ закончилась рѣз-
кимъ расхожденіемъ ихъ съ духовенствомъ.

Въ большинствѣ своемъ старые земцы, октябристы при всей
своей приспособляемости не могли побѣдить своего нерасполо-
женія къ церковно-приходскимъ школамъ и въ проектѣ всеобщаго
обученія отказались фиксировать ежегодное увеличеніе ассигновки
на церковно-приходскія школы. Въ результатѣ законопроектъ о
всеобщемъ обученіи потерпѣлъ крушеніе въ Гос. Совѣтѣ. И непо-
средственно послѣ этого, какъ будто въ насмѣшку надъ октя-
бристами, духовенствомъ и правыми предлагалось Думѣ провести
законопроектъ объ увеличеніи содержанія церковно-приходскимъ
школамъ. Перенести это униженіе оказалось не подѣ силу октя-
бристамъ, и ихъ усиліями законопроектъ былъ снятъ съ повѣстки
послѣдняго засѣданія Думы. Эта смѣлость обошлась дорого октя-
бристамъ. При бурныхъ аплодисментахъ справа была прочитана
въ послѣднемъ засѣданіи Думы, декларация духовенства, гово-
рившая неслыханно рѣзкимъ тономъ объ октябристахъ и ихъ
хозяйничаньи въ Думѣ. „Обнаружилось вочію для всей Россіи,
говорила эта декларация, истинное лицо того октябризма, который
вошелъ въ Думу, обѣщая обновленіе жизни русскаго народа и
который на самомъ дѣлѣ все время колебалъ историческіе устои
русскаго государства и въ особенности ополчился противъ пра-
вославной церкви“. Но дѣло не ограничилось этой декларацией.

На Высочайшей аудіенціи, данной членамъ Думы незадолго
до закрытія ея, было выражено пожеланіе развитія церковно-при-
ходскихъ школъ. И это дало возможность правой печати выста-
вить октябристовъ, какъ бунтовщиковъ противъ Высочайшей воли.
И какъ будто для того, чтобы еще рѣзче подчеркнуть „преступ-
ный“ характеръ поведенія октябристовъ, 105 членовъ Думы, пра-
выхъ и націоналистовъ обратились со всеподданнѣйшимъ ходата-
йствомъ о проведеніи ассигновки на церковно-приходскія
школы по 87 ст. Такъ проводили октябристовъ духовенство и
правые при закрытіи Думы. А затѣмъ непріятные сюрпризы съ
этой стороны ожидаютъ ихъ и на выборахъ.

Оберъ-прокуроръ Св. Синода Саблеръ бросилъ какъ то въ
III Думѣ угрозу, что въ 4-ой Гос. Думѣ можетъ быть около 120
сплоченныхъ въ одну группу депутатовъ-священниковъ, которые
всецѣло станутъ на сторону правительства и его проектовъ. Это
не были слова брошенные на вѣтеръ. Среди членовъ Синода,
начались вскорѣ послѣ этого, по свѣдѣніямъ „Русскаго Слова“,
частныя совѣщанія, въ которыхъ руководящую роль игралъ архі-
епископъ Антоній волинскій. „Пора, говорилъ онъ на этихъ со-
вѣщаніяхъ, положить конецъ хозяйничанью революціонно-октя-
бристско Государственной Думы, и создать въ стѣнахъ Думы
сильное, сплоченное ядро изъ представителей духовенства, чтобы
оно само сѣумѣло защитить интересы духовенства, церкви и
духовной школы“.

Изъ этихъ совѣщаній родилось затѣмъ сплоченное и энер-
гичное выступленіе духовенства въ выборной кампаніи. Епископы

обращаются къ священникамъ съ специальными посланіями. Подъ предсѣдательствомъ епископовъ собираются повсюду съѣзды духовенства. Образовываются повсюду предвыборные комитеты и комиссіи. Священникамъ рекомендуется ихъ епархіальнымъ начальствомъ принять дѣятельное участіе въ выборахъ, стараться проводить возможно больше представителей изъ своей среды и идти на выборахъ рука объ руку съ націоналистами и правыми. Къ октябристамъ среди высшаго духовенства наблюдалось, и до рѣзкаго расхожденія съ ними въ послѣднемъ засѣданіи Думы, опредѣленно отрицательное отношеніе. Такъ въ Вяткѣ духовное начальство въ своихъ посланіяхъ отнесло октябристовъ вмѣстѣ съ болѣе лѣвыми партіями къ разряду неблагонадежныхъ (корресп. въ „Русск. Сл.“ отъ 16 мая). Орловскій же преосвященный Григорій въ своей рѣчи на съѣздѣ духовенства (1 іюня) говорилъ о всѣхъ трехъ думахъ съ одинаковымъ осужденіемъ. „Нашими законодателями, говорилъ онъ, являются атеисты, соціаль-демократы, кадеты, инновѣрцы. Подъ ихъ вліяніемъ и дарована широкая свобода совѣсти, но эта свобода обезпечиваетъ выступленія сектантовъ-проповѣдниковъ. У насъ охраняются только ихъ интересы“ („Русское Слово“ отъ 3 іюня).

Духovenство при избирательномъ законѣ 3 іюня представляетъ на выборахъ большую силу. Достаточно указать, что и на выборахъ въ III думу, когда духовенство не выступало такъ сплоченно и организовано, какъ теперь, оно завоевало около четверти мѣстъ среди землевладѣльческихъ выборщиковъ. Во многихъ губерніяхъ представители духовенства составляли среди нихъ даже большинство. Конечно нѣтъ никакихъ основаній опасаться у насъ развитія такого же клерикализма, который господствуетъ напр. въ Бельгіи, или католической части Германіи. Духovenство у насъ далеко не пользуется такимъ вѣсомъ и значеніемъ среди населенія, какимъ во многихъ странахъ пользуется католическое духовенство. Не проникнуто оно подобно послѣднему также единой волей, которая бы обезпечивала по всей линіи полное однообразіе въ дѣйствіи его на населеніе. Но при наличности избирательнаго закона 3 іюня и подъ давленіемъ и руководствомъ своего высшаго епархіальнаго начальства духовенство можетъ оказаться очень серьезнымъ реакціоннымъ факторомъ на выборахъ.

Такъ или иначе, но теперь духовенство въ выборной кампаніи выступаетъ настолько энергично и притязанія его настолько велики, что кое гдѣ происходятъ уже серьезные раздоры между духовенствомъ и партіями правыхъ и націоналистовъ. Перспектива, что 120 или больше батюшекъ займутъ въ новой думѣ тѣ мѣста, которыя теперь занимали правые и націоналисты, испугала даже „Русское Знамя“ и оно начало убѣждать духовенство, что его дѣло заниматься духовными дѣлами, а Гос. Думу пусть лучше оно предоставитъ людямъ свѣтскимъ изъ правыхъ и націоналистовъ. Но это соперничество за мѣста въ думѣ конечно не распатаетъ блока духовенства съ правыми и націоналистами. Слишкомъ ясна для обѣихъ сторонъ вся невыгода взаимныхъ раздоровъ и вражды. Тамъ, гдѣ мѣстными силами не удастся достигнуть согласія, будетъ во время конечно оказано давленіе изъ центра, и такъ или иначе единство въ рядахъ

чернаго блока будетъ возстановлено. Но единство націоналистовъ, и правыхъ съ духовенствомъ будетъ означать нарушеніе единства и согласія съ октябристами. И мы дѣйствительно видимъ, что газетныя извѣстія о совмѣстныхъ выступленіяхъ октябристовъ съ націоналистами и правыми въ выборной кампаніи, не особенно частыя съ самаго начала этой кампаніи, дѣлаются съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе рѣдкими.

Еще недавно въ Екатеринославѣ, этомъ быломъ центрѣ октябризма, октябристы обнимались на націоналистическомъ съѣздѣ съ націоналистами и союзниками, а послѣднее извѣстіе (отъ 19 іюня) оттуда гласить: „Предложеніе мѣстныхъ октябристовъ блоку націоналистовъ и союзниковъ о предвыборномъ соглашеніи на условіи предоставленія октябристамъ 6 и блоку 3 мѣстъ, блокомъ отвергнуто съ негодованіемъ“. Между тѣмъ интересно отмѣтить, что въ III думѣ изъ 10 депутатскихъ мѣстъ по Екатеринославской губерніи только 1 принадлежало крайнимъ правымъ и 1 націоналистамъ, 7 же принадлежали октябристамъ и 1 отъ рабочихъ—соціалдемократіи. И тѣмъ не менѣе предложеніе октябристовъ отдать черному блоку вмѣсто прежнихъ двухъ три мѣста въ думу было „отвергнуто съ негодованіемъ“.

Положеніе октябристовъ на выборахъ становится печальнымъ, тѣмъ болѣе, что теряя сильныхъ союзниковъ въ лицѣ націоналистовъ и правыхъ, октябристы въ то же время не проявляютъ въ выборной кампаніи почти никакихъ признаковъ жизни. Повсюду шумятъ и суетятся націоналисты и правые, повсюду рядомъ съ ними выступаетъ энергично духовенство: ничего только почти не слышно объ октябристахъ. И невольно поэтому является вопросъ, не исчезла ли уже фактически эта партія? Нѣкоторые извѣстія съ мѣстъ какъ будто подтверждаютъ это предположеніе. Такъ въ Могилевѣ губ., по сообщеніи „Русск. Слова“ отъ 23 мая, предсѣдатель могилевскаго союза 17 октября, г. Казановичъ на вопросъ, что намѣрены дѣлать мѣстные октябристы на предстоящихъ выборахъ, отвѣтилъ:

— Отъ всего союза 17 октября въ Могилевѣ осталось два—три человѣка... Что можно говорить о программѣ и предвыборныхъ дѣйствіяхъ исчезнувшей партіи“.

„У октябристовъ затишье, только не передъ бурей, пишутъ „Русск. Слово“ отъ 1 іюня изъ Чернигова. Эта „бывшая“ партія, игравшая доминирующую роль на выборахъ въ третью думу, за послѣднее время вырождается. Мало по малу она растеряла своихъ членовъ, изъ которыхъ одни ушли къ націоналистамъ, другіе влѣво къ прогрессистамъ, и теперь союзъ представленъ лишь отдѣльными личностями“.

И это угасаніе партіи октябристовъ болѣе чѣмъ естественно. Октябристы стали совершенно излишними. Паника среди имущихъ классовъ, вызвавшая къ жизни эту внутре-противорѣчивую партію, теперь прошла и имъ нечѣмъ оправдать свое существованіе. Какъ поборники націонализма они явно ненужны рядомъ, съ болѣе яркими и опредѣленными націоналистами, какъ союзники бюрократіи они представляютъ для нея только „печальную необходимость“, отъ которой она съ удовольствіемъ готова избавиться, замѣнивши ихъ націоналистами; а какъ защитники началъ свободы и конституціи какъ сторонники манифеста 17 октября,

они послѣ своей пятилѣтней дѣятельности въ думѣ ни въ комъ не могутъ возбуждать ни малѣйшаго довѣрія. Имъ нѣтъ, поэтому, мѣста на новыхъ выборахъ. Превжніе октябристскіе избиратели изъ среды землевладѣльцевъ и городской буржуазіи теперь предпочтутъ сдѣлать выборъ между чернымъ блокомъ націоналистовъ и правыхъ и блокомъ прогрессистовъ и кадетовъ, пройдя мимо этой межеумочной, не имѣющей опредѣленной фізіономіи партіи.

Н. Череванинъ.

Какъ относятся с.-р. къ выборамъ въ 4-ю Г. Думу.

(Письмо въ редакцію).

Непосредственной цѣлью этого письма въ редакцію журнала „Наша Заря“ является информация заинтересованныхъ сторонъ о дѣйствительномъ отношеніи с.-р. къ предстоящимъ выборамъ.

Но авторъ увѣренъ, что и для постоянного читателя, не с.-р., эта тема можетъ представить интересъ; въ особенности если читатель свяжетъ ее съ вопросомъ болѣе общаго характера, — о направленіи и типѣ идейной эволюціи социалистическихъ круговъ Россіи *).

Вопросъ о Гос. Думѣ и объ отношеніи къ избирательной кампаніи, какъ и слѣдовало ожидать, былъ поднятъ и освѣщенъ въ литературѣ с.-р. раньше всего сторонниками участія въ выборахъ. Выдвигая этотъ вопросъ (1911 г. «Извѣстія» — органъ заграничныхъ организаций), защитники точки зрѣнія участія въ выборахъ, поставили его въ прямую связь съ общими тактическими и организаціонными тенденціями; трактовали они его, какъ часть и частности болѣе широкой темы — о задачахъ и цѣляхъ политической организаціи социалистовъ въ условіяхъ современной политической дѣятельности. Поэтому точка зрѣнія участія въ выборахъ и Гос. Думѣ оказалась противопоставленной не только точкѣ зрѣнія «бойкотистовъ»; она оказалась въ противорѣчьи и съ организаціоннымъ заговорщичествомъ, и съ сектантской кружковщиной заграничныхъ т. наз. представителей; и съ идеологіей боевого застрѣльничества и съ тактикой того революціоннаго радикализма, который всѣ свои «лозунги» опредѣляетъ въ исключительной зависимости отъ предположеній о близости или отдаленности «взрыва» или «бури».

*) Отъ редакціи. Мы съ своей стороны охотно даемъ мѣсто для статьи А. Савина. Мы надѣемся еще не разъ вернуться къ животрепещущему вопросу, затронутому въ ней, ибо полагаемъ чрезвычайно существеннымъ ознакомить нашихъ читателей съ той ломкой идей, которая совершается въ настоящее время въ средѣ лѣваго народничества.

Защищая взглядъ, согласно которому задачи наличныхъ организаций сводятся къ содѣйствию рабочему классу въ процессѣ его политическаго и социальнаго самоопредѣленія, сторонники участія не могли и не хотѣли обойти вопросъ о Гос. Думѣ, и пользовались всѣми (вообще говоря весьма ограниченными) возможностями его литературнаго обсуждения. Въ тѣ поры (въ дни возникновенія дискуссiи) бойкотизмъ занялъ нѣсколько странную—хотя должно быть наиболѣе выгодную для него—позицію; онъ старательно обходилъ поставленные ребромъ тактическіе и организационные вопросы и, избѣгая встрѣчи съ принципиальными сторонниками участія въ выборахъ и Гос. Думѣ, упрямо замалчивалъ данную тему.

Однако сознание ея серьезности и глубины тѣхъ идейныхъ противорѣчій, которыя были вскрыты на конференціи заграничныхъ организаций и въ дискуссионной литературѣ,—какъ и чувство идейной беззащитности «бойкотизма», повидимому, не покидало его сторонниковъ; въ нѣдрахъ террористически-бойкотистскаго кружка, владѣющаго всѣми матеріальными ресурсами «партіи», назрѣвала рѣшимость такъ или иначе, но покончить съ «дискуссиями» и водрузить знамя бойкота отъ имени партіи.

Это стремление — создать для «бойкота» привеллигированное положеніе въ средѣ с.-р. и утвердить данную («революціонную» какъ думаютъ бойкотисты) тактику на основѣ формально-авторитетнаго рѣшенія,—вполнѣ соответствовало той основной задачѣ, которую преслѣдовали «бойкотисты». Когда (январь 1912 г.) приближающійся срокъ начала выборовъ заставилъ ихъ заговорить о Гос. Думѣ, то оказалось, что главнымъ идейнымъ мотивомъ за бойкотъ является убѣжденіе, что «отказъ партіи с.-р. отъ тактики бойкота неизбежно усилитъ конституціонныя иллюзіи и можетъ быть истолкованъ, какъ пониженіе революціонности партіи, ея настроенія, ея лозунговъ» (№ 39 «Зн. Тр.», приложение).

Что «бойкотъ» въ практическомъ смыслѣ — не тактика и что практически позиція бойкотизма совершенно безплодна, этого бойкотисты (по крайней мѣрѣ часть ихъ) не скрывали. «Признавая нераціональнымъ участіе въ выборахъ» «во первыхъ потому, что въ большинствѣ случаевъ участіе это фактически неосуществимо» и во вторыхъ,—«потому что подобное участіе въ отдѣльныхъ случаяхъ могло бы повести къ обнаруженію и разстройству нелегальныхъ организаций и нарушенію основной (?) общепартійной работы», бойкотисты «по тѣмъ же соображеніямъ (т. е. и въ силу соображенія о фактической неосуществимости!) считаютъ нераціональной и тактику бойкота Партіей, во всѣхъ его формахъ» (тамъ же).

Такъ оцѣниваютъ положеніе вещей бойкотисты, предлагающіе «и не участвовать и не бойкотировать», а просто «пройти мимо Думы», такъ, какъ если бы ея вовсе не было на свѣтѣ. Но и болѣе послѣдовательные «бойкотисты» блуждаютъ многообѣщающую «революціонную» формулу бойкота замѣнили другой; они предлагаютъ «бойкотъ, какъ энергичное агитированіе за возможно болѣе широкій отказъ населенія отъ участія въ Думѣ и выборахъ въ нее» (тамъ же); и они, строго говоря, пассивно подчиняются обстоятельству; для нихъ бойкотъ является лишь тактикой въ направленіи наименьшаго сопротивленія,—тактикой менѣе всего ангажирующей «партію» (какъ они понимаютъ этотъ терминъ) въ политическомъ смыслѣ. Они думаютъ, что если бы с.-р. участвовали въ выборахъ, они «въ лучшемъ случаѣ могли бы въ Думѣ образовать группу беспартійныхъ (т.-е. непартійныхъ?) с.-ровъ и это представительство было бы по своему составу слабо, блѣдно и не смогло бы защищать интересовъ (ы) трудового народа съ надлежащимъ талантомъ(!), достоинствомъ и авторитетомъ, такъ, чтобы трудовой народъ могъ гордиться(!) своими представителями» («Зн. Тр.» № 39).

Какъ видимъ, главный и единственный, собственно говоря, аргументъ идейно-политическаго характера нынѣшняго «бойкотизма» с.-р. — это боязнь потерять реноме революционности. Отсюда и «идейная» форма предложенія бойкотировать выборы, означаящая не столько «бойкотъ», сколько стремленіе воспрепятствовать «отказу партіи» «отъ бойкота».

Въ данномъ случаѣ бойкотъ есть не столько стремленіе къ политическимъ результатамъ (этихъ результатовъ никто и не ожидаетъ), сколько стремленіе къ созданію «впечатлѣнія», къ созданію такой внѣшности, которая бы демонстрировала «революціонность» партіи.

Но въ этомъ стремленіи бойкотисты встрѣтились съ однимъ, и весьма существеннымъ, препятствіемъ.

Уже на конференціи заграничныхъ организацій бойкотисты при голосованіи получили лишь четыре голоса противъ восьми голосовъ за участіе (при 15 воздержавшихся отъ голосованія). А позже и изъ Россіи начали приходить неблагоприятныя для бойкота свѣдѣнія (такъ напр. полтавская группа с.-р.—см. № 36 «Зн. тр.»—большинствомъ 7 голосовъ противъ 2-хъ высказалась за участіе, оцѣнивая бойкотъ, какъ «призывъ къ бездѣйствию»).

Становилось очевиднымъ, что сохранить реноме мнимой революціонности довольно трудно и что безъ внутренней борьбы утвердить тактику бойкота отъ имени партіи невозможно.

Въ январѣ этого года, послѣ мѣсяцевъ угрюмага молчанія по вопросу о Думѣ, появилось объявленіе (за подписью центрального комитета) о такъ наз. «анкетѣ по вопросу объ отношеніи с.-р. къ выборамъ».

Опросъ организацій признается авторами «единственнымъ выходомъ» въ условіяхъ невозможности собрать комитетское собраніе (Совѣтъ или съѣздъ), на которые до сихъ поръ возлагалось рѣшеніе столь важнаго тактическаго вопроса» указывается, что положеніе осложняется наличными разногласіями въ средѣ с.-р. по вопросу о Гос. Думѣ; «приближается періодъ выборовъ — гласило объявленіе объ анкетѣ— «и партіи необходимо по отношенію къ Думѣ принять ту или иную тактику»; опросъ предпринимается «съ тѣмъ, чтобы полученный матеріалъ послужилъ базисомъ для принятія окончательнаго рѣшенія по вопросу о 4 Гос. Думѣ» (прилож. къ № 39 «Зн. Тр.»).

Однако эта попытка созданія рѣшенія не удалась; она встрѣтилась съ рѣзкимъ протестомъ группы с.-р., разоблачившихъ незаконность этого приѣма созданія рѣшеній и открыто выразившихъ недовѣріе инициаторамъ анкеты.

Спустя три мѣсяца officialный органъ партіи принужденъ былъ разъяснить, что «анкета, конечно(!), не можетъ имѣть законодательнаго характера», что ея результаты не могутъ быть обязательны «для всѣхъ членовъ партіи». Согласно этому разъясненію, стоящему въ полномъ противорѣчій съ текстомъ объявленія, анкета предпринимается въ цѣляхъ моральной поддержки центрального органа, съ тѣмъ, чтобы редація смогла установить «направленіе центрального органа, его линію поведенія». Анкета и ея результаты объявлялись имѣющими значеніе лишь для редакціи центрального органа (и другихъ центральныхъ учреждений партіи), а равно для тѣхъ с.-р., которые «чувствуютъ идейную связь съ центральнымъ органомъ». (№ 41 «Зн. Тр.»).

При этомъ указывалось, что въ редакціи центрального органа и раньше было бойкотистское большинство и что мнѣніе этого большинства и раньше «на совершенно законныхъ основаніяхъ можно было безапелляціонно высказывать отъ имени редакціи центрального органа»; но что редація пошла «инымъ путемъ»,—дала «возможность высказаться на страницахъ центрального органа какъ одному, такъ и другому мнѣнію»), а въ анкетѣ получила лишь моральное подкрѣпленіе къ ранѣ имѣвшемуся праву.

Такимъ образомъ на мѣсто тактики партіи оказалась поставленной болѣе скромная задача — установленіе тактики центрального (т.-е. общаго) органа.

Само собой понятно, что этотъ пріемъ основанный на подмѣнѣ большинства партіи большинствомъ редакціонной коллегіи, является простымъ захватомъ общаго органа частью среды с.-р. (бойкотистовъ). Никто не можетъ сомнѣваться, что центральный органъ партіи можетъ имѣть рѣшенія («линію») лишь въ предѣлахъ принятыхъ партіей рѣшеній и что пока у партіи нѣтъ рѣшенія по вопросу о Гос. Думѣ, никакого рѣшенія не можетъ быть и въ центральномъ органѣ. Но бойкотисты явно рѣшили добиться своего, если не права проповѣдывать бойкотъ отъ имени партіи, то хоть созданія видимости, что партія не отказалась отъ бойкота и по вопросу о Гос. Думѣ не колеблется.

Комическая сторона всего этого эпизода съ анкетой заключается въ томъ, что она—вопреки всѣмъ ожиданіямъ—отняла у сторонниковъ бойкота какія бы то ни было основанія считать бойкотъ преобладающимъ теченіемъ въ средѣ с.-р.

Согласно даннымъ итогового отчета (№ 41 Зн. Тр.) число отвѣтовъ за участіе равно 8, а за бойкотъ—12. Но въ этомъ отчетѣ не нашли мѣста два отвѣта (и за участіе и противъ) уральскихъ рабочихъ; и мнѣніе подтавской группы совершенно произвольно объявлено особымъ. № 42 «Зн. Тр.» знаетъ кромѣ того два отвѣта за участіе и одинъ противъ участія. Такимъ образомъ результаты анкеты къ апрѣлю этого года выражаются числами: 14 (12+1+1) за бойкотъ и 12—за участіе. Можно ли такое «преобладаніе» въ 2 голоса (въ числѣ которыхъ, между прочимъ, имѣется бойкотистскій отвѣтъ организациі «латышскаго с.-д. союза»,—организациі, хотя и союзной партіи с.-р., но все же принадлежащей къ другой партіи) считать достаточнымъ моральнымъ основаніемъ для захвата общаго органа бойкотистами и можно ли вообще на такихъ данныхъ утвердить увѣренность будто бойкотизмъ является преобладающимъ настроеніемъ среди с.-р. — пусть объ этомъ судить самъ читатель...

Что касается идейной стороны отвѣтовъ, то по своему содержанію бойкотистскіе отвѣты, представляющіе дальнѣйшую вульгаризацію «мотивовъ» изъ «Зн. Тр.» (участіе «фактически-неосуществимо», «не стоитъ риска» и «игра не стоитъ свѣчь») рѣшительно обязываютъ противниковъ лишь къ снисхожденію. Среди этихъ отвѣтовъ достоинъ вниманія отвѣтъ (изъ Кіева), въ которомъ съ циничной откровенностью выражена «охранительная тенденція»,—т.-е. самая существенная внутренне-партійной «тактики». «Использованіе Гос. Думы—пишутъ защитники основъ—дѣлаетъ само по себѣ неизбѣжнымъ отказъ отъ средствъ революціоннаго дѣйствія—террора, грозитъ, въ психологическихъ условіяхъ(?) момента и при наличности оппортунистическихъ теченій въ с.-р.-овской мысли(!), проникновеніемъ въ партію духа несвоевременной лояльности, разрушеніемъ ея революціонной сущности и, при дальнѣйшей эволюціи мысли(!) по тому же закону, пересмотромъ тактики на началахъ примиренія ея съ политической дѣйствительностью». (№ 41 «Зн. Тр.» стр. 9).

Какъ и слѣдовало ожидать борьба «съ теченіемъ въ мысляхъ и съ «эволюціей мысли», задачамъ которой, какъ видимъ, бойкотисты подчиняютъ всю «тактику» (и «бойкотъ» и «терроръ») призваны служить цѣли предотвращенія основной «заразы»,—«пересмотра тактики!») ни «теченія», ни «эволюціи» не прекратила.

Сознаніе, что бойкотъ какъ «призывъ къ бездѣйствію» (Полтавская группа) и «неиспользованіе Гос. Думы»—«было бы преступленіемъ гражданина» (Нарымскій край) очевидно становится удѣломъ значительной части, разбросанныхъ по Россіи с.-р. «Съ точки зрѣнія классовой консолидаціи массы поло-

жительное дѣйствіе при данныхъ условіяхъ продуктивнѣе отрицательнаго (бойкота)»—заявляютъ социалисты-революціонеры, не желающіе сдаваться передъ натискомъ прачущихся за формальный авторитетъ обще-партийныхъ знаковъ, представителей вульгарнаго демократизма («Южный городъ»). «Общественная (не политическая) конъюнктура передъ 4 Гос. Думой отличается рѣзкой и точной классовой дифференціаціей; процессъ ея назрѣванія за періодъ 3 Гос. Думы заканчивается; наступаетъ благоприятный моментъ ея реализаціи въ положительномъ революціонномъ творествѣ, а такое возможно лишь въ рамкахъ общественно-правовой борьбы, каковой между прочимъ, представляются и выборы»...(тамъ же). Такимъ образомъ «теченіе въ мысляхъ» идетъ на всѣхъ парахъ и с.-р. въ массѣ начинаютъ вступать на дорогу серьезной социалистической тактики...

Къ этому времени за границей образуется литературная группа («Летучій листокъ»), которая рѣшительно призываетъ с.-р. къ участию въ выборахъ и безъ всякихъ обиняковъ стремится отлить общія воззрѣнія социалистической части партіи въ строго опредѣленные формулы.

«Гос. Дума — говорятъ авторы статьи, «Соціалисты должны участвовать въ выборахъ» (№ 1 «Лет. листка» мартъ 1912 г.), — имѣла бы для насъ значеніе и въ томъ случаѣ, если бы въ ней не оказалось ни одного с.-р. Бойкотистская формула (какъ и формула поверхностно-разсуждающихъ сторонниковъ участія въ выборахъ, оцѣнивающихъ Гос. Думу, лишь въ качествѣ трибуны собственной агитаціи) не заключаетъ представленія о реальности Думы, какъ политическаго факта и фактора общественной жизни».

«Летуч. листокъ» подчеркиваетъ, что «конституція» значительно расширила возможности политическаго и классоваго самоопредѣленія не только буржуазіи, но и демократіи вообще и рабочаго класса; расширены не только возможности, но и площадь открытой политической и классовой борьбы въ Россіи».

«Этихъ «возможностей» реакція не смогла отнять у населенія,—къ прошлому она и не вернула. Остались трещины въ зданіи абсолютизма — всѣ т. наз. «легальные возможности» и, — что всего существеннѣе — наиреальнѣйшая возможность использовать эти «возможности» — готовность широкихъ массъ бороться за общественныя цѣнности. Въ данныхъ условіяхъ Гос. Дума цѣнна именно потому, что она «плоха». Она «плоха» — правы «бойкотисты» — «главнымъ образомъ потому, что она бессильна даже какъ представительство привилегированныхъ элементовъ»; но этотъ недостатокъ при наличныхъ условіяхъ приобретаетъ значеніе достоинства, ибо усиливаетъ значеніе Думы, какъ орудіе борьбы съ лже-конституціоннымъ строемъ. Усиливаетъ, такъ какъ ведетъ къ совпаденію (по направленію, конечно) линій политическаго поведенія буржуазной оппозиціи и социальной демократіи».

Благодаря этому даже III Дума, дѣтище чернаго натиска, являлась въ эти годы наиболѣе горячимъ очагомъ политической жизни и больше сдѣлала въ цѣляхъ политическаго воспитанія обывательской массы (и представителей «революціонной обывательщины»), чѣмъ всѣ прочіе органы политической жизни.

«Если въ дни, когда пробудилось къ жизни массовое движеніе—говорить «Лет. листокъ» объ избирательной кампаніи—существенно цѣнны всѣ случаи, и поводы, и возможности проявленія массовой политической энергіи, то насколько же высоко должно быть оцѣнено значеніе избирательной кампаніи, — этого универсальнаго повода политическаго возбужденія массъ, кампаніи, которая неминуемо должна разростись во всероссійское оказательство демократіи всѣхъ отгѣнковъ?»

И если каждый шагъ рабочей массы на пути завоеванія — или хотя бы заявленія — права на открытое выраженіе коллективной политической воли и мысли, разсматривается социалистами, какъ реальнѣйшая цѣнность, то поистинѣ велико должно быть презрѣніе къ принципамъ массовой тактики, чтобы теперь провозгласить лозунгъ «бойкота», чтобы отказаться отъ встрѣчи съ массой на почвѣ открытой политической борьбы!»

«Избирательная кампанія» — оцѣнивается «Лет. листкомъ», — «какъ незамѣнимый случай для того, чтобы перешагнуть черезъ препятствія на пути развитія «среды с.-р.» (и «остатковъ» чего-то организационно-подобнаго) въ партію—организацию; она создаетъ, по его мнѣнію, наиболѣе благоприятныя условія для ликвидаціи періода организационнаго развала и лже-организационнаго существованія». «Соціалисты-революціонеры въ дни избирательной кампаніи конечно будутъ тамъ, гдѣ должны быть социалисты, т.-е. тамъ, гдѣ будетъ бороться вся демократія страны. И съ нею.»

«Практицизмъ» бойкотистовъ, которые бы участвовали въ выборахъ, если бы могли надѣяться на «сильное» представительство, группа «Летучаго Листка» противопоставляетъ принципиальный взглядъ «сторонниковъ политики съ массой». «Не формальная цѣль—полученіе мандатовъ — является въ данномъ случаѣ дѣйствительной цѣлью, во имя которой мы приглашаемъ участвовать въ выборахъ — говорятъ они — «дѣйствительная цѣль заключена въ самомъ процессѣ: движеніе съ массой въ направленіи къ формальной цѣли т.-е. путь является нашей реальной цѣлью. И въ отвѣтъ на бойкотистское противопоставленіе избирательной борьбы и «основной работы партіи» указываютъ, что «основной работой социалистовъ должна быть работа въ массахъ, борьба вмѣстѣ съ массами; — содѣйствіе массамъ рабочаго класса въ процессѣ политическаго и классоваго его самоопредѣленія. Только работа въ даномъ направленіи и можетъ считаться основной работой социалистовъ» («Летуч. Листокъ» № 1 стр. 3).

Сознаніе необходимости спасти социалистическія цѣнности отъ натиска анархо-радикальскихъ элементовъ въ собственной средѣ, привело къ созданію и другой литературной группы (журн. «Починъ»). Авторы редакціоннаго оповѣщенія объ этомъ журналѣ въ нѣсколькихъ сѣрыхъ формулахъ выражаютъ свои взгляды по вопросамъ тактики. Но и они указываютъ, что «участіе въ выборахъ будетъ способствовать политическому самосознанію (т. е. развитію самосознанія!—А. С.) и сплоченію трудящихся, что путь участія въ Думѣ и выборахъ — путь слянія «съ нарождающимся массовымъ потокомъ», что «завоеваніе думской трибуны послужитъ толчкомъ къ политическому воспитанію трудовых слоевъ». Отрица «старые методы», авторы редакціоннаго вступленія говорятъ: «Новые формы жизни порождаютъ и новые методы дѣятельности. Они же дѣлаютъ ненужными многіе изъ старыхъ. Однимъ изъ такихъ методовъ необходимо признать терроръ». (Апрѣль 1912 г.).

Такъ «эволюція мыслей» послѣдовательно ведетъ къ выдѣленію и сплоченію устойчиво социалистическихъ элементовъ среды с.-р. и ставитъ ихъ въ положеніе рѣзкой противоположности по отношенію къ анархо-бойкотистскому представительству заграничнаго кружка...

Но пока всѣ матеріальныя средства, имена и органы печати находятся въ рукахъ бойкотистовъ.

Въ такихъ условіяхъ сторонникамъ участія приходится пока больше всего надѣяться на идейную силу ихъ аргументовъ и на силу уроковъ жизни, которая, насколько можно судить, и безъ вмѣшательства партійныхъ автори-

тетовъ ведетъ къ побѣдѣ логики надъ фразой и къ крушенію «старыхъ методовъ» борьбы за новую Россію...

Какъ осуществлять требованія политическаго долга сторонники «новыхъ методовъ» покажетъ ближайшее будущее. Но, несомнѣнно, они въ чисто формальной части вопроса о Думѣ и выборахъ примкнутъ къ тому «единственно возможному» его рѣшенію, которое дается формулой уравненія въ правахъ всѣхъ имѣющихся въ средѣ с.-р. мнѣній и,—какъ это уже и сдѣлали нѣкоторые,—открыто признаютъ, что всѣми обстоятельствами они рѣшительно обязываются къ переходу отъ словъ къ практическимъ дѣйствіямъ...

Ант. Савинъ.

Книги, поступившія въ Редакцію будутъ помѣщены въ
слѣдующемъ 7—8 номерѣ журнала.

На поддержку журнала „Наша Заря“ поступили:

Отъ П—аго	100 р.
„ инженера	5 „
„ подписчика М—кова	1 „

Итого 106 р.

Редакція выражаетъ свою глубокую признательность.

О Г Л А В Л Е Н І Е .

	Стр.
П. Масловъ. Дорогъ-ли рабочій трудъ въ Россіи?	3
П. Б. Аксельродъ. На очередныя темы. (изъ писемъ къ друзьямъ).	8
Л. Съдовъ. Отклики: 1. Борьба съ „ликвидаторами“; 2. Ленинцы и избират. кампанія.	2
А. Михайловъ. Къ характеристикѣ современнаго раб. движенія въ Россіи.	30
Л. Мартовъ. Предвыборныя замѣтки.	42

Иностранное обозрѣніе.

П. Б. Аксельродъ. Викторъ Адлеръ.	45
В. Левицкій. Политическое движеніе въ Венгріи.	51
Викторъ Мандельбергъ. Новый избирательный законъ въ Италіи.	56
Джемсъ. Злостное покушеніе на лучшія традиціи америк. народа	61

Политическое обозрѣніе.

Н. Череванинъ. Конецъ октябризма.	65
Ант. Савинъ. Какъ относятся с.-р. къ выборамъ въ 4-ю Г. Думу. (Письмо въ редакцію).	73

Редакторъ-Издатель **Ф. С. Станилевичъ**

Типографія **И. Лурье и К^о**, Гороховая 48.